

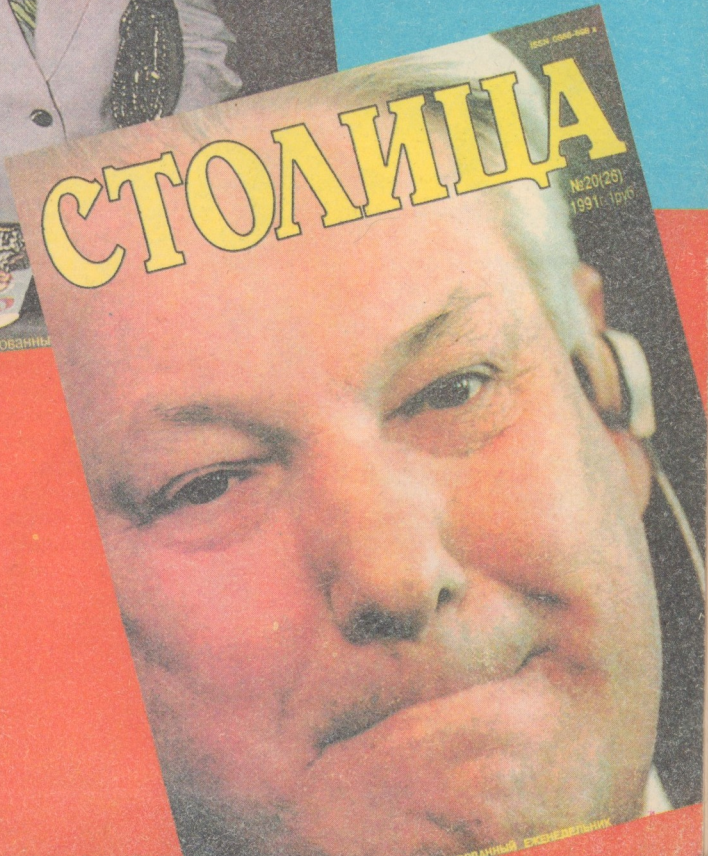
СТОЛИЦА

Даже
 Маргарет Тэтчер
 знает
 ЭТОТ
 журнал.

А ВЫ?

№ 51-52
 1991 г. 3руб.

НОВОГОДНИЙ
 ВЫПУСК

MULTIMALS

☎ 236-70-69
236-95-28

ТЕЛЕФАКС: 200 22 16 ; 200 22 17 ; 292 65 11 · MULTIMALS ·

ВЫ НАС ЧИТАЛИ...

Портрет читателя «Столицы» в возрасте одного года

Мы прожили с вами первый год — журнал и его читатели. Вполне достаточный срок, чтобы познакомиться и разобраться в своих чувствах. Что касается нас, то мы перед вами как на ладони, несмотря на все козни почтового ведомства: оно иногда ухитрялось даже в Москве целый месяц нести очередной номер к подписчикам. Но как бы там ни было, «Столица» выходила и доходила до читателя, а несколько раз аж в «толстом», двоярном виде (как и этот новогодний номер).

Так что вы про нас знаете все. А мы про вас?

Сейчас уже можем сказать: мы вас тоже знаем. Благодаря хорошей науке социологии и ее служителям из Центра социально-экономических проблем культуры. Это они придумали анкету для читателей «Столицы», мы ее напечатали, вы на нее ответили, а социологи все это как-то переварили и набросали ваш портрет. Вот что получилось.

Читатель «Столицы», в основном, мужчина и в меньшей степени — женщина (первых, судя по анкетам, почти на 20% больше). В расцвете сил: главным образом, от 30 до 49 лет. У него хорошее образование: на две трети — высшее (а то и с научной степенью), на треть — среднее или среднее специальное. Живет большей частью семейно (во всяком случае, 65% откликнувшихся на анкету состоят в браке и только 19% там ни разу не были). Почти все работают (кроме 14% — пенсионеров и некоторого количества студентов): врачами, учителями, юристами, инженерами, учеными и на других интеллигентных должностях. Примерно каждый десятый читатель — рабочий. Почти не оказалось работников торговли и сферы обслуживания. А жаль, мы столько про них знаем, зря, что ли?

Конечно, мы у нашего читателя не единственные. Абсолютное большинство тех, кто выписывал или покупал «Столицу» в минувшем году, делал то же самое с «Огоньком», «Октябрем», «Новым миром» и другими журналами, относимыми в масс-медиа страны к демократическим. «Правые» (так у социологов) издания просматривают около 2% наших читателей, а доверяют им вдоволь меньше. Более всего почему-то склонны не доверять «Правде». Ну и ладно, главное, что сейчас у каждого свой читатель.

Между прочим, многие читатели «Столицы», с одобрением относясь к критике КПСС (анкета публиковалась, когда такая партия еще была), не хотели бы, чтобы эта критика превратилась в «охоту на ведьм». Хотя женщины тут настроены более воинственно, нежели мужчины: чем-то партия их особенно допекла...

Причиной межнациональных конфликтов, о которых

«Столица» писала регулярно, наш читатель считает в первую очередь политические игры «определенных сил», заинтересованных в разжигании межнациональной розни, во-вторых, трагические последствия сталинской национальной политики и лишь в малой степени (7% респондентов) видит здесь неизбежное зло, заложенное в природе человека.

Хитрые социологи решили проверить, насколько терпим, толерантен читатель, выяснив, как он относится к смертной казни и гомосексуализму. Что касается высшей меры наказания, то лишь 37% откликнувшихся на анкету согласны ее отменить, а 56% настаивают на сохранении суровых приговоров. Вероятно, это можно объяснить ростом преступности в стране, хотя социологи считают, что тут наши читатели отстают от своих явных демократических устремлений и сохраняют «черты репрессивного сознания».

Зато по отношению к гомосексуалистам они более лояльны: всего 8% видят в гомосексуализме преступление, остальные либо считают это болезнью, либо — подавляющее большинство — просто готовы проявить терпимость к такой природной склонности.

А кого читатель «Столицы» ценит в среде политиков, ученых и публицистов? В предложенном перечне фамилий отсутствовали те, кто обладал в ту пору, по мнению авторов анкеты, заведомо высоким рейтингом. Из возможных 10 баллов больше всех среди политических деятелей получили Э.Шеварднадзе (7,7) и А.Яковлев (6,9). Следом расположились О.Калугин (6,1), Ю.Андропов (3,0) и замыкающий — В.Крючков (1,1). Ох, не зря не любил наш читатель шефа КГБ — до августовского путча оставалось совсем немного времени...

В списке ученых и публицистов вперед вышла дама — Л.Пияшева с 6,7 балла, опередив мужественного Г.Явлинского (6,5), заграничного А.Янова (4,3) и многопрофильного С.Кургиняна (1,9). Добавим к этому, что нежные читательские чувства к Ларисе Ивановне были как бы авансом, реакцией на ее выступления в прессе, теле- и радиодискуссиях. Сейчас же она главный приватизатор в столичной мэрии, то есть перешла в категорию практиков (как и Явлинский), а там уже другой спрос.

Вот такие симпатии и антипатии, дополняющие читательский «автопортрет». Мы понимаем — он, конечно, приблизительный. Даже не фоторобот, и по нему трудно узнать нашего читателя где-нибудь на улице, в очереди или, например, в музее. Есть, правда, одна особая примета, которая сразу его выдает. Едет, скажем, в автобусе человек, а в руках у него — «Столица». И тут уже не ошибешься.

В.МАРКОВ

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Анатолий ОСТРОУХОВ
(ответственный секретарь)
Владимир ПЕТРОВ
(главный художник)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМЕРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Учредитель: Моссовет

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Факс: 41.21—311.45.11
Тел.: 41.21—311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника "Столица" на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Номер подписан в печать 19.12.1991

Тираж 120000. Цена 3 р.
(для подписчиков 1991 — 1 р. 90 к.)

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственной ассоциации предприятий, объединений и организаций полиграфической промышленности «АСПОЛ»
142300, г. Чехов Московской области. Зак. 2004

Надеемся, что этот спецвыпуск придет к читателю в канун Нового года. Ну уж точно — к Рождеству. Видимо, в силу такого предпраздничного настроения мы и позволили себе несколько изменить традиционную структуру журнала. Мы хотели как бы воссоздать предпраздничные хлопоты, новогоднюю суету, разговоры за столом...

Прежде всего, рискуя оказаться нескромными, взглянули на себя в зеркало. Как мы выглядим накануне 92-го?

Потом было страстное желание потеснить политику, отодвинуть ее на задний план. Но на этом пути мы потерпели фиаско. Что поделаешь, если политика стала в нашей жизни чем-то главенствующим, ежедневно грубо врываясь в наш дом. Да и экономика тоже. Пока она нас по-прежнему ничем не радует. А страшные истории про КГБ — ну, в этом удовольствии наш журнал просто не мог себе отказать.

Зато потом... потом мы кинулись в магазины.

ЧИТАЙТЕ В СПЕЦВЫПУСКЕ:

...НА СЕБЯ СО СТОРОНЫ

4 Лев Аннинский: «...герой «Столицы», конечно же, человек столичный, он крутится в сферах, летает на орбитах, режет паркет. Но разбитый асфальт все-таки чувствует: ногами, а то и боками. Запах коммуналок знает, запах свалок, тюремных параш и магазинных подсобок. Назову его так: Столичный Житель».

ВЗГЛЯД

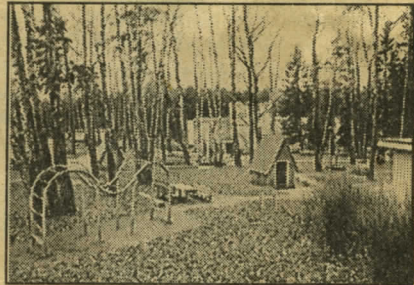
10 Леонид Радзиховский: «...Давайте окно откроем. Разве вы чувствуете, что «отворили жилы»?.. Нет, просто пахнет плохо очищенным бензином. А значит — тяжелая, скучная, беспросветная, чудеснейшая, Богом данная, мирная жизнь продолжается и героическая эпоха, к счастью, далека от нас!»

НИ ШАГУ ВПЕРЕД

28 Вячеслав Басков о наследстве КПСС: «...дома, санатории, пансионаты, гостиницы, детские сады, больницы, поля, луга, леса... Это богатство, отнятое у каждого из нас. И мы должны знать, достанется оно нам или малая комиссия, созданная под покровом ночи всемогущими людьми президента, уговила ему другую участь».

КГБ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И...

42 Эссе московской поэтессы Татьяны Щербины «КГБ и мое поколение», прозвучавшее по радиостанции «Свобода», вызвало бурную реакцию среди наших зарубежных соотечественников. Писатель Георгий Владимов и художник Вячеслав Сысоев вступили в дискуссию.

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Директор издательства
Борис РАБКИН

Отстояли в очередях, прокляли все на свете, но кое-что достали. Иные из нас поехали аж за «бургор», чтобы на празднике быть, выражаясь по-современному, хорошо прикинутыми. Правда, как выяснилось, с нашими жалкими грошами (а на negroши у нас даже «деревянных» не хватает) там делать нечего.

И все же. Худо ли, бедно ли, но праздничный стол у нас будет. Оденемся кто во что горазд, взглянем друг на друга и... отведем душу. Ох уж достанется всем, особенно властям, выскажем все, что о них думаем, перемоем им косточки.

А затем захочется послать этот безумный, безумный, безумный мир куда подальше. Мы предадимся воспоминаниям. Польются тосты. И заговорим о прекрасном, о женщинах, о любви...

Новогодняя ночь коротка. Под утро невольно взгрустнется, подумаешь: что впереди? А что «что впереди»? Впереди — жизнь.

ПРАЗДНИК

- 67 Татьяна Любецкая: «В магазине творилось что-то невообразимое. Продавцы, боясь приблизиться к прилавку, за которым грозно бурлила стихия, кидали мясо на прилавок... и началась свирепая битва за куски, которые хотя и были расфасованы, но от швыряния и борьбы на лету разворачивались, и вид у этих летающих кусков логически завершал картину битвы».

БАРАХОЛКА

- 71 Елена Аверина о поездке в Прагу: «Подсчитав потраченное и приобретенное, мы прослезились, поскольку остались в полном убытке. Ну зачем, зачем поломали соцлагерь и обесценили рубль?! Где они, халаявные покупки за границей, где она, социалистическая валюта, стоившая копейки? И где теперь хорошо и дешево одеваться?»

1992 — ГОД ОБЕЗЬЯНЫ

- 80 Обитатели Сухумского питомника: «Восхищает нас жизнь американских сородичей. У этих буржуев в вольерах есть не только пластмассовые игрушки, но даже цветные телевизоры, по которым они смотрят фильмы (в том числе любимого «Тарзана»), музыкальные шоу и ностальгические ролики о жизни джунглей».

- 74 Русским женщинам так хочется быть немножко «француженками». Поможет ли им в этом вновь созданная «Академия Моды»?

- 76 Вы выбрали себе шляпку? Еще нет? Очень советуем вам это сделать, ибо... «Дело — в шляпке!» Так считает заслуженный работник культуры РСФСР Ирина Сыромятникова.

- 86 Советская женщина, если ее освободить от очередей и дать возможность уделить себе хоть немного внимания, будет выглядеть ничуть не хуже графини Щаповой де Карли.

Над номером работали:
В.СТАРЧЕВСКИЙ,
О.ПРОХАНОВ,
Э.ПЕТРОВА

ЛЕВ АННИНСКИЙ

ЖИТЕЛИ «СТОЛИЦЫ»

Серию «Портреты новой прессы» в «Литературном обозрении» Лев Аннинский начал критическим обзором «Независимой газеты», «Независимая» опубликовала фрагмент статьи у себя. Теперь под пристальный взгляд критика попал наш журнал, и, следуя примеру коллег, мы печатаем часть эссе «Асфальт «Столицы», которое выйдет полностью во 2-м номере «Литературного обозрения» за 1992 год.

...Звонкоголосые, дерзкие, быстрые радикал-демократы вроде бы и похожи на вездных коллег из «Независимой газеты», да не совсем. В «Независимой» — холодные, издательски-корректные эксперты, а тут — подковыры, отчаянные перемешники, ловцы слов. Даже «мышеловка» особая придумана: рубрика для вылавливания глупостей из текущей прессы: краткая выдержка — насмешливый комментарий. Пять строк. И не попадайся! Словят, переворнут. И побегут дальше по разбитому асфальту.

Впрочем, иной раз и споткнутся, собьются в трещину, в траншею, в яму, увязнут в родном навозе. Возникнет ДРУГАЯ МЕЛОДИЯ, и это будет — «сюжет». А пока — экспозиция.

Как называть мне лирического героя «Столицы», дерзкого и контактного? Трибуном оппозиции? Вряд ли: пафоса у него маловато. Он не человек «структур» и не человек «антиструктур»: он — в эти структуры «врывається», он скорее человек «андерграунда», то есть и некоей «почвы». Житель! Житель «региона»... я назвал бы его Москвичом и даже, может быть, Москвитянином (то есть жителем не Колхозной площади, а Садово-Сухаревской), если бы за «Москвитянином» не тянулся шлейф старопочвенного журнала, затеянного когда-то Ап. Григорьевым, и если бы новопочвенный журнал «Москва» не абонировал карамзинскую государственную идею еще со времен Мих. Алексея. В «Столице» — другое: здесь все новое или «советское», или — «антисоветское», верные читатели на-

зывают журнал самым серьезным на сегодня «антибольшевистским изданием», одним словом, политики тут полно. Так что герой «Столицы», конечно же, человек столичный, он крутится в сферах, летает на орбитах, режет паркет. Но разбитый асфальт все-таки чувствует: ногами, а то и боками. Запах коммуналок знает, запах свалок, тюремных параш и магазинных подсобок.

Назову его так: Столичный Житель. Только не надо путать его с ГОСТЯМИ еженедельника. В гости тут приглашают людей самых разных, и интереснейших! Тут даже Кургияну дали самому высказаться (после пары превентивных оплеух), тут самого Сухова разговорили (обойдясь без оплеух и мышеловок). Словом — полный спектр: от миллионера до миллионера, от вице-президента до экс-резидента и от именитого инакомыслящего до иерарха православной церкви в изгнании. Всегда, однако, можно отличить приглашенного на страницы «гостя» от принимающего его в еженедельнике «хозяина», даже если нет прямой полемики, а есть только логика пауз, вакуум неподхваченных идей, «тотальный имидж» вопросов-неответов. «Аура дома» интересна: магнетическое присутствие главного героя. Столичный Житель интересен. И то, как он осваивает реальность теперешнего дня.

Несколько картинок из теперешнего дня, причем таких, какие вчера вряд ли попались бы на глаза Столичному Жителю.

Московская товарная биржа. Зал! Стиль! Элегантность! Какая-то

«ароматно-озоновая атмосфера» ощущается вокруг больших денег.

Игорный дом. Тут тоже атмосфера: «Страсть к игре всегда была истинно русской чертой», и «тщетно классики марксизма-ленинизма пытались вытравить ее «из души народа». Как говорится, на что ни посмотрю, про классиков вспомню.

Валютная проститутка в отеле для иностранцев. Вздыхает: «Просадил на тебя двадцать долларов...» (джин-тоником угостила корреспондентку еженедельника, свою давнюю школьную подругу). А ведь надо и коридорной отстегнуть, и лифтерше, и дружиннику... да еще, слава богу, Вася берет конфетами, у него дочь сладости любит швейцарские. В общем — «хорошо живу, подруга!».

Что-то ностальгическое входит в душу вместе с этими картинками. Плотный короткоострый бобер надежно охватывает горло; снег несильно летит из-под полозьев бегущих саней; пар стоит в трактире; встречают гостя свежезаваренным чаем, зовут наверх, а там, на втором этаже, в «чистом» отделении — тихий разноязыкий говор, серебряный звон ложечки о стакан, крахмальное ребро скатерти и стильное озеро витрины, все в жарких искрах ликерных бутылок, а выше — белый рельеф бордюра: упругие цветы, стебли, листья... стиль флореаль. Шехтель, русский модерн начала века...

Куда ж это нас занесло? На вернисаж?! На выставку «Русский модерн»? Вернемся-ка на грешную землю. Казино у нас нет, у нас — дискотека. На Лубянке. А не грешно? Нет. Это раньше там «госужас» был, а теперь и там — перестройка, и там давно уже не одну только «Правду» читают, и там — дискотека. Когда наша Таня танцует ламбаду, все мужчины сбегаются посмотреть! Другие мужчины в это время в буфете пьют водку и режут ножами мебель. Кто-то запускает бутылкой в диск-жокея. На улице — толпа, ревет: и нас впустите! Любера пришли! Милицейскую машину для потехи

раскачивают, перевернуть хотят! Праздник! Американцы в полном кайфе: налицо русская специфика — водка, грязь и мордобой. Столичный Житель меланхолически комментирует: наверно, нормально потанцевать в России можно будет не раньше XXI века... И идет дальше, спускаясь все ниже по кругам вверенного региона. К падшим и нуждающимся в милосердии. Падшие — они ведь не только в пятизвездочных отелях, они и у трех вокзалов, на чердаках и в подворотнях, они в валенках ходят, в телогрейках, и тело отдадут не за грини, а за поллитры. Куда смотрит милиция? На часы смотрит милиция: все их повадки и графики знает, и появляется она точнехонько в тот момент, когда брюки сняты и штраф неизбежен. Да кого штрафы пугают — это же все рассчитано! Как, и рэкетирь?! А рэкетирь — что-то вроде налоговой инспекции. Конечно, тут и неизбежная многострадальная наша духовность. Проститутке что важно, деньги? Нет, еще важнее — общение: психологическая разрядка! И путанке тоже? А что же, путанка не человек? Путанка мыслит современно: она за мир и развитие контактов, она первой приходит приветствовать каждое международное совещание, каждый государственный визит. Она за радикальную демократию.

Я привожу здесь блестящие социологические зарисовки Анатолия Рубинова не ради них самих (хотя и это стоило бы), а ради того, как они входят в мироощущение Столичного Жителя. Он что знает? Он знает: виновата Система. А где начинается Система и кончается Жизнь? Андрей Мальгин в редакторском комментарии очерчивает силуэты врагов: 1) номенклатурщики; 2) КГБ; 3) «фигура Ленина» как главного номенклатурщика. Хорошо, дойдем и до «фигуры», но меня сейчас интересует система психологических реакций, аура Столичного Жителя. С начальством он взаимодействует отважно, но как он умудряется различать начальство в том многослойном пироге нашей реальности, когда не поймешь, где верх, где низ: сверху спускают «прогрессивный закон», а снизу его игнорируют районные сидельцы, семизды семь слов...

Кто в армии тиран и номенклатурщик? Известно кто: генерал. Кто забит и угнетен Системой? Солдат. Спрашивает Столичный Житель солдата, дезертировавшего из армии: что, брат, дедовщина замучи-

ла? А тот отвечает: да это пустяки, до армии куда страшней было: пьянки, мордобой, поножовщина с детства. А армия что — армия та же жизнь: одного бьют, десять рядом стоят: «Ай! А вдруг меня заденут!»

Вот уже и закон жизни: хочешь уважения — будь готов подставить морду под удар. Как-то надо Столичному Жителю вместить все это. Одно дело, знаете, когда ты с гэбэшным начальником в диалоге пикируешься, в «мышеловки» словесные его загоняешь, и совсем другое — когда из барака на твоих глазах выскакивают избитые ээки («петухи», «опущенные») и рвут друг у друга ведро помоев, вынесенное для лошадей, и едят содержимое... Это что — тоже Система?

Да, безусловно, это жертвы Системы! Это народ, замордованный номенклатурщиками! Это беззаконие, «антижизнь»!

Тут слово берет Андрей Шведов и со смехом уточняет: да, да, антижизнь, выстроенная по железным законам САМОЙ жизни. Шведов, литератор, каратист, угодивший в тюрьму за членовредительскую драку, конечно, уникальный случай, когда ПОЛИТИЧЕСКИЙ протестант испробовал УГОЛОВНОЙ логики. Вот он и свидетельствует: есть логика! Что там, что тут — одна. Тюрьма — не «ад», это та же наша действительность, только жестче. Это народный образ жизни. Снюхался с администрацией — пеняй на себя. Какие идеи ты защищаешь, какие идеалы проповедуешь — это совершенно неважно: важно, подставляешь ли ты морду. Валерия Новодворская может орать спецназовцам любую чушь, против президента или за президента, в это вникать незачем, но раз она себя под их дубинки подставляет, она — человек.

«А вдруг меня заденут?» Что армия, что тюрьма, что зона, что свобода. Какие там идеи! Ты согласен, чтоб тебя отметелили? «Он, конечно, тебя убьет, но — уважая...»

Утешение, видимо, все-таки слабое для Столичного Жителя. Он все-таки привык вникать в идеи, привык оценивать по существу то, что выкрикивает спецназовцам Новодворская. Он все-таки рассчитывает на СВОЮ логику. Какой же смысл, спрашивает он, все время садиться в тюрьму, а там добиваться и ждать освобождения? И, обретя вождленную свободу, снова садиться? Ведь чем так, может, проще... НЕ ВОРОВАТЬ?

Этот вопрос попадает в самую душу собеседника и в самый нерв всех наших системно-структурных хитросплетений.

Собеседник пожимает плечами. Не воровать? Невозможно. ВОШЛО В КРОВЬ.

Столичный Житель «морду» все-таки, я думаю, не подставляет. Но кровь на анализ — берет. Он досконально осведомлен, где что лежит, как и кем спрятано, пронесено, закопано, заховано, перепродано, потрачено, сожрано, переварено, испражнено.

Последнее слово — не для красного словца: вот случай, извлеченный Столичным Жителем из лабиринтов нашей реальности. В поликлинике брянского автозавода один умелец приноровился красть банки с калом, приготовленным для анализа. Он их мыл (вот молодец!) и сдавал.

Вообще ловить воров в нашей реальности — дело хлопотное, поскольку крадут все: «от картошки на чужих огородах до пулеметов из резимных частей». Но Столичный Житель смотрит зорко и видит много.

Он отлично видит, как сестры-хозяйки психоневрологического интерната № 26 тащат домой в сумках кур, масло, мясо, а также постельное белье, чуть ли не вынутое из-под больных. Как в столовой люблинской школы № 483 повара дают детям борщ, в который «недовложены» фрикадельки и сметана. Как крепкие бабы из районного отделения Общества Красного Креста, закрыв двери, меряют кофточкой и делают сладости из немецких гуманитарных посылок, а за дверьми ветхие бабули, которым все это прислано, стоят и просят: может, хоть ма-ленький кусочек шоколадки оставите?

Он знает, зоркий Столичный Житель, сколько платит ежемесячно ресторанный официант за разбитые тарелки и украденные вилки, а также сколько за день километров он пробегает между столиками и сколько весит груженный поднос в его руке. Сколько метанола и пропанола подмешано в воронежскую водку и как водку выносят с завода. Выносят ее — в полиэтиленовых пакетах, привязывая оные к ногам: эту технику особенно интересно разоблачать, потому что выносят водку в основном девочки. Впрочем, и мальчики кое-что могут: один, например, заливал спирт в презерватив, каковой заглазывал и удерживал за кончик зубами; однажды в проходной его остановили и стали задавать

вопросы... Не буду травмировать читателя рассказом о том, что произошло, когда хитрован разжал зубы для ответа... Главное — и это не укрылось от зоркого наблюдателя из «Столицы».

Он зрит в корень. Он знает, что, где и как хранят продавцы в подсобках. Знает, что провозилось в афганских цинковых гробах под видом тел. Знает, сколько стоит на черном рынке ведро патронов. И сколько съел во время визита в СССР член Политбюро ЦК СЕПГ, а сколько — член ЦК КПЧ. Сколько ваннх комнат во дворце султана Брунея. И сколько раз пересек границу Генрих Боровик. И в какой машине ездит Левон Тер-Петросян. И откуда машина у редактора газеты «Культура» Альберта Беляева. И мы, читая еженедельник, все это узнаем. Мы узнаем, на ком и с какой целью женился генерал Ачалов, как содержал любовницу маршал Гречко, сколько перстней было у Георгадзе, каким одеколоном пахнет туалет за кабинетом заведующего отделом на Старой площади, сколько куда идет копеек с рубля, вырученного кинопрокатом, и за что платят гонорары писателям.

Иногда при проверке касс и кошечков открываются дела потрясающие, несоизмеримые ни с какими копейками и перстнями. Выясняется, что песня «Священная война», в 1941 году поднявшая страну, написана вовсе не Лебедевым-Кумачом, он ее только «пропихнул» в свет, попутно присвоив, а написал эти стихи еще в 1916 году провинциальный учитель Александр Боде и четверть века продержал в бумагах, а при начале второго тевтонского нашествия послал Кумачу: авось пригодится.

Пригодилось. Он и не обижался. Александр Адольфович Боде, что текст пошел в свет (и в вечность) под чужим именем: понимал, наверное, что из рук Кумача — примут, а из рук Боде да еще Адольфовича — увы. Так что Кумач в данной истории как бы даже и благодетель, а настоящий автор песни согласился умереть в безвестности. Нет, вы на лицо, на лицо его посмотрите, в огромные глаза русского интеллигента, потрясенного тевтонским нашествием! А потом на портрет Кумача взгляните на соседней странице.

А попутно в журнале продолжается кошечковое тираноборчество: во сколько обошлась дача Горбачева в Крыму да сколько денег получил от немцев Ленин.

Эти немецкие деньги Ленина — просто пунктик какой-то в «Столице» — сколько сил на изыскание положено, сколько торжествующих кликов издано. Хорошо еще хватило такта дать слово Михайле Михайлову, и умный югослав вразумил: что вы ищите секреты там, где их нет? Ленин и не скрывал, что ЛЮБЫЕ деньги возьмет ради сокрушения царизма, хоть германские, хоть сатанинские. И брал, и пускал в дело. И Сахаров ради своего дела (то есть ради сокрушения партдиктатуры) от помощи Запада не отказывался. А любимый автор «Столицы» (спрошу я), знаменитый мюнхенский диссидент Абдурахман Авторханов, в войну на сторону немцев перешедший, на какие же деньги свою деятельность разворачивал? Не на немецкие? А вы сами, когда набираете свой еженедельник в «фотонаборном цехе на системе «Скантекст-2000» фирмы «Аутопан» (ФРГ), вы, простите, за все это чем расплачиваетесь? А когда с гордостью сообщаете, что «Столица» к зарубежным подписчикам поступает в те же сроки, что и к отечественным, — так журнал ваш через границы без валюты святым духом летает?..

Так что же он такое — коллективный герой еженедельника «Столица»? Столичный Житель эпохи «крушения последней империи», крутой тираноборец на дырявом асфальте?

Еще одна самохарактеристика: «восьмидесятник». То есть это я так произношу слово, а крутые ребята из «Столицы» преснятины не терпят, они о себе говорят: «восьмидесятки». Еще я слышал (о следующей волне) — «девятиноски»... Только нашего брата и именуют здесь с протокольной корректностью: «шестидесятники». Но не обольщайтесь: за вежливостью кроется издевка. Конечно, с проклятой номенклатурой шестидесятники ничего общего не имеют, с проклятой номенклатурой ассоциируются, как известно, «ветераны». А эти с чем? А эти — «писали романтические стихи, повести, пьесы, воевали с партийными консерваторами, ваяли свой «социализм с человеческим лицом», ездили за границу...»

— И там, конечно, останавливались в пятизвездочных отелях?.. — хочется мне подхватить монолог Столичного Жителя...

— ХВАТИТ! — остановил бы он мой шуточки. И — ласковым голосом: «Умоляю... все, что вы сделали в те времена, когда политиков у нас

вообще не было, мы оценили... Теперь — вернитесь к письменному столу... В дело вступают те, кто собираются заняться политикой профессионально...»

На этом заканчивается «запоздалая и уже почти параноидальная дискуссия между «шестидесятниками» и «восьмидесятами». Начинаются ДЕЛА. Профессионалы берутся за кормило. Другие профессионалы комментируют.

«Путч»? Новое поколение относится к нему юмористически. Может быть, для шестидесятников путч — трагедия, а для нового поколения — это повод лишь для пожатия плеч. В ГКЧП новое поколение видит только смешную аббревиатуру и смешных дядек, которые, «страда проститом, ополчились на секс во имя хозяйственных связей... По сути дела это был не государственный и даже не дворцовый, а телевизионный переворот. И в ГКЧП собрались не железные, а плачущие большевики апрельского 1985 года призыва (простые, как лопаты, кажется, так определил их Эдичка? — Л.А.), вялые, половничатые и сильно подпорченные игрой в общечеловеческие ценности. Шесть лет «перестройки и демократизации», продолжает Столичный Житель, повисли на этих большевиках тяжким бременем... Потому и метались танки в августовскую ночь без всякого толку, что танкистов то посылали на «Белый дом», то отзывали назад. И еще потому, что за отсутствием карт они не знали дороги, которую спрашивали у прохожих...

Так что же это за ПРОХОЖИЙ набросал такую картину «путча», какая (что правда, то правда) шестидесятнику и в голову бы не пришла?

А это самое новое поколение, что оперилось за шесть лет «перестройки и демократизации». Поколение, «отвыкшее от государственной магии». Поколение Столичных Жителей, которые гуляют по асфальту между танками, словно газели.

Какой же путь они выбирают?

— Они выбирают «Пепси».

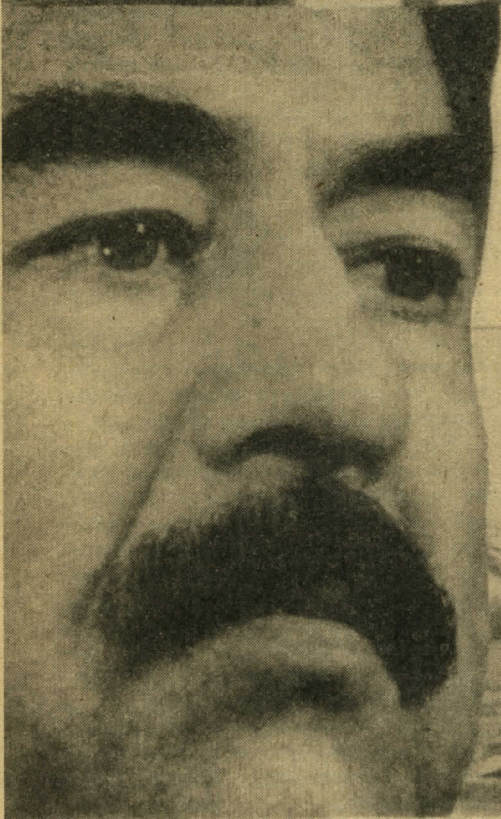
Это — их единственный признак. «Пепси!» Остальное — свобода!

Ничего не делать! Пить «Пепси».

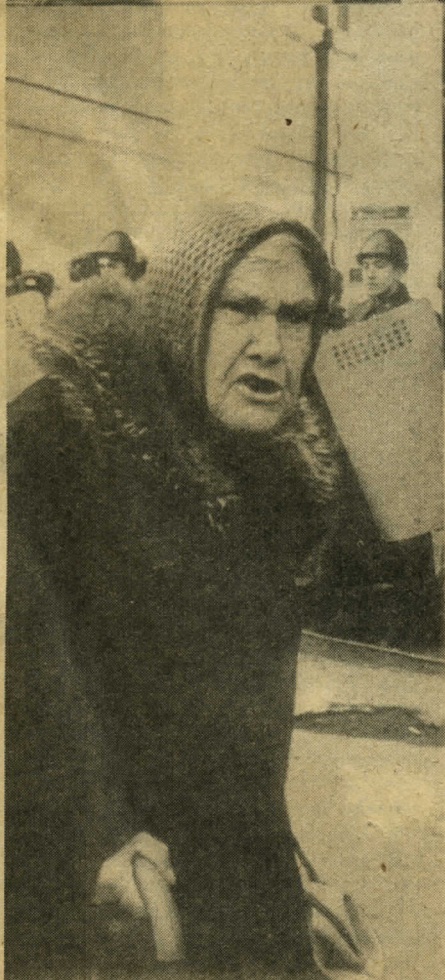
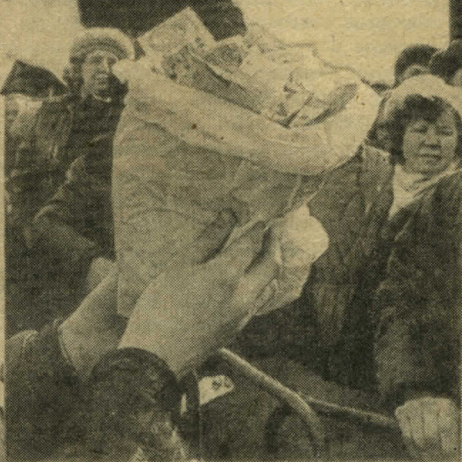
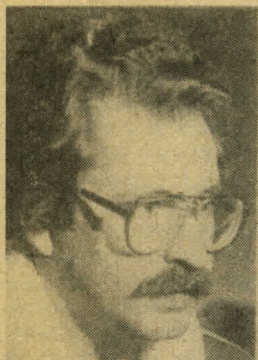
На этом заканчиваются вопросы и ответы, а я заканчиваю портрет Столичного Жителя.

И благодарю авторов «Столицы» за доставленное эстетическое удовольствие. Я многое понял, читая их.

ЛЕТОПИСЬ-91

Средняя школа № 10, г. Москва

Впервые в послеоктябрьской истории России Рождество Христово празднуется официально.

Пришедший на Центральное телевидение, чтобы «выполнить волю Президента», Леонид Кравченко закрывает наиболее влиятельную оппозиционную телепередачу — «Взгляд».

«Зимнее наступление реакции» продолжается в Литве.

Война в Персидском заливе. Мировое сообщество выступило единым фронтом против агрессора. И — победило.

Новый премьер-министр снимает белые перчатки. «Павловский» обмен сотенных и пятидесятирублевых купюр.

Март. «Генеральная репетиция» августовского путча.

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

1917—1991

Итоги 1991 года подводить легко. Перспективу указать труднее.

Главный итог очевиден: социализму-коммунизму в России вынесен приговор окончательный. Обжалованию не подлежит, даже если Рой Медведев составит прошение очень уж жалостливо. Мировая антикоммунистическая революция, известная под названием «перестройка», завершилась. Генсек ЦК КПСС перепилил сук, на котором сидел, и похоронил свой режим.

В общем, черточка, которая стояла после даты 7 ноября 1917 года, наконец-то закрылась второй цифрой: 7.XI.1917 — 21.VIII.1991. Так что — мы, может быть, не понимаем этого — 1991 год по своему значению вполне сопоставим с 1917 годом. Закончилась история не «перестройки», а КПСС, Советского Союза, Российской империи, целая полоса в истории всего мира.

Что ж — попробуем, в самом деле, сравнить год 1917 и 1991. Пусть нас не смутит то, что ничего такого величественного не происходит. Так и совершается история — если дело происходит не в театре, а в жизни. Как говорится, древние греки не знали о себе главного — что они древние. Мы не знаем (вернее, не чувствуем), что мы — герои Истории, что вот эти истории, в которые мы вляпываемся, это-то и есть — История. Да, многие из нас с радостью обменяли бы историческое первородство на место в очереди за чечевичной похлебкой (об отсутствии очередей уж и не мечтаются). Но ясно, что обратиться с такой просьбой некуда. Нету чудес, и мечтать о них нечего. Стал героем исторических событий — терпи! Из потока времени не вынырнешь, от Истории не уйдешь.

Сходство 1917 и 1991 годов, однако, далеко не так велико, как принято говорить. Смена общественно-исторического строя в обоих случаях — вот, пожалуй, «только и всего».

Но обстоятельства этой смены, конечно, совершенно разные.

В 1917 году была война — в 1991-м во всем мире глубокий, «безнадежный», если угодно, мир. Это — главная, решающая разница.

Большевизм родился из всей русской истории, разумеется. Но важнее, чем десять предшествующих веков, со всеми их татаро-монгольскими игами, рабством, царизмом, народофильским иступлением интеллигенции, террором черным и красным, развитием капитализма, еврейским вопросом, 1905 годом, куда важнее всего этого была война. Война развязала руки, война окончательно превратила — искупав в крови — все-таки «голубенький», все-таки сентиментальный и книжный социализм в осатанелый большевизм. «Окно открыть — что жилы отворить». Окно в этот кровавый воздух было выбито, расстреляно из револьвера 28 июня 1914 года в Сараеве. Гаврило Принцип (какова фамилия!) убил Франца Фердинанда — и сумасшедший мир разлетелся как яичная скорлупа.

Большевицкая революция была частью мировой войны, в каком-то смысле — эпицентром войны. В этом и ее мировое значение. Она перебарывала гигантский мост-на-крови — из одного океана крови в другой, из первой мировой во вторую.

Это была революция бешеная, неистовая, сумасшедшая.

«Сумасшедшая, бешеная

кровавая муть!

Что ты? Смерть? Иль исцеленье
калекам?

Проведите, проведите меня
к нему,

Я хочу видеть этого человека».

— Это, конечно, про Октябрь, Ленина. Большевицкая революция была как крестовый поход, как смена религии, как взрыв «пассионарности» нации.

И к этой большевицкой Хиросиме, вспыхнувшей сразу ярче тысячи солнц, с ее бредовым величием, не-

выполнимыми надеждами, невероятными обещаниями — ко всему тому, что называется иступлением нации (а может быть — рождением нации? Кто тогда мог судить!), почти произвольно повернулись головы всего мира. Сегодня только люди, совершенно утратившие чувство. Истории, задают себе вопрос: чем объясняется интерес «всего прогрессивного человечества» к большевицкой России? Уж не хитрый ли заговор какой (или — глупость? или — кремлевское золото?) тащил в наш ГУЛАГ Романа Роллана, Шоу, Уэллса, Барбюса, Фейхтвангера, Жида, заставлял Эйнштейна и Хемингуэя переживать за судьбу русской революции? Уж не хитрый ли заговор сделал в первую половину века имя злого гения России — Ленина — символом столетия?

Нет, не хитрый заговор. Русская революция — это был действительно космический вихрь, неслыханное освобождение, высвобождение энергии человечества. Историки бессильны объяснить (да и описать толком не могут) такие вспышки человеческого, национального безумного гения. Известно одно — эти вспышки бывают не на пустом месте, они венчают (и переводят на новый уровень) уже бушующие вокруг энергетические потоки, чаще всего кровавые потоки. Человечество не научилось еще разумно расходовать такую страшную энергию, не научилось социальные взрывы превращать в медленную, управляемую энергию социального синтеза. Человечество не научилось даже предсказывать эти взрывы, эти внезапные разломы социальной коры, когда на свет вдруг вылезают какие-то кости доисторических мамонтов (так большевицкая революция извлекла на поверхность рабство, крепостное право, опричнину...).

Объяснения подобных явлений, даваемые, скажем, Гумилевым, по-детски наивны. Но, Господи, — ну, не доросли мы до объяснения таких событий, что же искусственно придумывать, подгонять слишком слабые объяснительные схемы... Признаем, что мы не можем объяснить революции — и не будем свое полужнание выдавать за мудреные теории...

Так вот — сегодняшняя революция не имеет с той ничего общего. То была революция в разгар войны, военная революция. Это — революция в разгар мира, мирная революция.

Нет бреда величия. Нет невозможных надежд. Нет иступления. Нет взрыва национального гения — национального бешенства — национального безумия. Там были — Ленин, Троцкий. Здесь — Горбачев, Ельцин.

По мерке тех лет это вообще не революция. Это — быстрая социальная эволюция, кое в чем напоминающая революцию, как лепет старика в чем-то напоминает лепет младенца.

И разницу люди остро и мгновенно чувствуют своей социальной интуицией. Тогда мир ощущал — в России рождается Новый мир. Головы просто сами собой повертывались к России, всех завораживало зрелище страшного и грандиозного Начала. Сейчас все, во всем мире понимают — ничего Нового тут не происходит. Россия медленно, зигзагами, но становится в хвост ко «всеуму прогрессивному капиталистическому человечеству». Русская революция больше не морочит голову ни себе, ни другим, не предлагает новых путей — нет, она старается «себе присвоить ум чужой». У отца-алкоголика и дебошира сын — трезвенник. Начавшаяся неистово («пролетарски») российская революция завершается смиренно, буржуазно.

Да в сущности это и не революция, просто сухой-сухой листик наконец-то сорвался 20 августа с ветки и плавно опустился в грязь, в кучу мусора. Большевизм настолько иссох, настолько ослаб, что его последняя судорога была почти незаметна, последний вздох отлетел тихо-тихо, и занавески не шелохнулись.

Но за все надо платить. За трезвость, за бескровность, за отсутствие нелепых и опасных мечтаний платим — апатией, великой усталостью, депрессией нации. Укатили Сивку крутые горки... Что ж — слава Богу, коли так! По крайности, крови не будет (или, скажем аккуратнее, — крови будет меньше... может быть).

Я уже писал как-то, что без КП нет и СС. Это тоже итог года — крах Советского Союза. Вернее, крах компартии и государства — просто две стороны одной медали. Вполне понятно. Как писал великий знаток номенклатуры Восленский: «Идеология класса номенклатуры (а значит, КПСС и номенклатурного государства СССР. — Л.Р.) — не марксизм и даже не ленинизм. Это сфабрикованная еще господствующим кла-

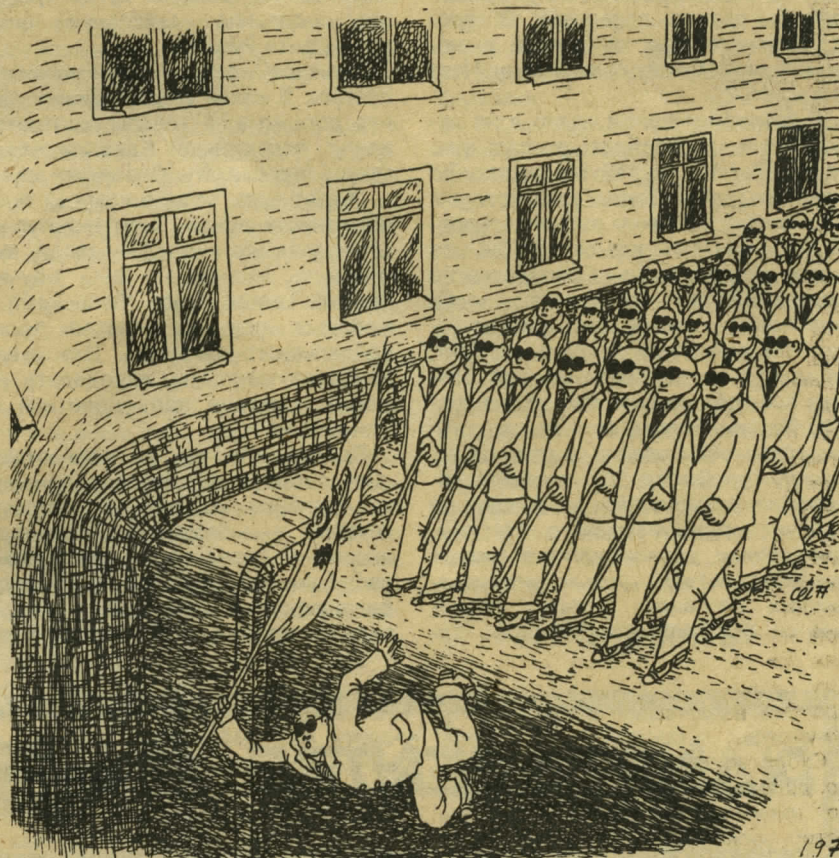
ссом феодального общества охранительная идеология великодержавности, пересыпанная марксистскими терминами и включающая в себя ряд отдельных тезисов Маркса и Ленина».

Вот именно — и судорожные попытки задним числом развести официальную коммунистическую идеологию и идею великодержавности, с тем чтобы не пришлось платить долги обанкротившейся коммунистической системы, — эти идеи слишком наивны. Держава без идеи державы существовать не может. С крахом же представлений о роли военной мощи страны, с крахом представлений о мировой супердержаве, с окончательной моральной капитуляцией перед богатыми и счастливыми западными обществами, которым, как выяснилось, мы ничего не можем противопоставить (и ракеты тут не выручают!), великодержавная идея потеряла в глазах боль-

шинства народа магическую силу. «Тысячи (сотни миллионов! — Л.Р.) народа поднимали колокол... а он вдруг упал и разбился. Вдруг, ни с того, ни с сего» (А.Чехов «Три сестры»). Да нет, и с того и с сего... Но как бы то ни было — упал, совсем упал!.. При этом, с одной стороны, резко усилился энергетический потенциал местного национализма, а с другой — распался союз центральной и местной, национальной номенклатуры, на каком-то союзе и держался феодально-тоталитарный Советский Союз. Местные вассалы отказались платить разоренному и павшему на колени сюзерену старую дань — и последняя феодальная (вовсе не колониальная) империя рассыпалась, что давно уже предсказывали все аналитики.

Таковы очевидные итоги года и века — крах идеологической, политической, государственной системы. И при этом империя не разлетелась,

Рис. В.Сысоева

а разлезлась мокрой газетой на асфальте...

Заметим, кстати, что империя распалась уже второй раз в нашем веке. Но в 1918—1920 годах энергетика «большого взрыва» русской революции была так велика, что вновь собрала вместе осколки империи, собрала их и коммунистическим штыком, и коммунистической идеей. За два года (1918—1920) Россия повторила то, что делалось в течение веков, — вновь собрала воедино Российскую империю. Больше это чудо уже не повторится. На сей раз распад окончательный — собрать державу второй раз у России сил нет — ни физических, ни моральных. Скорее уж Россия будет стараться как-то противостоять возможной экспансии Средней Азии. Итак, крах коммунистической империи — окончательный.

Но каковы же перспективы года 1992? В течение 1985—1991 гг. прогноз было делать просто: поскольку процесс распада был неудержим, но никак не мог закончиться, достаточно было сказать, что и в следующем году будут продолжаться тенденции текущего года, — и ты попадаешь в точку. Однако сейчас распад завершен. О продолжении старых тенденций в новом году не может быть и речи. Чего же ждать?

В геополитическом плане я не думаю, что произойдет распад уже самой России, по той же логике, по какой распался Союз. Люди, которые настаивают на таком варианте, напоминают мне того, кто сказал бы, что после распада семьи распадется на составные части уже организм мужа или жены — как же, ведь развал будет продолжаться и дальше... Нет, по-моему, более вероятно, что развал все-таки остановится около границ России. Россия есть некое органическое образование, в отличие от лоскутного Союза. Что касается автономий, то тщеславие их вождей не требует «международного статуса», оно вполне удовлетворится (может удовлетвориться!) ролью могущественных вассалов, которых побаивается сам «московский царь». Та-

ким образом, если не будут сделаны особо выдающиеся глупости российским руководством (чего, конечно, исключить ни в коем случае нельзя), распад России может остановиться.

В политическом плане я не верю в путч, который нам грозят. Дело все в том же отсутствии энергетики. Конечно, рациональных причин для переворота нет, но их никогда почти не бывает в истории и для успешного путча они не нужны. Нужен напор, нужен лысый человек, который, не боясь быть смешным, и вообще ничего не боясь, бросил бы: «Есть такая партия!». Какая — «такая»? Переполненная энергией, верой, рвущаяся вперед, готовая взнудать Россию. Ни старые генералы, ни авантюристы Жириновский и К^о на эту роль явно не тянут. Значит, можно ожидать продолжающегося парламентского барактанья, с постепенным дрейфом в сторону авторитарного правления и национализма. Но этот дрейф так и будет оставаться в пределах парламентской системы, где лишь усиливается роль президента. Правда, сама президентская власть у нас далеко не монолитна, покрывается сетью трещин (см. недавние заявления вице-президента Руцкого).

Сложнее всего экономический прогноз. В какой момент деньги начнут дорожать, а товары, соответственно, появляться? Едва ли кто-то может это сказать. Очевидно другое — будет идти борьба крупной посткоммунистической номенклатурной буржуазии (ее символ — люди, входящие, скажем, в Научно-промышленный союз Вольского) и молодых «вольных пиратов» торгово-биржевого капитала. Эта схватка будет, вероятно, определять реальное силовое поле политики на ближайший год...

Однако как бы ни разворачивались события, в рамках очерченного сценария неизменным остается главное — «разумный», «вегетарианский» характер революциозволюции. События все время будут балансировать на грани большого взрыва, но так и не перейдут эту

грань. В этом смысле «мирная революция» продолжается.

Кого же благодарить за такое развитие событий (если, конечно, мой прогноз оправдывается, хотя бы отчасти)? Два фактора. Мирную эпоху во всем мире, во-первых. И коммунистов — во-вторых. Салтыков-Щедрин некогда сказал про Наполеона III, что он сперва захватил, а затем просмердил всю Францию. То же — с еще куда большим основанием — можно говорить о коммунистах. Они настолько просмердили общество, что сделали его — кажется! — невосприимчивым к «святым надеждам», сделали его слишком циничным, в нем уже не может зародиться и испепелить все вокруг себя новый мощный энергетический импульс. Должно смениться поколение, вырасти поколение хотя бы отчасти носительно сытых и свободных, чтобы вновь появились идеалисты, а вслед за ними могли бы вновь пойти «святые убийцы», какими на Руси всегда были революционеры. А пока что — мирная революция...

Прав ли я? Как проверить... Давайте окно откроем. Разве вы чувствуете, что «отворили жилы»?.. Нет, просто пахнет плохо очищенным бензином. А значит — тяжелая, скучная, беспросветная, чудеснейшая, Богом данная, мирная жизнь продолжается и героическая эпоха, к счастью, далека от нас!

P.S. Эта статья была написана и сдана в набор 1 декабря, свой постскриптом я пишу 11-го.

Что ж, в историческую эпоху, разделяющую статью и P.S., в эти 11 дней, все, кажется, «идет по плану». Беловежские зубры выбросили ветхую тряпицу с надписью «ССС... Г» — и никто ничего не сказал. Народ по-прежнему спокоен. Горбачев пока по-прежнему разумен. Военные по-прежнему стоят в очередях за мясом (не пушечным!). Все нормально.

Так. Ну а что будет в следующую эпоху, отделяющую 11-е декабря от дня, когда этот номер поступит в продажу?

ПЛАНЕТА-CENTRE

Международная Акционерная корпорация «Планета-Центр» поздравляет всех бизнесменов России с Новым годом и желает крепкого коммерческого здоровья.

Григорий КРОШИН

ХОРОШО СИДИМ...

(Из цикла
«Вокруг да около парламента»)

А КУШАТЬ-ТО ХОЧЕТСЯ

Если сейчас вот, прямо в полдень, выйти на улицу, напрямик попадаешь в очередь. Причем для этого не надо предпринимать никаких особенных усилий и натужных телодвижений; просто идешь по улице и сам собой встаешь в хвост: «Кто последний?» И даже не надо и спрашивать, за чем конкретно эта очередь, что, мол, дают. Потому что, как правило, ничего не дают, просто стоит очередь. За чем? За всем. А если и спросите по ошибке, вам ответят сквозь зубы: «За едой»... И в самом деле, какая вам разница, за чем именно. Все равно же возьмете любое, что «выбросят». Так вот, если постоять в очереди этой «за едой» минут пять-семь, кто-то, начитанный, не выдержит долгого молчания и бросит для затравки:

— Да-а, навывирали депутатов этих на свою голову... Чем они там, в Кремле, только занимаются? Они сами по себе, мы — сами...

— Да им-то что до нас? — тут же наверняка поддержит полемику кто-нибудь из задних. — Им небось в Кремле этом еды хватает...

...И, сколь это ни покажется кому-то неправдоподобным, очередь на этот раз не права. Ну... скажем, не стопроцентно права. Потому как в это самое время, в тот же полдень, в том самом Кремле стоит, представьте, такая же точно очередь. Ну, почти те же самые, вполне рядовые наши сограждане, только со значками. Но стоят они, значкисты, практически в аналогичной очереди, что и мы, смертные. Ну, просто, может, в чуть меньшей по протяженности и по воздействию атмосферных осадков, потому как под крышей и при свете люстр. А так — все похоже. В том числе и наличие ассортимента, и отсутствие уверенности, что тебе достанется... То есть тем народным избранныкам, которые не

бежали по объявлении перерыва вприпрыжку вниз по лестницам в этот вождянный буфет, обгоняя других, не менее народных избранников, а спускались с достоинством и не спеша, вполне могло не хватить алкаемой еды — ни бутерброда с вареной колбасой, ни бульона из кубиков, ни чашки кофе, которого не досталось и первым в очереди, так как его вообще уже месяца два как нет... Кто последний за последней едой?..

Не верится, читатель? Да и мне б не верилось, если бы самолично там, в этом буфете, не стоял с той же низменной целью: пока еще аккредитованных журналистов туда допускают. А что делать, кушать-то всем хочется... Хотя с этим и здесь напряженка. Так вот, по этому рассматриваемому вопросу повестки дня хочу сделать заявление от любого микрофона:

— Товарищи и господа, леди и джентльмены, уважаемое население! Нету уже в кремлевском буфете для наших избранных того, о чем мы думаем про них и мечтаем про нас. Бывает, конечно, но — не для всех. Последним депутатам не хватает. Только первым. Словом, с подобными привилегиями, считай, покончено. Могу вас обрадовать: союзные депутаты в парламенте нынче недоедают, родимые, почти что как и мы. Ура...

Вот такой, не дай Бог, окончательной победой справедливости завершился этот бурный год. Вы довольны, уважаемое население, а также господа и товарищи? Я что-то не очень. Нет-нет, вовсе не потому, что мне в той престижной очереди часто ничего не обламывается, хотя, конечно, это и обидно до слез. А скорее потому, что не дает мне покоя одна мыслишка тревожная: что ж, скажите, наши и без того чересчур мудрые избранные теперь нам навывдумывают — на голодный-то желудок? Можете себе такое представить? Не приведи Господь...

А походишь среди них, всенарод-

ных посланцев, потолкаешься в их гуще в кулуарах, курилках, буфетах да туалетах, наглядяешься да заслушаешься этих неприкаянных, каких-то сильно несчастных и не вполне полномочных представителей, членов «обновленного» Верховного Совета несуществующего Союза — ну, просто сердце сжимается от жалости к ним. Да и к нам с вами заодно. Прислушаемся в курилке:

— ...Ну, уж эти мне демократы российские... Вы знаете, какими их в «Белом доме» каждую неделю заказами отоваривают?!

— Да ну! Не может быть...

— Еще как может. А вы, например, слышали, какие Россия себеклады установила? Нашим депутатам и не снилось. Более трех тыщ у членов, которые на постоянной основе.

— Ну да?! Не может быть...

— Точно! Я сам документик видел. На нем гриф: «опубликованию не подлежит»...

...Чего только не мучает с голодухи! Пошел я из Кремля этого, несолоно хлебавши, в здание, что на Новом Арбате, 27, где, как известно, обретаются комитеты и комиссии союзного парламента. Рядом с гардеробом, смотрю, знакомый депутат мнется. Член прежнего состава ВС, очень известный деятель культуры из одной довольно суверенной республики.

— О-о, здравствуйте, а вы-то как здесь? — Знаю, что в новом Верховном Совете этот депутат уже не состоит. — Разве вы еще играете в эти игры?

— Не-ет, я играю теперь свое. На ролях. Вчера как раз концерт давал. После двухлетнего перерыва вернулся наконец к делу...

— Ясно. А здесь-то вы как...

— Понимаю ваш вопрос. Здесь я по совсем другой причине. Дело в том... в общем, в Москве вашей пообедать негде, а здесь все-таки столовая. Поесть можно. Правда, без хлеба: кончился... И без сахара, пустой чай... А так ничего, нормально.

Вот так. А вы как думали? Кушать-то всем хочется...

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Вобщем-то, надо признать, нам очень добрые избранные попались, то и дело о нас с вами пекутся, изо дня в день, без перерыва. И совестливые сильно. Так вот сидишь на заседаниях, смотришь с балкона неделями напролет,

одно и то же наблюдаешь и слышишь от них: хватит, мол, коллеги, болтать, надо, дескать, братцы, работать, чтоб народу (это нам то есть с вами) стало от нашей работы еще лучше жить...

Вот с трибуны член Совета Республик от Узбекистана депутат Файзуллаев из последних сил вкалывает от микрофона:

— Надо же работать, решать вопросы! В стране люди голодают!

И самое-то удивительное, что прозвевший депутат абсолютно прав. Действительно, надо работать. И решать вопросы — надо. В самом деле — люди уже кое-где голодают. Но вот как надо работать, каким конкретно образом следует решать вопросы, чтоб люди не голодали, ни прежним парткратам, ни нынешним демократам, похоже, неведомо...

А ведь еще Анатолий Иванович, помнится, предупреждал заранее, что, мол, смотрите, не меняйте состав нашего braveго Верховного Совета, толку никакого это не даст, да и товарищ Шарм из парламента уйдет... Не помните? Ну как же. Известна такая байка: приходит как-то к Лукьянову самый знаменитый таксист и любимец народа депутат Сухов и заявляет в очередной раз о своем желании уйти из этого непотребного Верховного Совета. А спикер ему вроде на это: «Ну что вы, Леонид Иванович. Если уж и вы уйдете из ВС, то из него уйдет и шарм...» Депутат пошел домой, в гостиницу, крепко, видимо, помозговал пару дней, потом опять приходит к спикеру: «Извините, Анатолий Иванович, но я внимательно просмотрел весь список наших депутатов и — не нашел в нем никакого депутата Шарма...»

Но вот уже и таксиста нет в парламенте, и других любимцев Лукьянова, как и самого его, и, конечно, прежнего шарма нет... Но — посмотрите, кто появился наконец в нашем союзном парламенте! Кажется, так долго демократы ждали такого триумфа и вот дождались! Теперь в высшем союзном органе власти такие люди, кого тот же мудрый спикер-поэт в свое время и на километр не подпускал к решающей деятельности, то есть к кнопке голосования. Таких, например, известных смутьянов, как Гдлян и Иванов. А нынче они — представить только! — члены парламента. Да разве они одни? А Черниченко? А академик Тихонов? А Заславский? А — страшно вымол-

вить — Юрий Афанасьев?! Я уж не говорю о Сергее Белозерцеве, которого парткоматы и в комитет-то никакой не хотели пускать... А взгляните, кто это теперь восседает на месте спикера палаты — Лубенченко?! Да когда-нибудь, скажите, могло ли депутатам такое присниться на совместном заседании палат?

Ну, вот уж теперь, кажется, эй, ухнем, и сама пойдет. Ан — нет. Не идет что-то сама... Что же, поздно пришли демократы? Или — НЕ демократы? Словом, пришли, удобно сели в кресла, подвинулись поближе к кнопкам, а на какие нажимать — похоже, не определились. И главное — для какой цели сели-то? И возникает сам собой извечный вопрос демократов: ЧТО ДЕЛАТЬ? Революционный демократ Чернышевский спрашивал — не нашел окончательного ответа. Большевистский демократ Ульянов спрашивал — не нашел. Беспартийный демократ Попов — тот же результат...

Теперь вот уже и самые что ни на есть новейшие, послепутчевские демократы пришли в кремлевские залы — кто в прежний Зал Верховного Совета СССР, кто — в бывший Зал Пленумов ЦК КПСС. И вновь — вот уже третий месяц кряду сидят, смотрят друг на друга в полнейшей растерянности: бороться-то уже вроде ни с кем не надо, все парткоматы повержены, а как же, если не бороться? И пожимают парламентарии плечами: а чего это мы здесь с вами сидим-то целыми днями?..

— Уже пошла четвертая неделя, а мы, по существу, ничего не сделали... Чтобы приносить пользу народу, надо работать засучив рукава, а не дискутировать часами по мелочам, — потеряв всякое терпение, настаивает молодых коллег опытейший председатель комитета Юрий Калмыков.

— Мы брошены в свободное падение, — подливает масла в огонь еще один из новейших председателей комитетов Александр Щелканов и вопрошает в воздух. — Верховный Совет кому-то для чего-то нужен?..

— Мы не знаем, как работать, в каком направлении двигаться, — отчаивается Н.Оразалиев.

— Из районов спрашивают: вы что там делите, не знаете, зачем вас послали туда? — разводит руками И.Файзуллаев.

Надо отдать должное выдержке

наших избранников. Несмотря на, казалось бы, отчетливо осознаваемую ими свою полную никчемность, тем не менее пытаются, как говорится, держать фасон, вызвать к себе уважение соплеменников. И тогда во весь свой рост встает проблема, похоже, самая главная сегодня для выразителей наших с вами дум и чаяний:

ДЕПУТАТ — ОН ТОЖЕ ЧЕЛОВЕК!

Но вроде бы кто ж с этим тезисом спорит, верно? Мы ж, кажется, все живем в одной и той же жизни, претерпеваем одно и то же, стоим, как сказано было выше, практически в одних и тех же очередях за одинаковыми продуктами под кодовым названием «еда» и так далее. Если и сами не претерпеваем, то уж во всяком случае наблюдаем и слышаны, что не у всех еще поголовно имеется в наличии пристойное жилье, не каждый еще гражданин способен купить себе даже самое необходимое, и прочее, и прочее. И, кажется, вот чем бы самое время всерьез и надолго озаботиться нашим избранникам в новом парламенте. На какое-то время мы упустили их, родимых, из виду, не имеем счастья наблюдать парламентские схватки по телевизору. Может, упустили что ценное? Может, быются они там, бедолаги, из всех последних сил над тем, как поскорее наполнить наши прилавки? Или ломают мозги над заковычкой, как побезболезненней превратить нищих в богатых? А может, сбились с ног, выискивают возможности для того, чтоб обеспечить наконец квартирами бездомных беженцев из других республик? Или вообще, может, уже нашли рецепт достижения всеобщей межнациональной приязни и братания?.. Ах, читатель, если бы!

Приоткроем чуть-чуть двери парламентских палат, послушаем, из-за чего, собственно, в уютной тиши Кремля ломают копыя наши трудягидепутаты:

— Кто бы ни был — Горбачев, Примаков, Арбатов — практически живут за границей, половина населения Советского Союза уезжает за границу? — возмущен Хубиев из Кыргызстана. — На каком основании в конце концов? Народ голодает, а мы все ездим по другим странам... Хватит гулять за счет простых людей.

— Почему Каримов имеет право на самолет, а я нет? — мучительно ищет справедливости Файзуллаев из Узбекистана. — Я тоже народный депутат и тоже служу народу...

— А льготы на шикарный проезд по автостраде в размере 15 метров, — изящно напоминает член парламента Самарин. — Это едет Президент России... тот человек, который говорил, что ездит только на «Москвиче»...

— Есть депутаты, которые приехали в Москву, получили служебное жилье, а теперь не хотят выселяться, — клеймит Безбах.

— Почему товарищ Воротников и прочие до сих пор пользуются служебными автомобилями? — разоблачает Богданов.

— Легковыми автомобилями, — дает справку Ополинский, — пользуются многие бывшие сотрудники Кабинета министров, их 203 человека. В этом списке почему-то и дочь Дмитрия Ульянова...

И так далее, несколько дней подряд. Скучно было наблюдать, с каким жаром народные избранники, до того весьма инертные и вялые, «рвали друг друга на части» по воп-

росу о привилегиях самим себе, пенсиях, зарплатах: кому положен автомобиль персональный, а кому — по вызову, кому из отвергнутых членов бывшего ВС идти на биржу труда, а кому это «не по чину», унижительно, т.е. следует подать довольствие в койку вместе с кофе...

Не знаю, какое бы у меня от всего этого осталось впечатление, если бы всю эту многодневную изнурительную дискуссию вокруг собственных благ не попытались остановить такие «несерьезные», хотя и весьма народные депутаты, как, например, Юрий Болдырев и Николай Тутов. Смотрите, до чего они договорились:

— Какие вы видите моральные основания для того, чтобы нам для себя создавать нормы лучше, чем для всех граждан? — наивно, хотя и витиевато, спросил зал Болдырев. Но, по-видимому, недостаточно громко спросил. Не услышали...

— Когда наш народ унижен, оскорблен, — добавил Тутов, — поставлен на колени, требовать льгот для себя или для своих товарищей мы не имеем никакого мо-

рального права. Это в конечном счете безнравственно.

Ну, вы думаете, что уж к этому-то замечанию нельзя не прислушаться, да? Но вот встает к микрофону самый демократичный демократ Владимир Самарин и говорит такое:

— Давайте не будем строить из себя борцов за равные гражданские права.

Правильно, не надо строить из себя. Вы ж не строители, а депутаты как-никак...

А может, будет разумнее поразмышлять как-нибудь в очереди за бульоном над такой, скажем, проблемой, каковую в виде вопля отчаяния бросила в зал недавно одна здравомыслящая депутатша — Н.Крюченкова:

— Нас ждут на работе, — напомнила она, — спрашивают, когда вернемся...

А что, ребята, может, вот она — спасительная идея? Отчего бы и вправду не рассмотреть ее на вашей очередной тусовке? Но вначале, как водится в парламенте и записано в регламенте, дать ее на проработку в комитеты и комиссии. А потом и — по домам. Ждут ведь в самом деле...

МП ИНФОРМСВЯЗЬ

МЫ РАБОТАЕМ В ОБЛАСТИ СЕТЕЙ СВЯЗИ В ТЕЧЕНИЕ 20 ЛЕТ!

РАНЬШЕ МЫ СОЗДАВАЛИ СЕТИ ДЛЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА — ТЕПЕРЬ МЫ СОЗДАЕМ КОМПЬЮТЕРНЫЕ СЕТИ И ДЛЯ ВАС!

МЫ ГОТОВЫ РАЗРАБОТАТЬ ДЛЯ ВАС СЕТЬ ПЕРЕДАЧИ ДАННЫХ, СВЯЗАТЬ В ЕДИНУЮ СИСТЕМУ ВАШИ КОМПЬЮТЕРЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ СЕТИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ В ЛЮБЫХ ТОЧКАХ СТРАНЫ И МИРА. МЫ ИСПОЛЬЗУЕМ ПРОВОДНЫЕ, РАДИО-, СПУТНИКОВЫЕ КАНАЛЫ СВЯЗИ И ТЕЛЕФОННЫЕ СЕТИ.

НАША СЕРИЙНАЯ ПРОДУКЦИЯ

FILENET поможет создать локальные и территориально распределенные системы обмена информацией. Поддерживается обмен информацией по выделенным и телефонным каналам связи.

РС-TELEX даст Вам возможность использовать персональный компьютер для работы по телеграфным каналам связи.

ЭЛИНК — русскоязычный программный пакет электронной почты для пользователей локальных сетей Novell.

ЦЕНТР КОММУТАЦИИ ПАКЕТОВ на базе IBM PC AT для построения территориальных сетей связи по международному стандарту X.25.

CONNECT — коммуникационное программное обеспечение для работы по выделенным и телефонным каналам связи с широким набором дополнительных услуг.

АРМ РУКОВОДИТЕЛЯ — средства автоматизации деятельности управленческого персонала для IBM-совместимых компьютеров.

СИСТЕМА АВТОМАТИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ — содержит около 50 автоматизированных рабочих мест, работающих с централизованной базой данных.

«ИНФОРМСВЯЗЬ» продает сетевые средства, соединительные кабели, коннекторы и инструмент для монтажа сетей ЭВМ производства США по самым низким ценам.

- 103045, МОСКВА, А/Я 90. ТЕЛЕФОН: 128-48-65, 437-52-98
- ФАКС: (095) 437-52-98. ТЕЛЕКС: 414764 ENTSY SU

— Почему Каримов имеет право на самолет, а я нет? — мучительно ищет справедливости Файзуллаев из Узбекистана. — Я тоже народный депутат и тоже служу народу...

— А льготы на шикарный проезд по автострате в размере 15 метров, — изящно напоминает член парламента Самарин. — Это едет Президент России... тот человек, который говорил, что ездит только на «Москвиче»...

— Есть депутаты, которые приехали в Москву, получили служебное жилье, а теперь не хотят выселяться, — клеймит Безбах.

— Почему товарищ Воротников и прочие до сих пор пользуются служебными автомобилями? — разоблачает Богданов.

— Легковыми автомобилями, — дает справку Ополинский, — пользуются многие бывшие сотрудники Кабинета министров, их 203 человека. В этом списке почему-то и дочь Дмитрия Ульянова...

И так далее, несколько дней подряд. Скучно было наблюдать, с каким жаром народные избранники, до того весьма инертные и вялые, «рвали друг друга на части» по воп-

росу о привилегиях самим себе, пенсиях, зарплатах: кому положен автомобиль персональный, а кому — по вызову, кому из отвергнутых членов бывшего ВС идти на биржу труда, а кому это «не по чину», унижительно, т.е. следует поддаться довольствию в койку вместе с кофе...

Не знаю, какое бы у меня от всего этого осталось впечатление, если бы всю эту многодневную изнурительную дискуссию вокруг собственных благ не попытались остановить такие «несерьезные», хотя и весьма народные депутаты, как, например, Юрий Болдырев и Николай Тутов. Смотрите, до чего они договорились:

— Какие вы видите моральные основания для того, чтобы нам для себя создавать нормы лучше, чем для всех граждан? — наивно, хотя и витиевато, спросил зал Болдырев. Но, по-видимому, недостаточно громко спросил. Не услышали...

— Когда наш народ унижен, оскорблен, — добавил Тутов, — поставлен на колени, требовать льгот для себя или для своих товарищей мы не имеем никакого мо-

рального права. Это в конечном счете безнравственно.

Ну, вы думаете, что уж к этому-то замечанию нельзя не прислушаться, да? Но вот встает к микрофону самый демократичный демократ Владимир Самарин и говорит такое:

— Давайте не будем строить из себя борцов за равные гражданские права.

Правильно, не надо строить из себя. Вы ж не строители, а депутаты как-никак...

А может, будет разумнее поразмышлять как-нибудь в очереди за бульоном над такой, скажем, проблемой, каковую в виде вопля отчаяния бросила в зал недавно одна здравомыслящая депутатша — Н.Крюченкова:

— Нас ждут на работе, — напомнила она, — спрашивают, когда вернемся...

А что, ребята, может, вот она — спасительная идея? Отчего бы и вправду не рассмотреть ее на вашей очередной тусовке? Но вначале, как водится в парламенте и записано в регламенте, дать ее на проработку в комитеты и комиссии. А потом и — по домам. Ждут ведь в самом деле...

МП ИНФОРМСВЯЗЬ

МЫ РАБОТАЕМ В ОБЛАСТИ СЕТЕЙ СВЯЗИ В ТЕЧЕНИЕ 20 ЛЕТ!

РАНЬШЕ МЫ СОЗДАВАЛИ СЕТИ ДЛЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА — ТЕПЕРЬ МЫ СОЗДАЕМ КОМПЬЮТЕРНЫЕ СЕТИ И ДЛЯ ВАС!

МЫ ГОТОВЫ РАЗРАБОТАТЬ ДЛЯ ВАС СЕТЬ ПЕРЕДАЧИ ДАННЫХ, СВЯЗАТЬ В ЕДИНУЮ СИСТЕМУ ВАШИ КОМПЬЮТЕРЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ СЕТИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ В ЛЮБЫХ ТОЧКАХ СТРАНЫ И МИРА. МЫ ИСПОЛЬЗУЕМ ПРОВОДНЫЕ, РАДИО-, СПУТНИКОВЫЕ КАНАЛЫ СВЯЗИ И ТЕЛЕФОННЫЕ СЕТИ.

НАША СЕРИЙНАЯ ПРОДУКЦИЯ

FILENET поможет создать локальные и территориально распределенные системы обмена информацией. Поддерживается обмен информацией по выделенным и телефонным каналам связи.

РС-TELEX даст Вам возможность использовать персональный компьютер для работы по телеграфным каналам связи.

ЭЛИНК — русскоязычный программный пакет электронной почты для пользователей локальных сетей Novell.

ЦЕНТР КОММУТАЦИИ ПАКЕТОВ на базе IBM PC AT для построения территориальных сетей связи по международному стандарту X.25.

CONNECT — коммуникационное программное обеспечение для работы по выделенным и телефонным каналам связи с широким набором дополнительных услуг.

АРМ РУКОВОДИТЕЛЯ — средства автоматизации деятельности управленческого персонала для IBM-совместимых микомпьютеров.

СИСТЕМА АВТОМАТИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ — содержит около 50 автоматизированных рабочих мест, работающих с централизованной базой данных.

«ИНФОРМСВЯЗЬ» продает сетевые средства, соединительные кабели, коннекторы и инструмент для монтажа сетей ЭВМ производства США по самым низким ценам.

- 103045, МОСКВА, А/Я 90. ТЕЛЕФОН: 128-48-65, 437-52-98
- ФАКС: (095) 437-52-98. ТЕЛЕКС: 414764 ENTSY SU

БУДЕМ ЛИ МЫ БОГАТЫМИ И ЗДОРОВЫМИ?

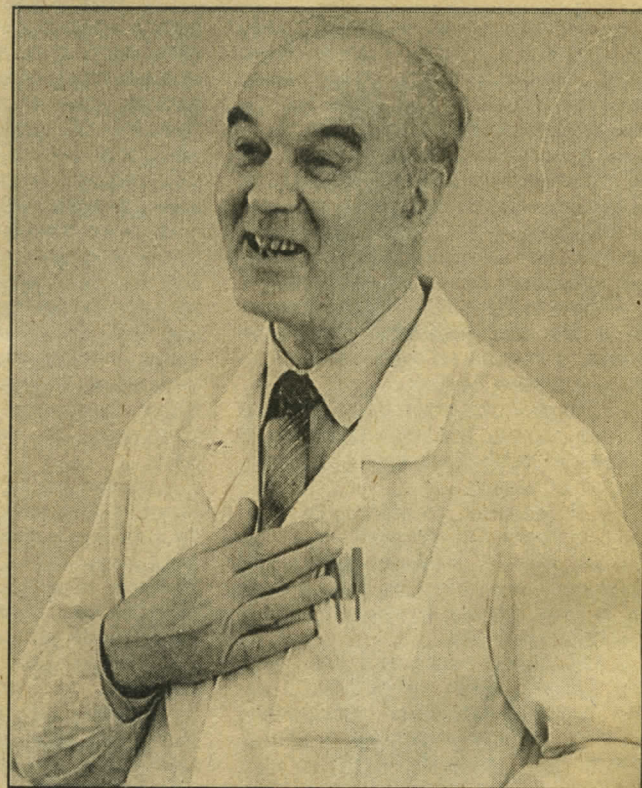

Фото Ю.Штукина

На вопросы «Столицы» отвечает министр здравоохранения России А.Воробьев.

Совпадение или нет, но стоило директору Всесоюзного гематологического научного центра, действительному члену АМН Андрею Воробьеву выступить на страницах нашего журнала с критикой министра здравоохранения РСФСР Калинина, как ему самому пришлось пересест в «калининское» кресло. «Неловко как-то получилось», — отвечает на мои поздравления новый министр. Встретиться с ним теперь сложнее, чем тогда, когда он был директором. В конце концов «поймать» министра удалось на праздновании 70-летия Института судебной психиатрии имени Сербского. «Я пришел на юбилей не как министр, а как человек, который верит в поговорку: от тюрьмы и от сумы никто не застрахован...» — говорил со сцены Андрей Воробьев. А потом мы приехали в Минздрав России, Андрей Иванович сел в свое кресло и говорил уже как министр...

— Ваше новое назначение, честно сказать, со стороны кажется полной неожиданностью...

— Почему «кажется»? Я сам этого не предполагал, не думал. Я врач, терапевт-гематолог, директор института. Выше некуда. И вдруг звонок из «Белого дома». Советник президента Ельцина, член-корр. АН СССР Алексей Яблоков просит приехать. Нужно, говорит, помочь работать новому кабинету министров. Я не торговался, не заставлял упрасивать. В сущности, каждый врач готовится всю свою жизнь к роли министра.

— **Минздрав России стал правопреемником союзного министерства. Наверное, приходится решать не только общемедицинские проблемы, но и чисто человеческие, кадровые, межкабинетные?**

— Никаких обостренных отношений внутри Минздрава Союза, который перешел теперь под «российский флаг» вместе со своими помещениями и штатами, я не увидел. И насчет аппарата я как раз спокоен. Подумать придется о другом: как нам принимать на себя обязанности союзных структур. Россия ведь не член Всемирной организации здравоохранения, не член ООН.

— **А внутренние проблемы? Госбюджет трещит по швам, районная**

медицина хиреет, врачи бегут в СП и кооперативы, а больные не знают, куда им бежать... Что же делать?

— Изменить подход к решению всех этих не сегодня возникших трудностей. Ясно, что финансирование лечебно-диагностического процесса должно идти на местном уровне. Об этом говорил и президент России, в этом, собственно, суть реформ в здравоохранении. Надо сделать так, чтобы местные власти в условиях нестабильности экономики и ненадежности рубля сами оплачивали труд врача. То есть перешли на самостоятельное медобеспечение: содержали больницы, оборудование, аптеки.

Единственная возможность прекратить разговоры о низкой зарплате врачей — устанавливать эту зарплату на местах. Чтобы она была динамичной, отражала стоимость жизни и медицинской помощи в конкретном регионе, нуждаемость в медработниках. Для этого существуют юридические нормы, только очень они непривычны для наших финансистов. Привычно — это ставка, полставки, полторы. А ставка должна «растягиваться» — другого не дано. У нас отнюдь не безнадеж-

ное здравоохранение, есть сильные врачи, и делают они практически все, что делается за рубежом, в частности, трансплантации печени, почек, костного мозга. Правда, это в центре, в Москве. Уже в Ленинграде — меньше и хуже, на периферии совсем плохо. Наша беда — провинциальная, второсортная медицина.

— Какой же теперь будет функция министерства, вчерашнего главного распределителя средств?

— Централизованные поставки медикаментов и оборудования, методическое руководство, контроль за деятельностью лечебно-диагностической и аптечной сети.

— А кто даст деньги на медицинскую науку?

— Естественно, министерство. Оно останется основным заказчиком научных разработок. Но при этом мы вместе с Академией медицинских наук должны создать экспертные службы, чтобы оценивать важность предлагаемых исследований, надежность их исполнителей. Раньше было так: чем крупнее институт, тем больше ему достается средств из бюджета. Как правило, между финансированием и реальными результатами не было никакой связи. Вообще в рождении научных разработок ведущую роль играет не институт, а лаборатория, в том числе лаборатория мединститутутов. Как бы мы ни хвалили свои НИИ, но крупнейшие имена — в вузах. Передовые достижения — в вузовской науке. Там ученые имеют возможность пополнять лаборатории молодой сменой, обсуждать свои идеи в аудиториях. Поднять престиж лаборатории, мединститута — цель, которая во многом определит политику Минздрава в области науки.

— Но есть ли для этого средства? Что говорить о большой науке, если мы на каждом шагу слышим: нечем платить врачам, не на что закупать оборудование, препараты, лекарства...

— Если все наши невзгоды свести к ресурсам — можно опустить руки. Безнадежно: в стране денег нет, валюты нет, остается лишь медленно идти на дно. А мы просто бездарно пользуемся тем, что имеем. Разговоры о бесхозяйственности в зубах уже навязли, но посмотрите — у нас на складах пылятся горы невостребованной аппаратуры! Еще мой давний предшественник Борис Петровский говорил, насколько неэффективно используется, например,

рентгеновская аппаратура в Советском Союзе по сравнению с США, Германией. Мы, получается, самые богатые, можем позволить даром простаивать дорогим машинам. Потому мы и самые больные...

У нас всегда главным было выбить средства и купить оборудование, а там уж пусть стоит. На финансовом, скажем, самочувствии больницы это никак не отражалось. И на зарплате тоже. Когда мы придем к рынку, когда у нас перестанет фигурировать безналичный расчет, когда уйдет само понятие о твердой валюте и затвердеет наш бумажный рубль, как в 20-е годы стал неожиданно твердым рубль серебряный, — издержки нашего «богатства», бесхозяйственность, исчезнут.

— Нынешний дефицит лекарств — тоже от бесхозяйственности?

— Из Москвы, из России вывозятся лекарства даже за рубеж. Ввиду их необычайной дешевизны. Бесмыслица, согласитесь, продавать упаковку папаверина за несколько копеек. Конечно, новые цены на лекарства надо вводить дифференцированно: по отработанной схеме — бесплатно или по сниженным ценам обеспечивать по рецептам врачей лекарствами немущих. Но свободную торговлю надо пересмотреть кардинально. Встанет вопрос о приватизации аптек. Во всем мире фармацевтическая — самая доходная промышленность. А у нас она на дотации. Потому что весь доход забирало государство, и на развитие медицинской промышленности возвращало какие-то крохи. Неужели для ликвидации этой аномалии нужны специальные затраты?

Подчеркиваю: бесплатной медицины с государственной точки зрения не существует. Тратить бюджет на нее нужно, и нынешних средств явно недостаточно, но вести разговор об этом следует в Совмине, а не в журнале...

— Страховая медицина — это компромисс между платной и бесплатной?

— Будет у нас медицина и страховая, и муниципальная. Индивидуальное страхование требует высокой зарплаты у людей, а ее нет. Значит, будет доминировать страхование учреждениями. В ближайшие недели мы начнем вводить эту практику.

— Андрей Иванович, вот офтальмолог Святослав Федоров в одиночку, не дожидаясь законов, указов, официальных альтернатив,

создал образец благополучия в медицине. Может быть, надо просто взять его модель за общую для организации здравоохранения?

— Федоров — высокоодаренный человек, и как организатор, и как специалист. Но отладить всю систему здравоохранения «по Федорову» не удастся. Хоть Федоров и получает за талант деньги, но идут-то они из нашего с вами общего бюджета. Другое дело, что расходует он их рационально и, я убежден, никогда не закупит оборудование «в склад» — пожалеет кошелек свой и своих сотрудников...

Вообще не верьте, что наша медицина в плачевном состоянии. У нас есть кадры, у нас есть аппаратура, а бюджета всегда бывает недостаточно. Американцы на свои ведущие госпитали тратят по 20 миллионов долларов в год и тоже плачутся на бедность.

— Когда же наконец у нас появится перспектива стать богатыми и здоровыми?

— Боюсь, не сегодня и не завтра. Не в деньгах дело. В общей ситуации в России. Августовская победа, увы, не означает победу нового строя. Если раньше нормальному существованию мешало сопротивление системы, то сейчас — наша инерция, привычка жить в прежнем мире. В медицине — это привычка получать все из Центра, не производя ничего самим. До сих пор продолжается упорное хождение в Минздрав за помощью, хотя министерство деньги не печатает, а скоро перестанет быть и распределителем средств. Люди вдруг обрели свободу и не умеют с ней обращаться...

Азлита ЕФИМОВА

Валентин ОСКОЦКИЙ

ПИСЬМО ПАТРИОТУ

*Дмитрию Михайловичу Балашову****«Я люблю свою родину и ради нее готов угробить все остальное человечество — вот подлинный символ веры шовиниста».****Михаил Курганцев. Реплики**

Глубокоуважаемый Дмитрий Михайлович!

Нет, видимо, нужды пояснять: церемониальное обращение к вам — не формальная дань эпистолярному ритуалу. Я действительно глубоко уважаю, высоко ценю ваше творчество ученого и писателя. Искренний интерес, неподдельное внимание к вашим научным исследованиям и книгам прозы я, как вы хорошо знаете, засвидетельствовал многократно — и устно, и печатно.

Но воистину все смешалось в нашем литературном доме!

Конечно, каждый его обитатель вправе облюбовать свой шесток. И никто из нас не должен диктовать другому, с какой компанией ему водиться, в соседстве с кем печататься, в каких редколлегиях состоять, какие «коллективки» подписывать. И хоть мне не раз бывало обидно встречать вашу фамилию под манифестами, заявлениями, письмами национал-патриотического толка, я не считал возможным делиться своим сожалением публично. Потому хотя бы, что допускал: и вы вряд ли с приятными находите мою фамилию под другими манифестами, заявлениями, письмами. Значит, квиты? Нет, просто каждый при своем.

Говоря иначе, хотите числиться постоянным автором «Литературной России» и «Нашего современника» — Бог вам судья. Но в таком случае не обессудьте, если будет с вас спрос не только за собственные статьи, но и за их соседство с публикациями аморальными, безнравственными. Например, штатно кликушествовавшего обозревателя А.Казинцева, который в том же номере журнала, где вы ратуете — повторю название статьи — за «Союз равных народов» (увы, в имперском толковании равенства), ничтоже сумняшеся предает анафеме крымскотатарских репатриантов, «самовольно»(!) заселивших в Крыму «сотни гектаров лучших полей и виноградников». И хоть бы полслова о том, что бедолаги-изгнанники, чья мученическая судьба — стыд и позор нашего отечества, не на «чужую голову» сели, а возвратились на историческую родину, причем намного позже других сначала репрессированных, а потом реабилитированных народов. Повиниться бы перед ними всем русским миром, покаяться, поклониться в ноги за долготерпение...

Точно так же ваша личная печаль — состоять в редколлегии прохановского «Дня» или выйти вослед С.Рыбасу и В.Зуенку. Но уж коли остались да охотно печатаетесь как ведущий публицист, то будьте готовы к тому, что не отмоете добропорядочного имени ни от черносотенной направленности газеты,

обеспечившей подготовку августовского путча и поддержку отечественных пиночетов, ни от тех черных денег, которыми «черные полковники» оплачивали и все еще продолжают оплачивать издание своего идеологического рупора. И не пеняйте при этом на злопамятность оппонентов: демократы на беду себе страдают не от избытка, а от недостатка памяти. Действия, враждебные демократии.

Таковым принадлежат и ваши публицистические статьи последнего времени. Читаю их — и диву даюсь: куда девался присущий вам дар пронизательного понимания событий отечественной истории, чуткой отзывчивости на судьбы людей, втянутых в их бурный поток. Писал не однажды: за этот именно безотказный дар превыше всего ставлю вашу прозу, начиная с бытописательской повести «Господин Великий Новгород» и кончая «Отречением», завершающей книгой шеститомного цикла «Государь Московские».

Но вот вы переключаетесь с многовекового прошлого на нашу напряженную современность — и враз все круто меняется. Ни широты взгляда, искаженного кастровой нетерпимостью к «чужой» боли, ни гуманистического сострадания человеческим бедам и народным драмам, если их переживают не «наши».

В прибалтийских республиках, пужали вы незадолго перед путчем, «поощряются крайне националистические профашистские группировки. В той же Литве и Латвии совершенно открыто действуют американские разведчики, посланные ЦРУ, — и... никого из наших правителей это не колыхнет!». Неужто не дрогнула рука, выводя замшелую чушь после январских кровопролитий в Вильнюсе и Риге, в которые черно впечатался никак не вашингтонский, а наш родимый московский след? Уж не в угоду ли «правителям», которых-таки «колыхало»? Как бывшего председателя КГБ Крючкова. Помните его пугало — «агентов влияния», которые могут и не знать о себе, что они «агенты»? Безудержный полет чекистского воображения! Безбрежный простор, загодя открываемый доброхотам сыска! Прибалтийским же фашизмом любил страдать бывший министр союзного МВД Пуго. Так сводил он счеты с Латвией, так мстил за свое — поделом! — изгнание с синекуры первого секретаря ЦК республиканской компартии. Что подело, что самоубийца — оба государственные преступники. Но вам-то зачем их былая демагогия, рассчитанная на легкоеверного президента?! Открестились бы, Дмитрий Михайлович...

Отборной руганью сопровождаете вы размашистые обличения «клятой» — ваше словцо! — Молдовы. Законно избранных руководителей суверенной республики обзываете «кучкой идиотов и недобитых фашистов в Кишиневе», а поддерживающих их российских демократов обвиняете в солидарности «с фашиствующими элементами из недобитков минувшей войны, ненавидящими Россию и жаждущими реванша». И даже зовете армию «немедленно выбросить кишиневских бандитов за Днестр, иначе она не армия».

Докатились! В старомодном XIX веке апеллировали к городскому, на исходе нашего XX взываем к танкам. Так много ли стоят после этого ваши призывы к гражданскому миру да согласию, невозможным в современном цивилизованном общест-

* БАЛАШОВ Д.М. — советский прозаик, автор многочисленных исторических романов и исследований.

ОСКОЦКИЙ В.Д. — критик, литературовед, доцент Литературного института.

ве ни на какой иной основе, как только демократической? Право, не больше, чем намерение Эдуарда Лимонова с помощью той же военной силы «возродить советский народ». И хотя вы предлагаете всего лишь отвоевать Приднестровье у непослушной Молдовы, а он — восстановить СССР в незбылемых имперских границах, дело не в масштабах задуманных силовых акций, а в принципах. Антидемократических принципах упования на сильную авторитарную власть, способную, как из номера в номер не уставал поучать предлутчистский «День», положить «предел бесплодному парламентаризму». Вперед, к новой диктатуре, причем военной — так, что ли?

Побойтесь Бога, Дмитрий Михайлович! Не к лицу русскому писателю (да и «русскому патриоту»), как не забываете вы уточнить) метать такие громы-молнии, подстрекать к вооруженному подавлению непокорных. Не перед русским народом грешны они — перед советской империей, которую, похоже, и вы не жалуете, если судить по вашим отречениям от Ленина. Или, клеймя его «правительство наемников международного капитала» (ох, перегнули!), «правительство национал-предателей», при попустительстве которого граница с Румынией «прошла по реке Днестр», уже не склоняетесь ли к Сталину, вернувшему Бессарабию России? В симпатиях к этому чудовищу вы, понятно, не распинаетесь и ненавистное имя упоминаете только однажды и то мельком. Но ведь не кто иной, как он, проводил ту самую политику, великодержавный замах которой любезен вашему патриотическому настрою. Кстати заметить, Александра Вертинского вы зря вербуете себе в единомышленники по «бессарабскому вопросу». В чудесной песне «В степи молдавнской», которую вы неточно цитируете, он узнавал «на том берегу» не милую, а горькую российскую землю. «Милую» появилось потом, по возвращении на многострадальную родину, оказавшуюся большой социалистической казармой.

Сталин — допущение. Но не как полемическое заострение моей, а логическое развитие вашей мысли. Что же до нескончаемых словословий дооктябрьской имперской политике, то тут и допускать ничего не приходится: ими ваши статьи полным-полны. «Россия никогда не была колониальной империей. В России никогда не было национального угнетения кого бы то ни было» — внушаете вы в одной. «В царской России народы, ее населяющие, были действительно равны и в законах, и в оплате за труд, и в праве отправления культов, то есть в культурной автономии своей» — наставляете в другой.

Ответьте непредвзято: разве национально-освободительной, а не колониальной была для России война на Кавказе? И добровольным, а не насильственным присоединение к ней среднеазиатских окраин? И не были жестоко подавлены народные восстания, прокатившиеся в 1916 году по Туркестану и Казахстану? Разве не похвалялся генерал-губернатор Туркестанского края А.Н.Куропаткин: «50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы», и не вторил ему, также пресекая национальную школу, генерал-губернатор Якутии? И никаким притеснениям не подверглись ни украинский и белорусский, ни эстонский и литовский языки? И не было запрета на литературные торжества, приуроченные к 50-летию со дня смерти и 100-летию со дня рождения Тараса Шевченко? А что, «Мултанское дело» — неуклюжая выдумка тогдашних «русофобов»? Как — к ликованию охотничьих лабазников — и еврейские погромы в Кишиневе, Одессе, Киеве?

Задавая столь самоочевидные вопросы, я далек от желания противопоставлять национальной политике царизма так называемую «ленинскую национальную политику», особенно в сталинском исполнении. Лицемерие последней, рекламно камуфлировавшей свою ассимиляторскую сущность показным интернационализмом, общеизвестно. Нет, стало быть, предмета для спора, какое из двух зол лучше, если оба хуже. Взвездь в другом. В том, чтобы не насиловать историю в угоду своеволь-

ным концепциям, не упрощать и не извращать ни под какими самыми благовидными предложениями. Включая и благие патриотические побуждения.

Патриотизм — не доблесть одних в ущерб другим. Он естественное состояние души каждого. И чья бы то ни было монополия на патриотические сознание и чувство не просто не справедлива, но нестерпима как самозванство. Чтобы слыть патриотом, может, и нужно распевать хором, перенапрягая голосовые связки, «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь», но чтобы быть им — достаточно бережней хранить в тайниках сердца, в закромах памяти негромкие строки Цветаевской «Тоски по родине», которые лучше всего читать шепотом наедине с собой:

*Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все — равно, и все — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...*

Вспомним Герцена: «...одна любовь, но **неодинакая**». Называя оппонентов-славянофилов друзьями-врагами или врагами-друзьями, он мог, не злобствуя, пошутить над К.Аксаковым, который «оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персианина». В наше время не до злобных шуток. И не потому, что никто, включая всех безосновательно считающих себя духовными наследниками славянофилов, «не носит мурмолок». Слишком разной стала любовь. Да и любовь ли это, если ее национал-патриотическое обрамление как раз в сфере отечественной культуры то и дело оборачивается демонстративным бескультурьем? Как у Карема Раша, возвестившего в «Нашем современнике», что не знает в русской живописи «более пасквильной и неверной исторически картины, чем «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». ...Репинская картина (как и его «Бурлаки на Волге») — это русское искусство, оскверненное критическим прищуром на действительность». Зловредный антипатриотический прищур, наверняка внушенный закордонным чужебесием, наш новоявленный «певец во стане русских воинов» находит и в национальной русской классике, сплошь якобы оскверненной непомерным вниманием, какое отдала она «лишним» людям и «маленькому человеку»...

«Быть в составе России — это великая честь, которую надо заслужить, и это огромное преимущество, которое надо зарабатывать» — пишете вы в газете «День». Высокомерная, чванливая, кичливая спесь великодержавника. А вы спросили армян, или молдаван, или эстонцев, хотят ли они удостаиваться великой чести и обладать огромным преимуществом? И почему это лишь для них, «инородцев», честь и преимущество — находиться в составе России, а не для нас, русских, — жить с ними в добром соседстве?

Вознося себя как русского патриота, не надо отказывать в святом и высоком патриотическом чувстве людям другой национальности. И искренне стеноя (в чем-в чем, а в искренности вашей не сомневаюсь) о развале Великой и Неделимой Державы, сумеете взглянуть на исторически закономерный итог 74-летнего пути глазами тех, кто предпочел чести и преимуществу своего пребывания в составе России национальную независимость в форме самостоятельной государственности. Не Россия распалась благодаря этому, а российская империя. Не распалась бы, если б была скреплена хоть чем-то, кроме силы. Едва выдохлась сила — пришел конец и империи.

Вы же вещаете, будто виной всему антипатриотические козни демократов. Чуть ли не государственная измена. И соответственно этому не стесняетесь в выражениях: «Какое же вы, господа демократы, дерьмо!». «И какая же звериная харя скрывается за вашей демократической личиной...»; «...вы за кого

угодно, хоть за фашистов, но лишь бы те поддержали раздел державы! И против кого угодно, ежели речь идет о сохранении страны»; «чем только сия наша демократия отличается от фашизма?» Поосторожнее бы с фашизмом, Дмитрий Михайлович: оскорбление, прямо сказать, подсудное...

Быюсь об заклад: если удастся отыскать читателя, знающего ваши статьи, но не слышавшего о романах, и предъявить ему лучшие поэтические образцы вашей прозы — он ни в жизнь не поверит, будто и то и другое писано одной рукой. Писатель-гуманист в романах, вы предстаёте в статьях плоско резонерствующим или дурно бранящимся публицистом, чья недалекая, ограниченная позиция исчерпывается заскорузлым антидемократизмом шовинистического пошиба. И нет поэтому принципиальной разницы между вашей статьёй «Еще раз о Великой России» и помещенным в том же номере «Дня» клеветническим репортажем лжесвидетеля, презренную роль коего «патриотически» взял на себя бравый капитан С.Суровикин — комбат Таманской дивизии, впрямую ответственный за героическую смерть на Садовом кольце в ночь на 21 августа.

Месяцем раньше национал-патриоты из газеты «День», поступившись на время зоологическим антисемитизму, представили полосу израильскому публицисту Роберту Давиду. Сочувствуя «несчастливым заговорщикам», которые по своему миролюбию «никого не арестовали, ни в кого не стреляли», он осуждает победителей-демократов за «пышные похороны», какие сердобольная Москва устроила «трем беднякам, погибшим от случайности в эквиваленте дорожного происшествия». Не более чем издержки уличного движения, получается у зарубежного визитера.

Комбат-таманец выстраивает иную версию путча, которого, как он тоже внушает, попросту... не было. Подхватив кошунственный образ «полупьяных баррикад» из речи на собрании московских писателей еще одного национал-патриотического народолюбца, а также (или поэтому?) секретаря правления СП РСФСР С.Лыкошина, он существенно обогатил его расхожими штампами примитивной бульварщины. Тут и обилие перепившихся демократов в уличной толпе, и запах водочного перегара, достигавший аж башни танка, и все новые «ящики спиртного», которое «раздавали просто так на бутылку, иди пей. Не «защита свободы», а «пьяная тусовка», не оборона российского «Белого дома», а спровоцированное демократами нападение на армейские части, кои вошли в Москву единственно для миротворческого променада...

Таковую вот пакость санкционируете вы, Дмитрий Михайлович, и авторством в газете «День», и членством в ее редколлегии. Вольному воля. Но надо ли рисковать своим научным авторитетом и писательским достоинством, выбиваясь в теоретики национал-патриотизма при столь жалком претворении его идей на практике? Как говорится, овчинка не стоит выделки. А коли все-таки выбились — полюбуйтеся плодами трудов ваших: Национал-патриотическим «заединщикам», оказывается, «все дозволено», и, как было это у иезуитов или большевистских партocrats, их высшая цель тоже оправдывает любые средства.

Не стесняясь, они протестуют против воссоединения единокровных немцев в новой объединенной Германии и одновременно требуют отторгнуть в пользу России эстонские или литовские, украинские или молдавские территории как русскоязычные. Предавая карабахских армян, возлагают вину за кровавую резню в Сумгаите и Баку не на насильников, а на жертвы и, исхитряясь, по-прежнему норовят ставить палки в колеса правого дела национального суверенитета прибалтийских народов. В ход идет все, что ни заблагорассудится. К примеру, большой для семей военнослужащих «жилищный вопрос»: решение его возлагается почему-то не на союзное Министерство обороны и не на ведомства Военно-промышленного комплек-

са, нахавшего миллиарды народных рублей, а на молодые правительства и без того обобранных республик. Иначе, предупреждают офицеры и прапорщики вильнюсского гарнизона, они вообще не намерены уходить из Литвы.

В том же недостойном ряду — «правозащитная» шумиха, нагнетаемая вокруг «дела» С.Парфенова, атамана разбойного рижского ОМОНа. Не инакомыслящего, диссидента пытаются спасти на сей раз, вынести из-под следствия и суда, а уголовного, виновного в разжигании национальной розни, насилии и убийствах. В итоге — очередная нелепость. Тех, кто палил в безоружных людей у берлинской стены, по всем международным юридическим нормам судить можно и должно. Но нормы отечественные — совсем иной коленок. Привлекать омоновских карателей в Риге, Вильнюсе или Нагорном Карабахе к ответственности как преступников — значит нарушать права человека (вот когда о них наконец-то вспомнили!). Чистейшая казуистика, даром что «сам» Генеральный прокурор СССР Н.Трубин признал арест омоновца незаконным. Однако невелика цена прокурорской объективности, если той же подписью удостоверена полная «законность» противоправных действий армии в 1962 году в Новочеркасске, в 1989-м — в Тбилиси, в 1991-м — в Вильнюсе.

Видите, как причудливо переплетаются концы и начала? И к какому душевному единению, идейному согласию приходят подчас всевластные до недавнего времени партocrats и продолжающие рваться к власти национал-патриоты? Увольте: в кругу таких я не чувствую себя русским, не хочу и стыжусь быть им.

Но зато горжусь тем, что русский, и преисполняюсь уважением ко всем русским, когда вижу добрые приметы «всемирной отзывчивости» — взаимного понимания и согласия, поддержки и выручки между людьми и народами. Не сепаратизму, к какому зовут и ведут национал-патриоты, обязаны мы такими приметами, а общности демократических устремлений, которые упорно торят себе дорогу вопреки обособляющим преградам и разъединяющим испытаниям. «В январе Россия помогла нам, а сейчас мы должны помочь России», — воззвал председатель Верховного Совета Латвии Анатолий Горбунов в первые часы августовского путча. И тем дороже этот мужественный шаг, что его соотечественник Виктор Алкснис уже успел к тому времени наобещать заговорщикам поддержку «черных полковников» из группы «Союз», а воспреемник Пуго, первый секретарь республиканского ЦК А.Рубикс, — потребовать смертной казни и для самого А.Горбунова, и для всех латышских парламентариев, выступавших за государственную независимость республики...

Не знаю, как сейчас, Дмитрий Михайлович, но когда-то мы оба сходились в том, что история учит. В наши дни, по-моему, она, как никогда прежде, учит тому, что ничто не спасет чести и совести любой, включая нас, русских, нации, вырвавшейся из железных любвеобильных объятий советской империи, ничто не спасет так, как памятный лозунг, благородный девиз прошлого века:

— За вашу и нашу свободу!

«Вашу», — говорили польские патриоты, имея в виду сначала Россию, а потом себя. «Вашу», — повторял Герцен, имея в виду сначала Польшу, а потом Россию.

Отчего же нынешние национал-патриоты всегда и всюду начинают с себя любимых? А после них — и трава не расти?

И почему, почитая себя истыми «государственниками», не позволяют быть таковыми никому другому — «от молдаванина до финна»? Чуть что — тут же клеят ярлык «националиста» и «руссофоба»...

БЕСТАКТНОСТЬ

Малейший внешний толчок, малейший камешек, упавший на черную неподвижность сегодняшней России, произведет оглушительный взрыв. Ибо это чернота не болота, но чернота порохового погреба.

Зинаида Гиппиус. 1919.

В Кремлевском Дворце съездов впервые прошел еврейский национальный праздник Ханука. У «Белого дома» Российского парламента была сооружена девятиметровая ритуальная менора. В телерепортаже из фойе Дворца съездов, заполненного людьми в черных шляпах, из уст молодого участника праздника прозвучало сомнение в том, что это действительно можно считать большой победой еврейского народа.

Юноша прав. Надеюсь, меня, не раз выступавшего с критикой наших националистических легенд, не заподозрят в антисемитизме, если я попробую поместить данное событие в контекст конкретного общества и времени.

Россия сегодня, как никогда, чревата массовым бунтом. Народ, который десятилетиями убеждали в его особой объединительной миссии, в его предназначении быть «старшим братом» для соседей, вдруг обнаружил себя в одиночестве, в кругу разбегающихся республик, униженным и нищим, доведенным до последней черты. Вечные вопросы: «кто виноват?» и «что делать?» теперь на устах у всех. Тот, кто предложит понятный массам ответ, — тот популярен, за тем могут пойти.

Поразивший мир стремительностью крах коммунистической системы хорошо иллюстрирует силу накопившейся в массах ярости. Структуры КПСС буквально смело с лица земли, и ошибаются те, кто думает, что это был результат одного только знаменитого ельцинского указа. Ни один его указ не срабатывал так мощно — потому что этот оказался зажигалкой, брошенной в пороховой погреб, уже совершенно готовый к взрыву.

Изгнание коммунистов, однако, само по себе не наполнило прилавки товарами и не умерило разгул преступности. Более того, тут-то и начался тот обвальный процесс распада, который рвет все налаженные экономические связи, парализу-

ет заводы и энергосистемы, грозит стране уже не только политической, но и физической гибелью.

Общественное сознание вновь потеряло найденную было опору: значит, главный враг еще не повержен, раз все летит в тартарары? Значит, всесильный партаппарат был только ширмой, а может, и марионеткой? А может, вообще не в нем, а в чем-то ином дело? Ведь жили же при Сталине, жили при Брежневеве — но именно теперь все рушится, словно близится последний акт кем-то написанной драмы.

Разумеется, я огрубленно пытаюсь воспроизвести ту растерянность, какая все более охватывает массовое сознание, давно переставшее верить обещаниям и многочисленным, но равно бездействующим программам.

Не будем забывать, что это сознание вскормлено на мифах, оно ими питалось на протяжении всей истории — о царе-батюшке, о немец-супостате, о французики из Бордо и «дочерях Альбиона», о светлом коммунистическом завтра и вредителях, врагах всех мастей, руководимых из единого центра и задумавших уничтожить святую Русь или первое в мире государство рабочих и крестьян. В мифах оно ищет себе и новые опоры. И здесь, похоже, дождалась своего часа наши «патриоты». Схема, которую они не устают разрабатывать, не лишена известного романтизма, она щекочет воображение обывателя: таинственные масонские ложи, зловещие символы, коварные «протоколы», тайные планы происков, тысячи агентов, проникших во все поры великого государства.

Мы все понимаем неустойчивость нынешней ситуации, рискованность каждого, пусть и совершенно необходимого, шага новых властей: нас не покидает ощущение баланса над пропастью: сорвемся — не сорвемся? Чтобы пройти этот путь, нужны предельные собранность и спокойствие не только Ельцина или

Бурбулиса, но и каждого из нас. Летящие вслед камня, грохочущие вокруг политические баталии, невзоровщина всех типов и окрасок, привычно поделившая народ на «наших» и «ненаших», призывы «вставать на смертный бой» — вся эта вакханалия амбиций, в сущности, самоубийственна — ведь пропасть поглотит всех, без различия наций и взглядов.

Но, может быть, самое опасное в этой ситуации — укреплять наиболее взрывоопасные из мифов, играть на застарелых комплексах и навязчивых кошмарах, одолевающих израненный историей народ. И здесь детонируют, как ни странно, именно самые незначительные, на трезвый взгляд, факты.

Так, не хватило благоразумной доли консерватизма новорожденному Российскому телевидению, пока лишь в том преуспевшему, что рок наверстывает упущенное утром, днем и вечером. Ну хорошо, запретный плод обрушился нам в руки, отликовали — может, пора вспомнить и о более близких культурных традициях, чтоб о пребывании в эфире Российского ТВ мы узнавали не только по пейзажам Нью-Йорка, Токио или Тель-Авива, программам Донахью и беснованию огней на рок-стадионах?

Не хватило такта и достоинства и тем, кому пришла в голову мысль запустить религиозный праздник, не имеющий никакого отношения к православию, в самое сердце православной святыни — в пределы Московского Кремля. Я не верю, что придумавший сию акцию не ведал о «контексте» и не предвидел возможного резонанса — он хотел бросить вызов русскому то ли националистическому, то ли — заодно — и национальному сознанию и сделал это. Между тем все слишком серьезно, чтобы позволять себе вот такие легкие уколы в один из самых воспаленных нервных узлов встревоженного общества. И результат — очередной взрыв антисемитизма.

Формально здесь возразить можно многое: и Дворец съездов не храм, и национальный праздник легко приравнять к фестивалю искусств, какие всегда практиковались на этой сцене. И все будет правдой. Вот ведь уж и Рамазан нам обещают на подмостках КДС!

Но не дай Бог еще раз поднести вот такую спичку к пороховой бочке.

В.КИЧИН

Казахстан

**ЧЕМ ЧИСТИТ ЗУБЫ
ПРЕЗИДЕНТ?**

Звучит парадоксально для нашего смутного времени, и тем не менее факт: в ближайшее время на казахской земле одним дефицитом станет меньше. В городе Актау (бывший Шевченко) с помпой запущены конвейеры на первом в Казахстане заводе зубных паст (как выглядят эти самые пасты, в республике помнят лишь старожилы). Помогали строить чудо-предприятие специалисты из Италии. Завод будет выпускать до пятисот тысяч тюбиков зубной пасты в год, что, по подсчетам специалистов, поможет Союзу Суверенных Государств в целом увеличить производство зубных паст почти в два раза. Названия у актауской продукции, по видимому, будут национальными.

На торжество по поводу первого дня работы нового гиганта индустрии прибыл сам президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. При чем президент не ограничился ролью «свадебного генерала» и праздного наблюдателя: в местном Дворце культуры под собственный аккомпанемент на домбре он исполнил песню-импровизацию в национальном духе — кюй. За это, согласно национальным обычаям, как человеку, подарившему людям песню, ему преподнесли халат-чапан.

По непроверенным данным, Назарбаев стал первым человеком, которому довелось выдавить из тюбика местного производства национальную пасту и почистить ею зубы.

Валерий РУДАКОВ

Киев

**ДУМАЛИ — СВЕЖИ, А
ЭТО ВСЕ ТЕ ЖЕ...**

Что человеку нужно для счастья? Ну, хорошая зарплата, одежда, квартира с мебелью, машина... Оказываются, народные депутаты независимой Украины тоже люди. С чем их и не успевают поздравлять широкая общественность.

Сначала народным избранникам резко повысили зарплату, вслед за этим устроили грандиозную распродажу, где на одно депутатское тело выдавали какое-то несуразно

большое количество товаров (двадцать китайских сорочек, например). Прошло совсем немного времени, и законодатели получили право на внеочередную покупку автомобиля (по государственной цене).

Следующий этап — сдача «под ключ» шестнадцатизэтажного депутатского терема с квартирами улучшенной планировки на улице Приречной. Насчет мебели тоже волноваться не придется. Хлопотами Секретариата Верховного Совета всем новоселам предлагают на выбор три кухонных гарнитура, три — спальных, пять комплектов мебели для гостиной.

Согласно распоряжению заместителя министра торговли Украины В.С.Тимофеева, обустройством восьмидесяти семей-новоселов занялись очень солидные конторы: Главное управление торговли Киевского горисполкома, «Укроптхозтовары», «Укроптгалантерея», «Укропткульттовары», «Укропттекстильторг». В список вещей, которыми эти ведомства начинают новые квартиры, входят (помимо мебели, телевизоров и холодильников) такие необходимые для депутатской деятельности предметы, как: столовые, чайные, кофейные сервизы, ножи, вилки, ложки, утюги, карнизы, тюль, портьеры, ковры, телефонные аппараты, люстры, бра, постельные принадлежности, подушки, а также — самый писк! — полочки для телефонов, стаканы, графины для воды, тапки и полиэтиленовые ведра. Обустройство законодательной власти обойдется налогоплательщикам в два с хвостиком миллиона рублей.

Теперь-то уж можно с уверенностью сказать: следующие выборы в

Верховный Совет состоятся ох как нескоро. Слишком уж накладно будет менять народных избранников — со всеми-то «сопутствующими товарами»!

Виктор ОЛЕНЧУК

Ростов-на-Дону

**ОМОНУ ТОЖЕ КУСАТЬ
ХОТЦА!**

В числе тех несчастных, больных, старых и беременных, что получают продовольственные пайки в ростовских магазинах, в скором времени могут оказаться бойцы местного ОМОНа.

Начальник Управления внутренних дел облсполкома генерал-майор Михаил Фетисов обратился к главе администрации области с просьбой прикрепить две сотни омовцев к какому-нибудь распределителю, где бы им два раза в месяц выдавали мясо и прочие продукты питания. Свою просьбу генерал обосновывает тем, что у ОМОНа — тяжелая работа, сложные оперативные задачи, частые выезды. А организм у ребят молодой, требует белков, витаминов и прочих углеводов.

Действительно, если уж и самые крутые блюстители закона ослабеют от бескормизы, отъезжая на кооперативных шашлыках и импортном шоколаде мафия устроит форменный беспредел...

П.ИВАНОВ

Нижегородская область

**ДУРАЦКИЕ ШУТКИ ВСЕ
ЕЩЕ В МОДЕ**

В № 44 еженедельника «Аргументы и факты» было опубликовано сверхсенсационное объявление: «Каждая женщина хочет хоть немного быть ведьмой. Я предоставляю им грандиозный шанс. Около 15 лет упорного труда ушло на изготовление уникального средства, позволяющего женщине быть единственно желанной, любимой для своего избранника. Заказы направлять по адресу: Нижегородская обл., Ардамовский р-н, р.п. Мухтолово...» и так далее.

Корреспондент «Столицы», жаждущая приобщиться к сословию ведьм, выехала в Мухтолово, но... ни-

каких потусторонних сил там не обнаружил. Владимир Назаров, чье имя и адрес были указаны в «АиФ», слыхом не слыхивал ни о каких дьявольских зельях и заговорах. Его просто «подставили». И теперь он каждый день выбрасывает на помойку (девать уже некуда) многие сотни писем от несчастных девушек и женщин, сохнувших от безответной любви. Шутник, опубликовавший «утку» в популярном издании, досадил и почтальонам, которые вынуждены таскать в дом несостоявшегося колдуна целые мешки корреспонденции со всей страны.

Хотя насчет того, что колдун несостоявшийся, — это еще вопрос. Назаров совсем недавно женился. Может, все-таки приворожил?

Ю.Д.

Петрозаводск

СУДЬИ И ПОДСЛЕДСТВЕННЫЕ: ОТ «РЯДОВОГО» И ДО «МАРШАЛА» — ОДНА СЕМЬЯ

После «великой победы демократии» дворец Карельского рескома КП РСФСР, естественно, очень шустро был оккупирован Секретариатом Верховного Совета Карельской АССР. Остались незанятыми четыре этажа правого крыла здания, где когда-то трудился аппарат рескома комсомола. Эти-то незанятые квадратные метры и захотел пометь Петрозаводский городской народный суд (в полном соответствии с распоряжением президента России о передаче партзданий су-

дебным органам и согласно букве указа Совета Министров Карелии о вселении горсуда в партийные апартаменты).

Но не тут-то было! В суд всякая шушера приходит, уголовников то и дело доставляют в «воронках». На такое соседство народные избранники никак не могли согласиться. И стояли насмерть, всячески отваживая судей от законно причитающихся им помещений.

Противостояние могло бы затянуться на долгие месяцы, если бы законники не прибегли к проверенному средству: забастовке. В знак солидарности с судьями объявили бессрочную голодовку и... заключенные одной из камер местного СИЗО. Причем у «голодающих» в этом деле был свой шкурный инте-

рес: в старом здании суда настолько тесно, что все подследственные вынуждены ждать своей очереди на прием к Фемиде в одной-единственной камере площадью 1,5 (полтора!) квадратных метра. В самые «напряженные» дни в этот чуланчик набивают по шесть человек сразу...

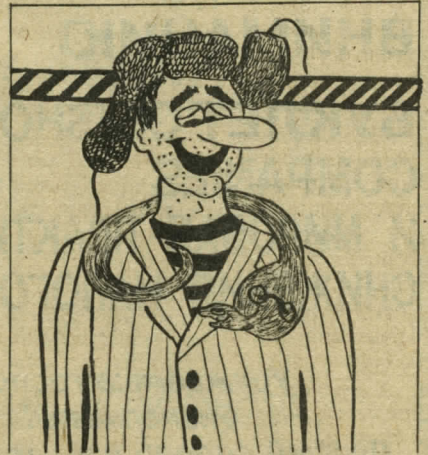
Наверное, именно единодушие всех заинтересованных сторон возымело действие: городской суд все-таки въехал в новые хоромы. Впрочем, прокурор республики почему-то признал действия суда незаконными и настаивает на выселении. На очереди — забастовка охранников?

Ольга СИДЛОВСКАЯ

Красноярск

ПРИГРЕЛИ... ЗМЕЮ

Сладкую жизнь, похоже, умеют ценить не только люди, но и пресмыкающиеся. Это неожиданное откры-

тие принадлежит бригаде грузчиков, которая работает на железнодорожной станции города на Енисее. Сюда из далекой Бразилии, где много не только диких обезьян, но и прочей живности, поступил эшелон с сахаром. При выгрузке очередного вагона парни обнаружили среди мешков довольно крупную кобру.

Встреча с людьми не вызвала у нее боевого азарта. Очевидно, змея привыкла уже к одиночеству. А может, настроение ей испортили сибирские морозы?

Бригада «пригрела» змею. Теперь кобра живет в квартире одного из грузчиков. Чувствует себя хорошо, из спячки почти вышла. Сведений о настроениях соседей счастливого обладателя заморской гостьи не поступало.

Борис ЯРОВ

«Осколки» собирал Кирилл
РЫБАК
Наш телефон 928-70-79

Рисовал А.Заяц

**ИНФОРМАЦИОННО-
КОММЕРЧЕСКИЙ
ЦЕНТР «БУТО-КАТАЛОГ»**

**ПРЕДЛАГАЕТ
ВАШЕМУ
ВНИМАНИЮ**

**БУКЛЕТ OFFSHORE
COMPANIES
И МИРОВАЯ ПРАКТИКА
СНИЖЕНИЯ НАЛОГОВ**

*Уважаемые господа
бизнесмены!*

*Лучший способ избавления от
этой массы проблемных хлопот,
связанных с государственной
налоговой системой, — это
приобретение собственных
offshore компаний. Мы
предлагаем вам интересную
информацию о Ваших новых
возможностях! Даже если Вы
слышали что-либо или
являетесь уже владельцем
offshore companies, Вы узнаете
много нового.*

OFFSHORE COMPANIES:

- это регистрация Вашей фирмы и размещение капитала в самых стабильных в политическом и экономическом плане странах мира;
- это снижение налогов (возможно, до 0%) и получение дивидендов;
- это по желанию владельцев полная конфиденциальность;
- это полный комплекс секретарских услуг;
- это управление компанией и счетами из любой точки мира, где есть хотя бы телефон.

Приобретая информационный буклет «Буто-каталога», Вы получите:

- коммерческую информацию о «налоговых убежищах» и offshore companies, а также квалифицированную консультацию;
- информационно-справочную литературу об особенностях

каждой из 21-й предлагаемых Вам юрисдикций;

— возможность зарегистрировать Вашу фирму и открыть ее счет в любой удобной юрисдикции, вести ее дела и распоряжаться счетом этой фирмы, не покидая страны проживания.

При консультации, регистрации и во время деятельности компании соблюдается полная конфиденциальность клиента, что является неотъемлемой частью цивилизованного бизнеса.

В БУКЛЕТЕ:

- Центры «налоговых убежищ», финансовые центры offshore и их практическое применение.
- Свойства offshore comp. и порядок их регистрации.
- Банковские и страховые компании offshore.
- Услуги специализированных компаний (СК) по регистрации и управлению Вашей offshore компании.
- Эмиграционные и иммиграционные службы СК.
- Описание условий и специфики первой из 21-й юрисдикции, регистрирующей offshore companies.

**Наш телефон: 147-95-84
факс: (095) 333-43-41**

**Банковские реквизиты:
Получатель — ИКЦ
«БУТО-КАТАЛОГ», р/с 345047 в
Русском национальном банке.
К/с 161667.**

**Банк получателя — РКЦ ГУ ЦБ
РСФСР в Москве. МФО 201791.**

**Стоимость буклета 2000 рублей
с учетом 5% налога.**

С новым годом,
уважаемые дамы и господа!

Да пребудете Вы во здравии и благополучии, и не сойдет улыбка с лица Вашего, а карманы всегда будут туго набиты звонкой монетой.

РАЗОВЫЙ РЕМОНТ.
ТЕХНИЧЕСКОЕ
ОБСЛУЖИВАНИЕ.

Обращайтесь к нам,
и Ваша жизнь
станет чуточку
легче!
Мы снимем с Вас
все заботы о Вашем
персональном
компьютере,
если Вы позвоните
по ☎ 269-51-11

ОБРАЗОВАННЫЕ БРОКЕРЫ

«ЧЕЛИ»: «Каждый честный клиент становится нашим другом»

Говорю ли я по-китайски? Похоже, что нет. Да и вы, наверное, тоже — анкетно-стыдливо «со словарем». А вот Сергей Нелюбов — полиглот. Итальянский, английский он знает в совершенстве, китайский, правда, хуже, но вопросы у него получаются замечательно. Вот я и задумалась: говорю ли я по-китайски?

— Неужели все сотрудники «Чели» такие образованные? — по-русски мы разговариваем с Алексеем Чернышовым, генеральным директором фирмы «Чели».

— Конечно, все. Все имеют от одного до трех высших образований, а в прошлом все мы бауманцы и мифисты. Все работали в «ящиках», но в конечном итоге все пришли к работе на компьютерах, а потом и к коммерческой деятельности. Все мы потрясающе талантливы и разносторонне развиты. Вот Георгий Сушков, например, — джазист-барabanчик, а в прошлом продавец овощей и фруктов, я — спортсмен и врач, Андрей Лисицын никак не может скрыть китайского происхождения своей фамилии (Ли Сицын), а также своей либеральности и лисьей хитрости (см. фото слева направо, нижний ряд), Валерий Чередниченко семен и страшно пунктуален (он остался за кадром), Виталий Шехов — холост, и этим все сказано, маршрут его последней командировки был Воронеж — Юрюзань — Ейск, и так три раза, Сергей Нелюбов не только полиглот, но и поет в хоре «Славянский лик», а все, что имеет кнопки, не остается без внимания Леонида Кивы (слева направо, верхний ряд).

Они дружные и веселые, но как работают!

У «Чели» несколько сот клиентов, и работают здесь в западном стиле: брокеры принимают заявки от своих клиентов по телефону (это говорит

о полном доверии, которое между ними царит). Сделки могут быть в два, три миллиона рублей. «Каждый честный клиент становится нашим другом. На обмане бизнес строить нельзя», — считают здесь, но все же понимают: чтобы быть до конца честным и не обманывать клиентов, работать надо в несколько иных условиях. Бирж в Москве должно остаться максимум две, и товар на них должен выставляться биржевой, а не часы, носки, трусы, тракторы и тому подобное, как это происходит сегодня.

Компетентность брокеров, их интуиция и профессионализм позволили некоторым клиентам сэкономить не один миллион рублей. Честное доброе имя «Чели» и безвозмездные советы помогают клиентам избавиться и от лишних денег — хорошо их вложить.

— Не секрет, что самое выгодное вложение денег — это ценные бумаги, — говорит финансовый мозг «Чели» Георгий Сушков. — Все об этом твердят, но никто не может дать даже элементарной консультации по ценным бумагам. А акционерные общества растут как грибы, но кому-то из них суждено большое плавание, кому-то — тихая смерть. Если на Западе курс акций колеблется на сотые доли процента, то у нас бывает так, что курс меняется на десятки, сотни тысяч рублей в короткий срок. Найти грамотного брокера в такой ситуации — найти золото.

Из разговора стало ясно, что в «Чели» есть такой золотой брокер.

Недавно «Чели» стала акционером РТСБ и теперь имеет возможность влиять на управление работой АО РТСБ. Учтем, что рекорд за один день торгов на этой бирже составил полмиллиарда рублей. Учтем и другое — программа РТСБ «Помощь бедным» — совсем не безадресное вложение денег и не безадресный фонд. Это — реальные деньги, реальные адреса. Участвует в этой программе и «Чели». А кроме того, не жалеет средств на воспитание маленьких челийцев — шефствует над московской школой.

Пути и методы зарабатывания денег в «Чели» уже наработаны, так что, считает Алексей Чер-

ИММАЖ
РЕКЛАМА

нышов, штат вполне можно было бы увеличить в два-три раза. Каждый из работающих уже готов стать руководителем в своем направлении, т.е. каждый спокойно может набирать себе подчиненных и растить их до своего уровня и более высокого. Но вот как вырасти квадратным метрам площади? Это, конечно, вопрос, на который образованные брокеры «Чели» не сразу дадут вам ответ. Не очень понятно и другое — почему договор по факсу с Красной Пресни в Медведково передается искаженным до неузнаваемости, а чтобы передать информацию в Новосибирск, оказывается проще летать туда каждый день, чем передавать ее по современной связи.

Но проблемы проблемами, а число клиентов «Чели» растет. Не так легко сегодня найти надежного партнера на Западе. Из-за нестабильности ситуации в стране нам уже не верят, часто зарубежные фирмы прогорают — назад свои деньги получить бывает трудно. Требование стопроцентной предоплаты советской стороне вполне объяснимо. Честное же имя «Чели» позволяет работать с западными партнерами иначе. Например, оплата по контрактам «Чели» производится в течение 2 месяцев после получения товара от западного партнера.

— Спасибо «Столице». Ее реклама оказалась

очень даже эффективной. Не сразу, не в один день, но несколько серьезных клиентов мы приобрели с помощью рекламы в этом еженедельнике.

Посмотрела я, как проходит день брокера. Напряженно, ничего не скажешь. Ведь именно работа РТСБ максимально приближена к ритму работы на крупнейших западных биржах. Внимательным необходимо быть все время, пока идут торги, а потому отдохнуть вечером бывает просто необходимо. Любимый напиток брокеров «Чели» в час досуга — хорошее пиво.

— Что же вы не спрашиваете, что обозначает «Чели»?

— И в самом деле, что же это такое?

Все гениально просто: Чернышов да Лисицын ровно год назад сделали первые шаги по дороге Большого Бизнеса. Чернышов — полная противоположность Лисицыну, но они удачно дополняют друг друга. Так что «ЧЕ» — это напор, а «ЛИ» — уступчивость.

Жаль, что вы меня не можете услышать — так и хочется по-телевизионному глухо, медленно и заманчиво произнести: «Играйте вместе с Национальной Челийской сборной — вас ждет непременная победа!»

Е.ИВАНОВА-СМОЛЕНСКАЯ

Вячеслав Басков

ЭКСПРОПРИАЦИЯ

Российская администрация создала уже вторую комиссию по разделу имущества партийной верхушки. Не так давно «Столица» предсказала некоторые трудности, которые могут возникнуть перед демократами при вступлении в наследство («Столица», № 40, 1991 год — «Нехороший дом»).

Богатство ЦК КПСС столь велико, разнообразно, столь необозримо, что одному поколению наследников с ним вряд ли сладить. Однако появление второй комиссии вызвано, кажется, отнюдь не нотариальными сложностями. В конце концов, в этом деле важно решить, кому достанется города, села, поля, луга и что будет с главным богатством каждого человека — его личным здоровьем, которым КПСС тоже владела безраздельно? Станут ли нас лучше кормить, одевать, создадут ли нам лучшие условия для работы, упростят ли путь к высшему образованию, станет ли легче жеманиться, легче умереть?..

Первая комиссия создавалась шумно, прямо на баррикадах, и была, как говорит чиновный люд, расширенной: в нее входили даже журналисты. Вторая комиссия возникла тихо и оказалась малочисленной, без представителей прессы. Сперва пошли слухи, что ее возглавляет сам президент РСФСР — еще бы, такой важный вопрос! — но потом оказалось, что президенту своих забот хватает. Комиссию возглавил заместитель начальника ХОЗУ администрации президента Валентин Николаевич Миронов. Вот на таком невысоком, очень даже демократичном уровне решается вопрос об имуществе триллионера. Кто бы мог подумать!..

В 45-м номере «Столица» сообщила о результатах работы первой комиссии. О том, что конкретно из имущества ЦК КПСС взяла себе администрация президента РСФСР для не совсем понятного «временного пользования»: санатории, гостиничный комплекс «Октябрьский», пан-

сионаты, детские учреждения... (Любознательный читатель подробный список найдет в статье «Скромное обаяние администрации».)

Однако первая комиссия приняла от бухгалтерии ЦК КПСС не только сухую опись недвижимости, но и так называемую «характеристику» каждого сооружения. Ее оценку. Оценка была произведена коммунистическим калькулятором, поэтому имущество, которым мы привычно поражаем наше бедное воображение, на бумаге выглядит довольно дешевеньким. Сами демократы оценки еще не производили. Они говорят, что у них времени пока не было — работы невпроворот — и что для того, чтобы оценить все эти дома, склады, гаражи, фабрики, требуются годы. В этом они поразительно правы. И тут у них со «Столицей» полное совпадение взглядов. Вместе с членами первой комиссии мы тоже думаем, что мнимую стоимость имущества ЦК КПСС не имеет смысла предавать огласке: зачем морочить голову читателям, и так одурманенным партийным враньем? Стоимость домов и прочего имущества назвать невозможно даже приблизительно, хотя бы потому, что курс рубля сейчас упал и никто не знает, сколько нулей требуется теперь приписать к казенной цифре, чтобы получилась правдивая сумма. Скажем, стоимость дома отдыха «Кунцево» в бухгалтерской ведомости ЦК — всего 14 459 800 рублей. А выстави этот дом отдыха на аукцион — и истинная его стоимость окажется 300 миллионов. И так далее.

Расходимся мы с демократами из аппарата президента РСФСР в гораздо более важном. Прежде всего в том, что в так называемую малую комиссию, вторую по счету, которую возглавил человек президента, уже не пустили нашего брата-журналиста. Журналистику там представляет член комитета по средствам массовой информации Верхов-

ного Совета РСФСР В.Лысенко. Через него, через третьи руки, и попадает теперь информация в газеты. Между тем в первую комиссию «нас вошли» как раз для того, чтобы информация шла от очевидцев происходящей инвентаризации. Не правда ли, странно, что теперь, когда наступил самый деликатный момент — распределение имущества, журналистов почему-то не позвали.

Вообще с этими комиссиями много странностей. Первая вовсе не самораспускалась, как могут подумать некоторые благонамеренные люди. Наоборот, ее члены по наивности думали, что, проделав первый этап работы — составив опись домов, они тотчас приступят ко второму — к распределению их между организациями, у которых нет своего помещения. И вдруг им объявляют, что их комиссия свою миссию выполнила, распущена, а для поиска новых хозяев партийной недвижимости создана вторая комиссия.

С той самой минуты, как первая комиссия подозрительно быстро сгинула, оставив от себя добросовестные подписи, получить самый невинный материал об имуществе ЦК КПСС даже бывшему члену той доверенной комиссии стало невозможно. Ну, например, что собой представляет зимний оздоровительный лагерь при пансионате «Клязьма» для благородных цэковских ребятишек, как он рисовался воображению цэковской бухгалтерии?

— Вы же теперь не член комиссии. Да и комиссии вашей больше нет. Подумайте сами: разве можно постороннему человеку по его первому требованию показать такие ответственные документы? — мягко, безупречно вежливо укоряли сегодня в бухгалтерии администрации президента корреспондента, который еще вчера состоял в комиссии.

Какая трогательная деликатность! Какая похвальная бдительность! Тайны, которые начали скрывать от прессы в бухгалтерии

администрации президента России, ни той прекрасной бухгалтерии, ни великолепной администрации, ни самому героическому президенту России не принадлежат. Это бывшие секреты несуществующего ЦК КПСС. Почему бухгалтерия администрации республиканского президента взяла на себя хлопоты по охране чужих тайн, объяснить трудно.

А те секреты — всего-навсего «характеристики» городских и пригородных партийных владений, выполненные фальшивым партийным калькулятором. Нет, документы эти очень познавательные! Пусть в них врут цифры, но там есть адреса помещений, число прислуги, доходы, расходы... Впрочем, расходы всегда превышали доходы, поэтому фактически все партийные дома в Москве и вокруг Москвы получали миллионы, сотни тысяч рублей дотации. Хочется верить — из партийных взносов, а не из наших налогов. Словом, документы интересные, и уж члену комиссии предоставлены быть должны. А лучше — любому человеку. Но — нет, администрация президента России чуть костью не легла, лишь бы не упустить из рук тайны цэковского двора.

Особо приближенные к президенту и его администрации уверяют, будто вторая комиссия заседает, не зная отдыха. Из независимых источников подтвердить это некому. Кто все-таки претендует на семнадцать монументальных зданий ЦК КПСС в центре Москвы, одиннадцать капитальных строений во Внукове под Москвой, на первоклассный сектор общественного питания, разбросанный по городу и пригороду, на книжную экспедицию — источник знаний и вложения капитала, на ремстройуправление, мебельную фабрику и так далее? Неизвестно. Дележ идет за закрытыми дверями. Да идет ли? Если нигде громко не объявлено, что партийная недвижимость получает другое назначение, кто же станет претендовать на нее? Интересующимся вежливо отвечают:

— Комиссия работает. Ждите. Очень трудные вопросы.

А может, ждать нечего? Может, «временное пользование» имуществом плавно перешло в безвременное? Во второй-то комиссии посторонних, слава богу, нет — все больше из аппарата президента, из Верховного Совета, из городской мэрии... В любой комиссии работать утомительно. А в этой — выгодно.

Недаром первый кусок достался московской мэрии — как раз дом отдыха «Кунцево» и детский садик при нем. Разумеется, без акционерного базара. Кто в комиссии состоит, тот себе и откусывает. К тому времени, когда статья увидит свет, возможно, от пирога уж ничего не останется...

Заместитель начальника ХОЗУ администрации Валентин Николаевич Миронов всевышней волей удостоился чести возглавить почтенное тайное собрание демократов. Человек большой должности не занимает — пусть его журналисты и ругают. Да пусть еще узнают сперва, кто ту комиссию возглавляет. Ни за что же не догадаются, что на нее могут «бросить» заместителя начальника ХОЗУ. А пойдешь получи от демократов информацию — все друг к другу посылают, телефоны у всех новые, все — новоселы... **Через три недели** от начала поисков удалось напасть на след товарища Миронова.

Слабо улыбаясь — о, так попартийному слабо! — большой заместитель начальника ХОЗУ не отпирался, что подготовил кое-какие предложения по разделу имущества. Но отдать свои идеи «в народ», прессе, не решился. Ему, видите ли, не хочется обидеть товарищей по комиссии, которые выговорят ему: «Что же ты, скажут, Валентин Николаевич? Мы еще не дооб-

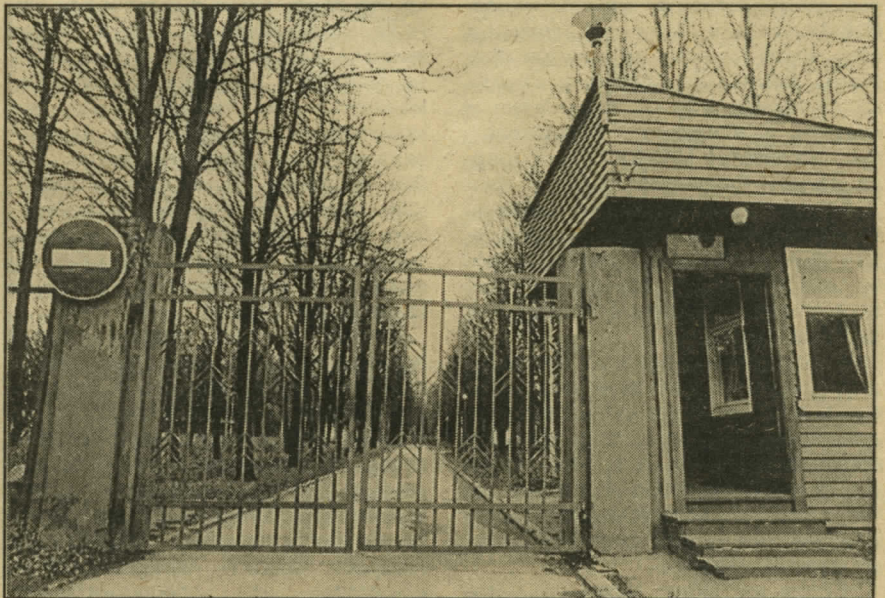
суждали, а ты... Эх ты!.. Нескромно получилось с твоей стороны как-то...» Выходит, члены второй комиссии под мудрым руководством человека президента РСФСР договорились между собой работать, так сказать, конфиденциально.

Нечего и говорить, что я, конечно, не стал настаивать, чтобы Валентин Николаевич Миронов предал своих товарищей. По-видимому, привыкшие работать в подполье члены тщательно отобранной комиссии намерены по окончании работы выйти на балкон и объявить трепещущему внизу народу свое решение. Нет, приговор!.. Если, конечно, к тому времени «народ» не забудет о существовании той комиссии. Да уже наверняка забыл.

— Приходите к нам на комиссию. Пожалуйста! Мы работаем по вторникам, в пять часов, вход у нас свободный, — слабым голосом утомившейся барышни приглашает Валентин Николаевич. — У нас все демократично, открыто...

Но на Старой площади, куда еще только въехало ХОЗУ администрации президента РСФСР, вход уже не свободный. Туда решительно не пускают депутатов Моссовета, представитель прессы. Согласно распоряжению неведомых миру А. Колесникова и Т. Караванского на Старую площадь, отвоеванную у ЦК КПСС, вправе входить без лишнего затруднений бывшие сотрудники

«Секретный» детский сад № 838

ЦК КПСС. Для них тут, как точно выразился заместитель начальника ХОЗУ, «все демократично, открыто». А меня не пустили...

Ну а пока за закрытыми дверями будто бы заседает комиссия из мыслителей хозяйственного управления администрации президента, пока идет борьба за информацию, дома, домины, домищи, особняки, склады, станки — все имущество бывшего ЦК КПСС уже на законном основании принадлежит администрации президента РСФСР: на этот счет имеется акт с подписями членов первой комиссии, тотчас распущенной. Юристы из администрации все предусмотрели. И санатории, и дома отдыха, и сектор общественного питания, и книжная экспедиция, и детские учреждения — маховик, запущенный ЦК КПСС, движется, как двигался до августа 1991 года. В столовые по-прежнему пускают строго по пропускам, в дверях стоят те же милиционеры. В книжную экспедицию, как встарь, регулярно везут крытыми грузовиками самые лучшие, самые невиданные, самые недорогие, самые умные, самые дефицитные книги и, согласно спешно составленным новым спискам, раздают новоселам Старой площади. Пилит, строгают, шлифуют мебель высококлассного партийного образца партийная мебельная фабрика, мимо которой по Новослободской улице идешь, даже не подумаешь, что она Партийная, не оттого, что на ней нет вывески, — она притворяется... к следственной части Бутырки. Обхаживают усталых демократов и членов их семейств врачи и горничные Дуняши в санаториях на лоне нетронутой природы... Демократы спокойно, отнюдь не по-большевистски, без нагана и маузера, обхаживают большевистское имущество ЦК КПСС, или, говоря языком чиновного люда, — входят в курс дела. И когда им скажешь с укоризной: «Что же вы!», они, сделав лицо «простонародным», доброжелательным, не сговариваясь, но словно сговорившись, отвечают как заведенные:

— А как же вы думали? Везде же люди работают. Нельзя же все разом остановить. И потом существует же девятьсот тридцать седьмое распоряжение Силаева о том, чтобы все функционировало. Разве вы не читали этого распоряжения? И указ Ельцина был на этот счет: все должно функционировать.

«Везде же люди работают»... Что

тут возразить? Лакеи — действительно тоже люди. И они действительно работают. Но ведь и пользуются этой спецжизнью тоже люди: во времена ЦК КПСС — одни, теперь — другие. Лакеям все равно, на кого работать. Но неужели демократы из администрации президента России пришли на Старую площадь только ради того, чтобы жизнь прислуги ЦК КПСС, не дай бог, не изменилась? Странный указ, странное распоряжение № 937-п!

Может быть, мы и правда слишком нетерпеливы?.. Но почему тогда ничего не слышно о том, что в яслисад № 838, который при коммунистах имел ежегодную дотацию два (2) миллиона рублей (ничего себе садик отгрохали!), водят «городских» детей? Почему не водят прямо с 22 августа? Уже закончила работу первая комиссия, скоро Новый год — ПОЧЕМУ В ДЕТСКИЙ САД № 838 НА ДАВЫДКОВСКОЙ УЛИЦЕ ПРОДОЛЖАЮТ ВОДИТЬ БЫВШИХ ЦЭКОВСКИХ ДЕТЕЙ, А НЕ ПРЕЗРЕННЫХ «ГОРОДСКИХ»? Да разве у ЦК был только один сад? Почему во все сады, лагеря, пансионаты для детей бывшего ЦК не приводят ОБЫЧНЫХ ДЕТЕЙ?

Пришедшие к власти демократы призваны распорядиться не только чисто партийным имуществом. Демократизации ждет вся наша жизнь. Но время идет, а перемен нет. И все это видят, потому что как «кормушку» ни прячь, а все знают, что это именно «кормушка». Не все они, конечно, замаскированы под тюрьмы. Если вы видите непонятную вывеску, то это тоже что-то значит и для кого-то предназначено. Одна такая вывеска до сих пор спокойно висит на доме № 4 по улице Большие Каменщики. Там написано, что это «книжная экспедиция». Нет, не партийная — партийная прямо на Старой площади. Другая, для «городской» элиты. Почему бы не превратить ее в обычный книжный магазин? Однако ее взяло под свое руководство министерство печати и информации России.

Почему полгода спустя (целых полгода прошло!) после запрещения КПСС ничего не слышно о том, что спецбольницы принимают всех? Почему эти больницы не переданы городу, республике, а остаются «спец»? Почему «городских» детей выперли на улицу из детской спецполиклиники на улице Цандера? На первых порах «демократизации общества» эта спецполиклиника

испуганно приняла 2620 «городских» детей — а теперь ВЫПЕРЛА! Лакеи в белых халатах не просто «функционируют» — они функционируют по-своему, как привыкли при коммунистах.

КПСС отступила летом, а уже зима. Неужели нас можно обвинить в нетерпении? И то же самое повторяется с непосредственной прислужкой ЦК КПСС — пусть пока «функционируют». До какого числа они будут «функционировать»?

Получить ответ на этот элементарный вопрос совершенно невозможно.

— Зачем вам это? — приветливо, дружелюбно спрашивают нас демократы из президентской администрации. — Работайте себе спокойно! Другие же работают. Никто этим не интересуется. Одни вы...

Пусть мы будем одни. Пусть другие газеты и журналы по чьему-то заказу интересуются «судьбой партийных денег», которые то и дело всплывают в швейцарских, парижских и лондонских банках. Обрети страна эти деньги, нам они не достанутся. А вот дома, санатории, пансионаты, гостиницы, детские сады, больницы, поля, луга, леса — они не в Париже. Они — здесь. Это богатство, отнятое у каждого из нас. И мы должны знать, достанется оно нам или малая комиссия, созданная под покровом ночи всемогущими людьми президента, уготовила ему другую участь.

Фото Валерия Левитина

А в терем тот высокий нет хода никому...

Мне необычайно повезло.

Уже без тоски читаю я в газетах о том, что есть скоро будет совсем нечего. Не знаю как вы, а я-то доживу до теплых дней, не потеряв в весе.

Причина тому — кусочек картона величиной чуть больше автобусного проездного билета. Эта маленькая прелесть дает мне исключительное право питаться в столовой, что приютилась за бирюзовым дворцом в стиле модерн — бывшим зданием ЦК на Старой площади.

Теперь у столовой, как и у всего близлежащего квартала, новые хозяева. Они отвоевали коммунистические чертоги в последней решающей схватке минувшим августом. Многообразные российские управленческие структуры расселились здесь во всем своем великолепии, и дай Бог им здоровья. Ибо и мне, ничтожному, перепала малая толика тех благ, что изливается на этот заветный уголок земли русской.

Как пробрался я сюда? Позвольте сохранить сие в тайне. Сообщу лишь, что в столовой ХОЗУ администрации Президента РСФСР ваш покорный слуга — человек совершенно случайный. Просто повезло.

Но — довольно разговоров. Скорее пройдем внутрь, не забыв предъявить пропуск дотошному милиционеру при дверях. Повесив пальто на вешалку, приблизимся к одной из касс, где сперва пошуршим меню.

Меню — это отдельная поэма. Открывают ее закуски. Что вы предпочтете — салат столичный, винегрет овощной, сациви из кур или сельдь по-венгерски? Наименований не меньше восьми, цены не выше восьмидесяти копеек. Первые блюда: борщ с фрикадельками, суп-чорба по-молдавски с курицей, солянка

Фото Валерия Левитина

домашняя... Окиньте теперь взглядом блюда вторые. Как насчет стейки жареной во фритюре с соусом? А вот и шницель мясной рубленый. Я бы, высших интересов ради, попотчевал вас митетеем из говядины или паприкашем из нее же. Хорошо, хорошо, не терзайтесь и берите своих ненаглядных жареных цыплят. Только тут и цены посolidней — аж до рубля с половиной доходит! Куда же вы спешите? Еще ведь десерт. Отдайте кассиру четыре с небольшим рубля за весь обед и поднимайтесь на второй этаж.

Присаживайтесь за свободный столик. Спешить больше некуда. Пускай теперь суетится официантка. И что же с того, что столовая? Я же не в забегаловку, не в «Зеленый огонек» вас звал.

Официантка протрет стол, разложит приборы. Вилку, ложку и нож, нежно звякнув, поместит на специальную подставочку. Грациозно собрав чеки, официантка исчезнет, чтобы вскоре возникнуть вновь, катя перед собой тележку с закусками. Каждому блюду — свое время. Приятного аппетита!

...По вечерам в столовой работает кулинария. Можете не торопясь приобрести сосиски или колбасу какую. Помните, как вчера в магазине вам колбасы не досталось? Как возненавидели вы бабульку, что урвала последние полкило? Видела бы она вас сейчас — умерла бы на месте. Ну и хорошо, что не видит. Что доз-

волено Юпитеру, знаете ли...

Между прочим, наши новые Юпитеры проявили характерную твердость в раздаче старых благ. На стеклянных дверях столовой вывешен список тех, кого столовая не обслуживает. Это, в первую очередь, бывший Институт марксизма-ленинизма, газета «Гласность», музей Ленина. Тут все справедливо: они свое уже съели. Заодно в список попали Мосoblсовет, Научно-промышленный союз, банки и еще что-то. Видно, у них имеются свои «кормушки».

Труженики столовой на всякие мои простодушные вопросы отвечают уклончиво. Низкие цены? Вполне нормальные, как везде. Кто именно питается здесь? Да много разного народу питается. Кто тут работает? Кто был, тот и остался. А вот ассортимент — да, ассортимент раньше был получше.

И тут вконец удрученный читатель спросит: «А к чему обо всем этом рассказывалось? Автор что, призывает чудесную столовую закрыть или обеды в ней готовить «подемократичней»? Вовсе нет! Ибо призывать к такому, по меньшей мере, наивно. Все движется по своему законному кругу. Кесарю — кесарево.

И никого я не обличаю, не уличаю. Я хвастаюсь. Простите уж меня, везучего, — теперь я ни на что не променяю свой кусочек картона. Свою маленькую прелесть.

Борис АЛЕКСЕЕВ

Илья КИТАЙГОРОДСКИЙ

ПОТРАТЬТЕ ВАШИ ДЕНЕЖКИ, ИНАЧЕ БЫТЬ БЕДЕ

Пока в моем кошельке только рубли. Точнее, дензнаки, имеющие хождение и в России, и на территории других суверенных государств. Как ЭКЮ в странах Европы. Зарплата еще не оттопыривает карман, но скоро, очень скоро деньги, видимо, придется носить в полиэтиленовом мешке и анекдот про кошелек-чемодан перестанет быть смешным. Пока на самой крупной банкноте, которую вот-вот выпустят в обращение, только три нуля. Но осталось еще немного потерпеть, и будем ходить в магазин с чемоданами, расплачиваться купюрами на вес, а взамен получать тщательно пересчитанные кусочки колбасы. Помилуйте, никого я не пугаю! Просто знаю историю и тридцать лет занимаюсь финансами.

ВСЕ УЖЕ БЫЛО

В 1922 году 10 тысяч(!) старых совдензнаков меняли на рубль новых. В 1923-м обмен повторили, через год снова меняли. В обращение даже выпустили серебряные полтинники. (Сегодня о такой роскоши и речи быть не может.) Люди успокоились и понемногу стали доверять деньгам. Экономика стабилизировалась, бюджет не трещал по швам, вдобавок Красную Армию с пяти миллионов сократили до пятисот тысяч. Короче говоря, вакханалия с финансами закончилась.

Сегодня нам тоже хочется дожить до такого счастливого времени. Мы же пока, если следовать историческим параллелям, где-то в году 21-м, и никак не в 24-м.

Семьдесят лет назад работник не спрашивал, какая будет зарплата, а интересовался: одна воблина в пайке или две? У нас вместо воблы заказы и распродажи по предприяти-

ям.) Деньги мало значили, зато большое значение имело, какие именно это деньги: деникинские, врангелевские, купюры Колчака? Известное финансистам правило — при полном развале потребительского рынка появляется масса всевозможных валют — действовало при Колчаке, будет действовать и ныне.

Я не исключаю возможности, что «свои» деньги появятся не только в суверенной Прибалтике и на Украине, но, скажем, и на Камчатке. Любая республика, регион, район, улица, наконец, способная отоварить «своего» жителя лучше, чем соседского, начнет вводить собственные республиканские, региональные, районные и даже уличные деньги. Печатал же местный Совет города Гагры гагринские дензнаки!

Правда, в далекие двадцатые правительство не испытывало серьезных проблем с наличностью, быстро и красиво рисовало новые купюры. Сегодня, вероятно, на сочность красок рассчитывать не стоит — новые деньги скорее всего будут выгля-

деть, как старые, но на них появится какой-нибудь опознавательный знак — либо голубая полоса, либо красные крапинки, либо белые буквы У, Р, Б, М...

Может, чем больше денег, красивых и разных, тем обильнее магазины и веселее люди? Увы, все это напоминает историю про покупателя, который попросил продавца подобрать ситцу веселенькой расцветки и услышал в ответ: «У нас тут все — обхохочетесь». Замкнутый круг какой-то: сами творим Бог знает что, сами от этого страдаем и сами над этим же насмехаемся.

ГРИВЕННИК — НЕ РУБЛЬ, А РУБЛЬ — ЭТО ГРИВЕННИК

Финансы оздоровит денежная реформа — убеждены одни экономисты. Спасут только республиканские деньги — доказывают другие. Попробую кратко проанализировать эти наиболее распространенные варианты.

Если уж мы заговорили о денежной реформе (а опытные финансисты знают, что обсуждать ее ни в коем случае нельзя, иначе эффект окажется нулевым), надо определиться: будет ли реформа конфискационной, когда денег забирают больше, чем отдают, или еще какой-нибудь. Мои наблюдения показывают — люди в основном представляют денежную реформу так, как она была проведена в 1947 году: 10 рублей старых меняли на рубль новых. В результате товаров физически оказалось больше, чем наличных денег. Карточки отменили, полки наполнили. Казалось бы, вот что нам надо.

Но сегодня, убежден, идеи конфискации не пройдут. Нет былого доверия к правительству, нет и строгого вождя, способного подавить любую критику «снизу». К тому же 90 процентов граждан живут от зарплаты до зарплаты, значит, предстоит «отобрать» деньги у оставшихся десяти. Не получится — обмен сторублевок ясно показал: богатые подготовлены ко всякого рода изъятиям лучше, чем бедные.

Допустим, перед реформой решили провести массовую «ревизию» сбережений и закупили — такое тоже предлагается — на иностранные кредиты продукты, товары... Залпом выбросили на рынок. Опять же эффекта не будет. Разметут все! В обращении сейчас около 160 миллиардов рублей. На сберкнижках — 550 миллиардов. На 700—750 миллиардов рублей, принадлежащих населению, добра не запasti.

Может, нужна другая реформа — не конфискационная. А она смысла не имеет. Почему? Рубль обеспечен товарами примерно на 10 копеек. И этого обеспечения хватает на пару часов, когда с утра еще чем-то торгуют. Сбережений на «черный» день теперь тоже не существует. Еще год

назад сбербанк платил проценты за то, чтобы наличные не выплескивались на рынок. А за что платит нынче? Человек держит деньги на сберкнижке только для того, чтобы при первой же возможности их снять и купить хоть что-нибудь. Разницы между деньгами в кармане и на сберкнижке нет. Кстати, первые сберкассы открылись только в 1923 году — до этого в них смысла большевики не видели. Проще говоря, если деньги не отбирать, то у населения их окажется все равно больше, чем товаров.

Введение республиканских денег тоже опасно, прежде всего для России. Самый принципиальный здесь вопрос — кто первым выпустит национальную валюту? Допустим, Украина. Жители начнут избавляться от рубля — то есть скупать на него все подряд у рублевого соседа. И никакие кордоны не спасут, полки в магазине не останутся! Научно выражаясь, часть национального дохода России отойдет Украине. Или еще какой-нибудь более расторопной республике. И я абсолютно убежден — ни одна республика не позволит России выпустить свою валюту первой. Иначе их постигнет та же участь. Можно, конечно, предложить, что республика-государства найдут общий язык и цивилизованно выйдут из рублевой зоны. Надежда слабая: если трудно договориться о поставках колбасы, наивно мечтать о согласии в финансах.

РЕФОРМА... ПОСЛЕ РЕФОРМ?

Отобрать нечестные деньги, трудовые сохранить, раздать купюры только своим, а чужим вообще запретить покупать на родной территории — вот логика

финансовых реформаторов. Так не бывает. Где бы реформу ни замыслили и когда бы ее ни проводили, нужно иметь главное условие: экономика к этому моменту должна либо выходить из кризиса, либо стабилизироваться. Любое другое состояние экономики сведет на нет самые здравые планы. Примеров тому в мировой экономике достаточно.

Несколько лет назад я сам предлагал проект введения параллельной валюты — червонца. Бумагу написал от руки, машинистке не доверял. Передал министру финансов — тогда им был Б.Гостев, тот отнес Рыжкову, Рыжков ознакомил Горбачева. На этом чтения проекта, судя по всему, закончились. Хотя пять лет назад она имела шансы на успех. Сегодня же, накануне гиперинфляции, мы всерьез обсуждаем проекты, которые и при более благоприятных условиях провалились бы.

Ни республиканские, ни районные, ни червонные деньги не спасут — реформа финансов, повторяю, возможна только после других реформ. А людей не обманешь, они правильнее всех чувствуют ситуацию и понимают: чтобы сохранить деньги до завтра, их надо потратить сегодня. Нечего купить? В магазинах — да. Но идет скрытое от глаз распределение: никто не отменял торговлю на предприятиях, по приглашениям, работают столы заказов, бартер между предприятиями процветает. По подсчетам специалистов, существует более тридцати видов распределительной торговли. Это означает, что во столько же раз деньги стоят меньше, чем должны. Реформа финансов не способна все это отменить, она может лишь закрепить положительные тенденции. Таких, увы, пока не наблюдается. Так не стоит повторять историю, хотя бы с купюрами.

Судебное дело А.Панова может показаться банальным. Ну что необычного в том, что человек добивается восстановления на работе?

Все так, если бы человек этот не был генеральным директором. Да, Анатолий Панов, уволенный с должности генерального директора флагмана отечественного станкостроения, подал в суд иск о восстановлении на работе. Что же там произошло и за что уволили генерального?

«ДЕ-ЮРЕ» И ДЕ-ФАКТО

А произошла история по нынешним временам не столь уж редкая. Московское производственное объединение «Станкостроительный завод им.Серго. Орджоникидзе» объединилось с западно-германской фирмой «Хайнеман» и создало совместное предприятие под названием «Хоматек». В связи с чем генеральный директор Анатолий Алексеевич Панов стал ездить в ФРГ на предмет завязывания тесных контактов с немецкими партнерами.

Как выяснилось, контакты Панова не ограничивались кофе с ликером и совещаниями на высоком уровне. Анатолию Алексеевичу страстно захотелось приобрести кое-какие заграничные вещицы. К примеру, видео- и аудиотехнику и тому подобные штучки. На беду, стесненность в свободной конвертируемой наличности не позволяла в полной мере удовлетворить запросы нашего героя. Но почему бы не попросить западного партнера преподнести все эти соблазнительные вещи в качестве презента? Панов очень быстро понял, что все можно получить на халяву.

Когда глава германской фирмы господин Ланг увидел четырехзначную сумму дойчмарок, которые пришлось заплатить за подарки для советского коллеги, у него глаза на лоб полезли.

Опуская эмоциональную сторону вопроса, приведу выдержку из постановления следователя по особо важным делам Московской прокуратуры А.Шлеера от 23 мая 1990 года: «...генеральному директору МПО «Станкостроительный завод им.Серго Орджоникидзе» Панову А.А. предъявлено обвине-

ние по ст.170 ч.1 УК РСФСР в связи с тем, что он, будучи в 1989 г. в зарубежных командировках, злоупотребляя своим служебным положением, вымогал у своих зарубежных деловых партнеров деньги и предметы бытовой техники, чем дискредитировал себя как представителя деловых кругов Советского Союза, причинив тем самым существенный вред достоинству и внешнеэкономической деятельности СССР... Постановил: Панова Анатолия Алексеевича отстранить от обязанностей генерального директора МПО «Станкостроительный завод им.Серго Орджоникидзе».

Постановление следователя было лишь началом длинной эпопеи, которая продолжается и по сей день. В пановском деле было все: и прекращение уголовного дела «в связи с тем, что Панов оспаривать свое отстранение от должности не намерен», и требование коллектива о его отстранении, и восстановление в должности по суду, поскольку «уволен он был не по решению трудового коллектива, а по решению профсоюзной конференции», и возобновление уголовного дела «в связи с тем, что Панов заявил о давлении на него со стороны следователя», и приговор суда об увольнении, и отмена приговора «ввиду отсутствия состава преступления», и отмена отмены... Словом, бесконечная юридическая возня, которая с обеих сторон именуется борьбой за справедливость.

Правда, борьба эта происходит не только в судебно-прокурорских залах и кабинетах, но главным образом в заводских цехах. Завод лихорадит. Многотысячный коллектив за редким исключением не желает

возвращения старого директора. Причина не только в том, что Панов «дискредитировал себя в глазах зарубежных деловых кругов». Вот что, например, пишут начальники двадцати цехов и семи отделов завода: «За полтора года руководства заводом т.Панов А.А. убедил в своем неумении руководить коллективом и в полном отсутствии человеческих качеств для создания в коллективе завода и среди руководителей цехов и отделов нормальной психологической обстановки. За 1989 год с завода были вынуждены уволиться 1057 человек, в т.ч. более 50 руководителей цехов и отделов... Мы, руководители цехов и отделов завода, считаем, что т.Панов А.А. не имеет в дальнейшем морального права находиться у руководства коллективами производственных подразделений».

Спрашивается, может ли человек претендовать на пост генерального директора в такой ситуации? Ведь каким бы ни было окончательное решение суда, насильно мил не будешь! Разумеется, в нашей стране накоплен богатый опыт подавления инакомыслия с помощью танков, бронетранспортеров и прочей боевой техники. Да только вряд ли въедет на танке Панов на территорию своей бывшей вотчины — нет у него такой возможности. Да и броней сегодня уже никого не испугаешь.

Вот почему бывший руководитель предпринимает обходный маневр. Он обращается в малое предприятие «Де-юре».

Что такое «Де-юре»? О, это нечто особенное. Судя по вывеске, это юридическая контора, которая призвана защищать своих клиентов в су-

де. Но это лишь на первый взгляд.

Все дело в том, что данное малое предприятие создано при редакции газеты «Правда» (и находится в ее здании). А призвано оно помочь «Правде» выжить в условиях падения престижа и тиража, а также в обстановке рынка.

Но какие шансы у «Де-юре» выиграть почти безнадежное дело того же Панова? Суду ведь нужны не эмоции, а веские аргументы и убедительные факты. Однако на сей случай есть возможность выступить на страницах газеты. Тут уж не обязательно писать правду без кавычек. В публикации можно кое о чем умолчать, кое-что перевернуть, слегка подтасовать и чуть-чуть передернуть. Особенно ежели дело касается зарубежного партнера, которого позволительно представить таким жестоким эксплуататором, норовящим «захлестнуть валютную удавку на шее завода». Бывшего же руководителя объявить «нашим замечательным соотечественником, который с первых своих шагов на заводе попытался наладить цивилизованные отношения с западным партнером».

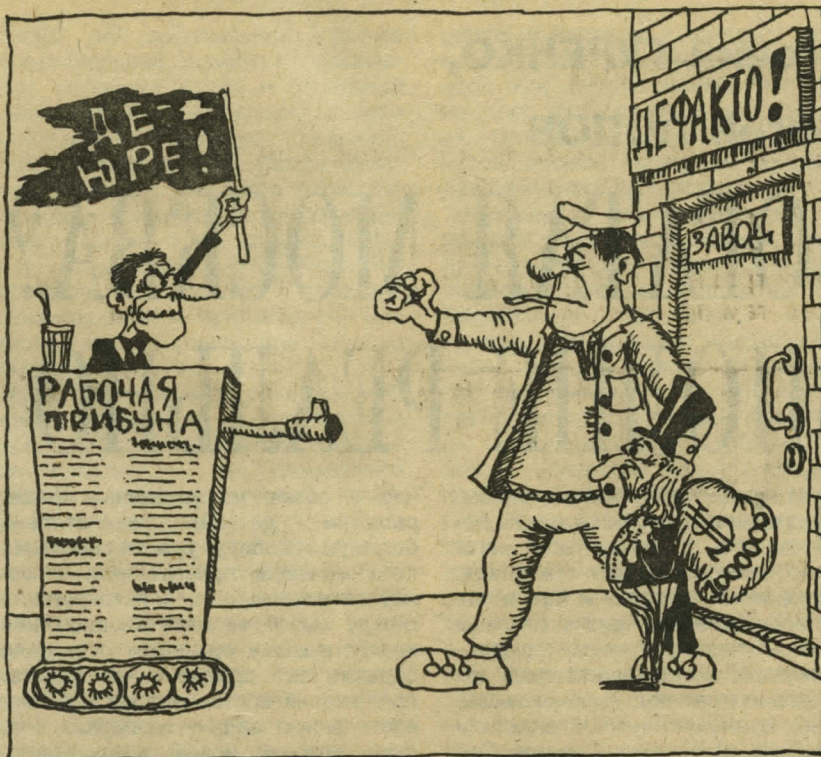
И вот раздается массивный залп из орудий главного калибра — две публикации в «Правде» и три — в «Рабочей трибуне», верном сподвижнике бывшей «главной партийной газеты». Цель — поразить западного партнера московских станкостроителей и тем самым обелить бедного Панова. Но есть и далеко идущая задача — подорвать доверие к зарубежным предпринимателям, к их инвестициям, к интеграции нашей страны в мировую экономику. Как говорится, ГКЧП умер, но дело его живет...

Увы, бывшему директору все эти публикации не помогли. Судебная телега движется по своей колее. Зато на заводе страсти вспыхнули с новой силой, и теперь рабочие насторожились: если Панов вернется, будет объявлена забастовка.

Но что за дело до этого «Рабочей трибуне», которая именует себя «газетой социальной защиты трудящихся»? Не парадокс ли — рабочая газета выступает против рабочих в защиту администратора!

А пока прежний номенклатурщик пишет жалобы и ведет тяжбу, зарубежный партнер строит на якобы задушенном им заводе новый корпус для расширения производства современных станков.

Так кто же, спрашивается, проявляет заботу о процветании нашей страны —

Рисовал А.Заяц

бывшие зарубежные враги, оказывающие нам гуманитарную помощь и вкладывающие деньги в наше провальное

народное хозяйство, или отечественные «друзья народа», стремящиеся подорвать это деловое сотрудничество?

РАССИЯ

АКЦИОНЕРНЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОНЦЕРН
"РОССИЯ"

- Возведение малоэтажных зданий
- Все виды отделочных работ
- Установка спец. оборудования
- Капитальный ремонт зданий
- Монтаж инженерных коммуникаций
- Ремонт жилых зданий
- Проектные работы

МЫ СТРОИМ БЫСТРО, КАЧЕСТВЕННО,
ПО ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРОЕКТАМ

ЗВОНТЕ СЕГОДНЯ
Т. 413-35-91, 121-12-83

РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО **РАССИЯ**

Евгений ГУРЕНКО,

Сергей ПОПОВ

БОГАТАЯ МОСКВА? ВПОЛНЕ РЕАЛЬНО

Нет нужды в который раз описывать печальную московскую реальность с ее пустыми магазинами, неотоваренными талонами, неухоженными улицами и т.д. и т.п. Собственно говоря, кризис столицы — лишь часть кризиса общероссийского, к которому катились мы 70 с лишним лет под убаюкивающие лозунги коммунистической власти и послушных ей местных Советов. Год за годом уничтожалось то, что было сутью Москвы, ее историей, ее неповторимым обликом.

Былые правители «великодушно» оставляли москвичам малую толику их присвоенного за бесценок труда: только седьмая—пятая часть дохода, созданного московской экономикой, возвращалась столице в виде городского бюджета. Остальное центр беззастенчиво перераспределял в свою пользу.

Такую экономическую политику Москва (как, впрочем, и вся страна) не могла переваривать вечно. И когда рухнула сила, державшая эти перевернутые отношения, оставив нам нынешнее печальное наследство, только тогда у столицы появился реальный шанс создать нормальную рыночную экономику, которая будет давать городу капитал, создавать новые рабочие места, выведет Москву на подобающее ей место в ряду мировых центров. И тут имеет смысл обратиться к опыту стран и городов, уже реформировавших отношения между государством и городскими властями.

Так, в США эти реформы начались в конце 70-х годов. Широко известная «рейганомика» в этом смысле представляла резкое сокращение федеральных программ помощи городам, то есть, по сути, отказ от централизованного распределения ресурсов. В результате города, полу-

чив в обмен на урезанные федеральные дотации значительно большую свободу для экономического маневра, превратились в самостоятельные, конкурирующие между собой за капиталовложения хозяйствующие субъекты. И сегодня борьба за привлечение капиталовложений составляет в США первостепенную задачу городских властей. Каждый новый доллар, вложенный предпринимателями в экономику конкретного города, есть вклад в создание новых рабочих мест, в расширение местных социальных программ и общественных услуг. Арифметика проста: чем больше привлеченный капитал, тем шире и надежнее база налогообложения, тем активнее текут деньги в городскую казну.

Подобные процессы идут во всех развитых странах. Возникли так называемые «глобальные города» — центры мировой экономики, управляющие огромными потоками интернациональных ресурсов и капитала, концентрирующие крупнейшие банки, информационные и наукоемкие услуги и т.д.

Что же это за приманки, которыми завлекают инвесторов городские власти? Говоря языком специальных американских исследований, наиболее важные факторы — доступность производителей к рынкам сбыта, а в случае «информационно-сервисной экономики» — близость к специализированным видам услуг; цена и качество рабочей силы; доступность городской недвижимости как экономического ресурса; качество транспортных коммуникаций и связи; характер правового регулирования деловой активности.

Сейчас, повторим, Москва впервые за долгие десятилетия получила шанс пройти свою часть пути к ми-

ровой экономической системе, решительно влияя при этом и на формирование внутрисююзного рынка. Путь, естественно, не близкий, не простой, но преодолимый. И к тому есть минимум пять предпосылок.

Во-первых — высокая доля «информационной» составляющей в общей структуре занятости столицы (наука и научное обслуживание — 938 тысяч человек).

Во-вторых — высокая доля «сервисной» составляющей (торговля, общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, транспорт — 981 тысяча человек).

В-третьих — исторически сложившееся положение «столичности», узловое положение Москвы в системе внутрисююзных коммуникаций (транспортной, информационной и т.д.).

В-четвертых — относительно удовлетворительное (по сравнению с другими городами России) состояние городской инфраструктуры.

И, наконец, в пятых — уникальное историческое, культурное наследие Москвы.

Но все это, естественно, лишь стартовые факторы: чтобы экономика Москвы обрела новое состояние, необходимо создать в городе базовую рыночную инфраструктуру, а городским властям — перейти к активной политике по поддержке и развитию свободного предпринимательства. Что такое рыночная инфраструктура? Это система финансовых учреждений (государственные и коммерческие банки, страховые компании), биржи, широкая гостиничная сеть с современными узлами связи, местами для деловых встреч и всем набором сервисно-бытовых услуг, выставочные центры, рынки оптовой и розничной торговли и т.п.

Активная предпринимательская деятельность предполагает участие в ней иностранного капитала, инвестиций, кредитов. Привлечь их — задача не из самых простых, если учесть, что сейчас доверие западных партнеров к нашим государственным хозяйственным структурам изрядно подорвано. Правда, к куда большим интересам они относятся к структурам коммерческим. И в этой ситуации очевидно: городские власти, чтобы привлечь иностранных инвесторов и кредиторов, должны разумно распорядиться теми ресурсами, которые действительно ценятся на Западе. В

Москве главным таким ресурсом является недвижимость.

В частности, именно недвижимость может помочь Москве возродиться как международному финансовому центру и лидеру негосударственной финансовой деятельности страны. Конечно, и Центральный банк РСФСР, и Внешэкономбанк, и другие госбанки должны иметь благоприятные условия для развития, но главное, что следует сделать, — наделить собственностью и самостоятельностью банки коммерческие.

Один из возможных вариантов этой стратегии видится нам таким:

городские власти в кратчайшие сроки проводят для коммерческих банков аукцион по продаже права долгосрочной аренды на московскую недвижимость (земельные участки, кварталы, подлежащие реконструкции, промзоны с устаревшей или экологически вредной технологией, здания и т.п.);

коммерческие банки, получившие это имущество, получают и право использовать его как залог под валютные кредиты и инвестиции в приоритетные программы городского развития на условиях договора с правительством Москвы.

Коммерческие банки могут сыграть важную роль и в цивилизованной приватизации торговли, службы быта, в организации сбора налогов в городской бюджет, в экспертизе инвестиционных и социально-экономических проектов. Поэтому, нам кажется, имеет смысл создать единый центр, например финансово-бюджетный комитет при мэре Москвы, который сформируют сами коммерческие банки.

Обратимся еще раз к опыту США. Он дает нам широкий выбор экономических рычагов, позволяющих местным властям действовать во благо городу и его населению. Самый простой и эффективный — это понижение ставок местного налогообложения (или полное освобождение от него), когда речь идет о деловой активности, имеющей первостепенное значение для региона. В США ставка на прибыль предпринимателей, устанавливаемая властями штатов или крупных метрополитенских зон, колеблется от 3,1 до 12,6%. При этом преимущество имеют те отрасли производства, деятельность которых совпадает с приоритетами экономического развития города или региона.

Между прочим, указ Президента

РСФСР «О полномочиях органов исполнительной власти г. Москвы» дает подобные права и столичной мэрии. Так что нам вполне с руки использовать мировую практику. Один пример: можно ввести местный налог на сверхдоход бирж, работающих в столице, с одновременными льготами в тех случаях, когда этот доход вкладывается биржей в строительство жилья, развитие здравоохранения, просвещение или другие приоритетные для Москвы социальные программы.

Еще один распространенный вариант городской экономической стратегии по отношению к предпринимательству — так называемое «финансирование в кредит». Имеется в виду следующее. Местные власти либо предоставляют предпринимателям займы под конкретный проект с низкой ставкой банковского процента, либо выпускают для населения облигации или ценные бумаги, гарантируемые всем муниципальным достоянием. В этом случае часть вырученных средств идет на выплату процентов по ценным бумагам, а часть передается предпринимателю для реализации проекта. Через несколько лет осуществленный проект начинает приносить доход, налог с которого идет в городской бюджет. Кроме того, город получает дополнительные рабочие места.

Наконец, муниципальные власти могут с умом распорядиться недвижимостью, отдавая первенство при аренде или продаже ее тем предпринимателям, деятельность которых особенно способствует экономическому развитию города.

Все эти пути, напомним, хорошо изучены и широко применяются в мире, поэтому не стоит нам терять время в поиске чего-то «особого», допускать элементарные ошибки, усугубляющие кризис. Не стоит и слушать тех, кто кричит о мнимой «распродаже» столичного достояния. Крики эти, как правило, исходят либо от людей малограмотных (в лучшем случае), либо от тех, кто страшится потерять остатки былой власти.

Добавим, что городская власть способна и сама выступать в роли предпринимателя, например, есть проекты, осуществление которых чересчур рискованно, с точки зрения свободных предпринимателей, но которые могут принести большой доход в случае успеха. Тут имеет смысл создавать смешанные муниципально-частные фонды, способствующие развитию малого бизнеса или инновационных проектов на этих «рискованных» направлениях. На Западе это носит весьма красноречивое название «предпринимательского государства».

Разумеется, принципиальные изменения в экономике Москвы, приведут — и это уже ощущается — к серьезным социальным сдвигам. Рост безработицы (особенно «структурной», связанной с высвобождением большой армии чиновников, партработников и т.п. и несоответствием их потенциала имеющимся или создаваемым рабочим местам) — одна из самых очевидных проблем. Решать ее тоже предстоит городским властям, поскольку никто за них ничего тут не сделает. Ждут нас и серьезные изменения в социальной структуре, в распределении доходов москвичей. В итоге — удорожание городской жизни, все более заметное расслоение населения, когда одним все труднее свести концы с концами, а другие стремятся удовлетворить свои растущие запросы, подкрепленные ростущими доходами. Это время грозит Москве увеличением социальной напряженности и разгулом преступности.

И все же социальные проблемы, при всей их тяжести, не стоит считать непреодолимыми. Все зависит от того, насколько удастся муниципальным властям совместить экономическую реорганизацию с выполнением программ социальной защиты неимущих слоев, в частности строительством муниципального жилья, развитием бесплатных служб здравоохранения, созданием объектов культуры, просвещения, отдыха и т.д. Добиться этого можно разумным перераспределением результатов экономического роста.

Как бы там ни было, Москве предстоят глубокие экономические реформы. Впервые после октября 1917 года у нее появилась возможность стать действительным центром новой экономики мирового уровня, передовых технологий, услуг, знаний. Создать приемлемый для современного человека уровень жизни. Сумеет ли столица использовать этот шанс?

«МЫ ИМЕЕМ ИНФОРМАЦИЮ, НЕОБХОДИМУЮ НА РЫНКЕ НИЧУТЬ НЕ МЕНЬШЕ ДЕНЕГ»

— Радизль Алексеевич, в рекламе всегда есть преувеличение возможностей. Но людям, занятым делом, нужна точная информация. Поэтому хотелось бы знать, какими реально сведениями вы располагаете? Как и какие материалы следует выбирать?

— Мы понимаем, что проблема «Выбора» материалов — одна из самых насущных для разработчиков и производителей продукции. Материалы — это хлеб производства. И без них не появится никакая продукция. Нарастающая растерянность разработчиков и производителей перед рынком и поставила перед нами задачу ускорения создания АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК ДАННЫХ ПО МАТЕРИАЛАМ И ВЕЩЕСТВАМ» (Госматериалбанк). Сводная база данных этой системы содержит фактографическую информацию о номенклатуре, свойствах, технических характеристиках и экономических (коммерческих) сведениях по всем отечественным материалам, веществам и ассортиментной продукции на их основе, а также данные о зарубежных аналогах.

Хочу отметить, что в мировой практике подобные системы успешно функционируют. Сегодня они оформлены в виде библиографических и фактографических баз и банков данных. Это универсальный ориентир для всех специалистов. По нему можно найти практически все мыслимые характеристики искомого материала, кем этот материал производится и у кого можно его купить. Фактически подобные банки данных располагают исчерпывающей информацией для производителей, продавцов и покупателей продукции. Ее необходимо лишь внимательно проанализировать и смело браться за дело.

Подобную систему мы создали и в нашей стране. Вначале наша идея опережала жизнь. Поскольку рыночные отношения еще не сло-

Рынок привлекает и пугает одновременно. Хотелось бы иметь свое дело. Но где брать требуемые материалы? Особенно сейчас, в период распада хозяйственных связей. Если вы хотите заниматься разработкой и изготовлением продукции, у вас не будет проблем, из чего выгоднее создавать изделие. Нужно лишь обратиться в научно-хозяйственную ассоциацию «Информматериал» по адресу: 103006, Москва, ул. Каляевская, дом 21, телефон 973-06-28.

жились, потребность в собранной нами информации была ограниченной. Но со становлением рынка интерес к нашей информации усиливается. Сейчас перед нами стоит вопрос о расширении своих мощностей, так как потребителей информации у нас становится значительно больше.

Создание такого банка данных продиктовано самой жизнью. Количество материалов в мире безмерно велико. А техническая информация о них рассредоточена в многочисленных источниках, которые часто бывают одновременно недоступными. Для того чтобы помочь потребителю совершить информационный прорыв, Всесоюзным научно-исследовательским центром по материалам и веществам Госстандарта СССР было принято решение о создании Госматериалбанка совместно с ведущими материаловедческими организациями различных отраслей.

Задача, которая стояла перед разработчиками принципиально новой информационно-

Радизль ВОЛКОВ,
генеральный директор
научно-хозяйственной
ассоциации
«Информматериал»

поисковой системы, — это интеграция всех сведений о материалах, добытых как из официальной нормативно-технической документации, так и по результатам проведенных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

К сожалению, отсутствие в нашей стране единой компьютерной сети не позволяет пользователям в настоящий момент иметь надежный автоматизированный доступ ко всему массиву интегрированных в одном месте сведений о материалах. Созданная система с единым методическим принципом функционирования позволяет собирать, аккумулировать и интегрировать информацию, поступающую из разных источников, и выдавать искомые сведения о материалах и веществах. Система работает и в отсутствие единой компьютерной сети и рассчитана на применение ее абонентами персональных компьютеров типа IBM PC AT.

Сутью нашего подхода является то, что нами создан единый сводный классификатор показателей технических и коммерческих сведений о материалах. То есть систематизированы все наименования, которые так или иначе описывают материал.

— А по каким параметрам характеризуются сегодня материал?

— В нашем классификаторе около десяти тысяч наименований, сведений, которые могут характеризовать материал. Но это не значит, что каждый материал должен иметь все названные показатели.

— И сколько же материалов хранится в вашем банке?

— На сегодня информационный массив охватывает свыше десяти тысяч наименований нормативно-технических документов на материалы и вещества, а также ассортиментную продукцию на их основе. Имеются в виду технические условия и ГОСТы. Номенклатура материалов значительно больше, поскольку один ГОСТ может включать в себя несколько материалов. Например, ГОСТ на нержавеющей стали имеет в своем составе несколько сот наименований. Расчет ведется по тем нормативно-техническим документам на материалы и

ИМИДЖ
РЕКЛАМА

«Информматериал»

вещества, которые существуют в СССР. Сегодня, по нашим данным, их примерно около пятнадцати тысяч.

Банк данных создан для того, чтобы предоставить его пользователям возможность получения непосредственно на своем рабочем месте требуемую информацию. Помимо классификатора и номенклатуры материалов мы предоставляем специальное программное обеспечение. Эти три составные и позволяют пользователю наиболее точно и оперативно выбрать для себя необходимый материал. Ведь своевременная информация на рынке порой бывает дороже денег.

Кроме того, ориентируясь по самым обобщенным данным, потребитель может сформулировать нам задание на поставку интересующих его сведений по конкретному материалу. Это в значительной мере отсекает избыточную информацию. Например, вас не интересует такое экзотическое свойство, как цвет. Зато волнует: горит ли материал, токсичен ли он? Так вот, наше программное обеспечение позволяет пользователю сформировать заявку на материалы по строго определенным сведениям. Выбор из всего информационного фактографического массива нужного свойства — работа весьма обременительная. Эту трудоемкую задачу наша ассоциация берет на себя.

— В условиях нормального рынка ваша информация пользовалась бы исключительным спросом. Однако, согласитесь, у нас одно дело знать о материале и совсем другое — выявить его изготовителя и поставщика. Как ваш банк учитывает специфику нарождающегося советского рынка?

— В информации о материале, предоставляемой потребителю, обязательно имеется коммерческий раздел (номенклатурно-ценовые и адресно-справочные сведения). В нем говорится о разработчике этого материала и об изготовителе, включая адрес, телефон и прочие реквизиты. Конечно, мы не можем гарантировать потребителю, что именно этот материал ему продадут по указанному адресу. Но найти продавца — это главное, чтобы сделать покупку. Тем более, что мы снабжаем своего потребителя и другими коммерческими данными. Например, узнать цены, выяснить, с каким заводом-производителем ему легче и выгоднее вести переговоры.

— Есть ли у вас конкуренты в сборе подобной информации?

— Я бы не называл организации, работающие в этом направлении, нашими конкурентами. Скорее, это наши смежники, которым необходимо объединиться с нами в своей работе. Дело в том, что сбор информации по материалам был раньше исключительно проблемно ориентированным. К примеру, в ОНПО

«Пластиполимер» (Санкт-Петербург) собрана неплохая база данных по полимерам. В ЦНИИМ (г.Екатеринбург) довольно полный банк по специальным материалам.

Но каждое такое предприятие работало по собственной методике. И состыковать их данные практически было нельзя. Это осложнило работу обычных рядовых пользователей. Для начала он должен был найти банк, в котором имелись интересующие его сведения. А потом, собирая самостоятельно по крохам необходимые сведения, всякий раз платить предприятиям за информационную услугу.

Мы же взяли на себя смелость объединить подобные базы данных, предложив им единый методический ключ. Со многими предприятиями заключены договоры, и теперь они нам поставляют свою информацию. Кстати, основная статья наших затрат — закупка информации.

— Эти предприятия основные ваши поставщики?

— Конечно же нет! Свой банк данных мы формируем на базе информации, которая сосредоточена в органах стандартизации в виде нормативно-технических документов. Это стержень, на который мы «нашиваем» дополнительную информацию о материале.

Сегодня мы контактируем примерно с двадцатью смежниками, продающими нам нетрадиционную информацию. Поясню на примере. Возьмем обыкновенный линолеум. Он выпускается по стандартным требованиям. Но среди этих требований может не быть сведений по горючести и токсичности, а для потребителя эти сведения могут быть исключительно важны. Был такой случай в Ростовском детсаде. Детей поразила эпидемия аллергических заболеваний. Стали изучать — оказалось, что пол был покрыт слишком «летучим» линолеумом.

Так вот, мы стараемся давать потребителю помимо прочего и информацию, которая бы характеризовала опасность применения полученного материала. Раньше подобных сведений практически нигде нельзя было получить. Дело в том, что, когда создается материал, его разработчику задаются те свойства, которые в основном удовлетворяют конструктивные требования. Но в процессе производства и эксплуатации материала в составе изделия могут проявиться и иные свойства, включая опасность применения для человека и окружающей среды. Введение в СССР обязательной сертификации продукции на безопасность придает особое значение такого рода информации.

— А чем вы можете помочь потребителю, когда у вас нет нужной ему информации?

— Наша система потому и называется поисковой. Если нет нужных сведений в сводном массиве информации нашего банка — мы их

ищем. Недавно мы ввели абонентную форму обслуживания фактографической информацией. Заключается договор на определенный период. И в течение этого времени пользователь может многократно к нам обращаться за различными сведениями, заказывать интересующие его данные.

— Наше общество еще не вступило в компьютерную эру. И потому советским потребителям было бы доступнее получать информацию в напечатанном виде. Вы делаете очень важное и нужное дело. Но о нем мало кто знает. Я имею в виду специалистов. Японцы говорят: кто владеет информацией, тот владеет всем. А как поставлена у вас информация о вашем банке данных? Где можно подробнее узнать о предоставляемых вами информационных услугах?

— В четвертом квартале этого года вышли из печати выпуски журнала «РИСК» (Рынок. Информация. Снабжение. Конкуренция.) № 3(10)91 и декабрьский выпуск межотраслевого научно-технического сборника «Технология» (оборудование, материалы, процессы), подписчики которых могут ощутить преимущества нашей информационно-поисковой системы, обеспечивающей безбумажную технологию получения информации. С редакцией журнала «РИСК» имеется договоренность о постоянной публикации информации о Госматериалбанке.

— Это будет целая энциклопедия о материалах?

— К сожалению, чтобы дать в развернутом виде всю имеющуюся у нас информацию, понадобится много томов. Потому в этих изданиях приводятся определенные фрагменты информационных массивов. Они построены таким образом, чтобы быть интересными для специалистов разного профиля: то ли это технолог, то ли конструктор, то ли управленец, то ли снабженец, то ли брокер — каждый, ознакомившись с помещенными в этих изданиях публикациями, должен понять, что ГОСМАТЕРИАЛБАНК МОЖЕТ УДОВЛЕТВОРИТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАПРОСЫ ЛЮБОГО СПЕЦИАЛИСТА, ИМЕЮЩЕГО ОТНОШЕНИЕ К ВЫПУСКУ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРОДУКЦИИ ИЗ МАТЕРИАЛОВ.

— Если в нашей стране рынок действительно зарабатывает, то эти издания могут стать бестселлером для специалистов. Где и как их можно будет приобрести?

— Мы имеем небольшой резерв. Обращайтесь к нам, в научно-хозяйственную ассоциацию ИНФОРМАТЕРИАЛ, а лучше заключайте с нами договор на абонентное обслуживание и подписывайтесь на журнал «РИСК».

ИММАЖ
РЕКЛАМА

Сергей КОРНИЕЦ,
председатель Правления Машбанка:

«Мы открыты для всех, кто заинтересован в длительном и взаимовыгодном сотрудничестве»

Машбанк — Инновационный банк кредитования развития производства и поставок продукции оборонной (машиностроительной) промышленности — зарегистрирован Госбанком СССР 12.12.89 под № 215, имеет лицензию на совершение операций в иностранных валютах на территории страны. Оплаченный уставной фонд банка составил 36,6 млн. рублей, активы — 241,2 млн. рублей, оборот с начала 1991г. — 1,3 млрд. рублей. Деятельность банка и баланс на 1 ноября 1991 года проверены и подтверждены независимой аудиторской организацией.

Адрес: 101850, Москва, Центр, ул. Богдана Хмельницкого (Маросейка), 12.

Телефон: 206-05-25

Телефакс: 206-95-87

Телетайп: 112608, Москва Знак Машбанк

Телекс: 411068 Тенех

— У рядовых граждан любое упоминание об оборонной промышленности — и в этом сыграли свою роль пресса, радио и телевидение — мгновенно ассоциируется с ненасытным военно-промышленным комплексом. Традиции у этого ведомства известные: сколько ни выделяй денег из бюджета — все равно мало. Машбанк, в полном названии которого при-

сутствует определение «оборонной (машиностроительной) промышленности», родился в конце 1989 года, когда началось сокращение бюджетных ассигнований на оборону, когда были сделаны первые шаги в конверсии. Объясните, пожалуйста, так что же такое Машбанк?

— Предлагаю в начале нашей беседы внести ясность в один вопрос, имеющий принципиально важное значение. Можно сколько угодно дебатировать по поводу того, много или мало средств выколачивает из бюджета военно-промышленный комплекс. Но не надо забывать: распоряжается ими министерство обороны. Предприятиям же оборонной промышленности доставалась только часть этих денег, покрывавшая затраты на производство военной техники и снаряжения. При этом давайте вспомним. На каждый рубль зарплаты работники «оборонки» выпускали товары народного потребления на 1,3 — 1,4 рубля и не сидели на шею у налогоплательщиков. Изменение политической и экономической ситуации повлекло за собой неизбежное сокращение расходов на военные цели. Встал вопрос о конверсии предприятий оборонной промышленности. Но где взять деньги на эти цели? Союзная программа по конверсии оказалась несовершенной. Образование суверенных государств вообще делает проблематичной ее реализацию. Так, наверное, впервые и родилась идея создания банка, под эгидой и с помощью которого можно было продолжать заниматься конверсионной программой в оборонной промышленности. Вторая, не менее важная, задача, решая которую в условиях рыночной экономики просто невозможно было не прийти к идее организации банка, — это переход к платно-возвратным отношениям. Деньги не должны служить лишь безмолвным и нередко бездумным средством бюджетного финансирования. Дали сотню-другую

миллионов, канули они неизвестно куда — и виноватых не найдешь. Нет, деньги должны «делать» деньги. А для этого необходимо научиться не только брать их, но и возвращать с процентами. Банк для этих целей — идеальный институт.

— Знаете, не очень верится, что подобные взгляды близки и понятны всем без исключения командно-генеральским структурам нашей оборонки. Не спорю, в том, что их приучили к бюджетным инъекциям, не их вина. Беда, наша общая беда. Чем же еще, кроме общих деклараций о необходимости осваивать новую схему «брать деньги — и возвращать», удалось привлечь пайщиков?

— Ну, во-первых, далеко не все представители тех структур, которые называют командно-генеральскими, — ретрограды. Высококласные специалисты и опытные управленцы, они не могли не видеть неизбежности наступления таких времен, когда потребуются выпускать не все что угодно (лишь бы деньги сверху спустили), а только то, что будет пользоваться спросом на рынке. Но вы правы. Процесс проходил болезненно. Из 300 предприятий, получивших предложения участвовать в создании Машбанка, откликнулись и подписали учредительный договор 69. Согласен, декларации о новых временах и новых финансовых реалиях не на всех могли произвести должное впечатление. А вот идея в привлечении через Машбанк свободных средств заинтересовала многих. Как известно, в коммерческих банках на единицу собственных капиталов можно привлечь 20 единиц со стороны. То есть мы интересны пайщикам тем, что можем собрать для них необходимые средства.

— Деньги накачивать на счета коммерческих банков у нас научились. Только, к сожалению, иногда на этом активность и прекращается. Реклама, участие в конкурсах,

★
МАШБАНК

фестивалях, громкий имидж, а дел реальных — увы... Какие программы поддержал Машбанк?

— На предприятиях оборонной промышленности оставались и остаются нереализованными сотни научных и технологических разработок, не уступающих западным аналогам. Но денег на их внедрение не хватает. Немало проблем и в сфере технического перевооружения, реконструкции предприятий. Зная об этом, мы начали с кредитования проектов, сулящих значительную отдачу. Машбанк принял участие в увеличении производства часов, велосипедов, электроплит, спортивных тренажеров и магнитофонов. Наши кредиты помогли увеличить выпуск стиральных и вязальных машин, портативных сварочных аппаратов, детских конструкторов и радиоуправляемых игрушек. Клиенты банка использовали ссуды на производство медицинской техники, редукторов и пильных цепей для бензопил, комплектующих узлов к автомобилям, локальных сетевых вычислительных комплексов и т.д.

— Машбанк и жесткие реалии рыночной экономики? В чем сегодня стратегия и тактика ваших банкиров?

— Мы продолжаем осваивать традиционные банковские операции: кредит, факторинг, лизинг. И все услуги, которые с ними связаны, — привлечение депозитных средств, новых пайщиков.

Исходя из развития общей банковской тенденции, намечаем выпуск ценных бумаг. Начнем совсем скоро с депозитных сертификатов. Продолжим инновационные операции. В этой области перспективными нам видятся три направления: финансовая поддержка изобретателей, рационализаторов и малых фирм, обладающих оригинальными разработками; совместное (со специализированными НИИ) финансирование интересных проектов; вложение средств, как, например, в биржу «Конверсия» или в торговые дома («Зенит» и «Уникум»). К слову сказать, именно ссудо-инновационный отдел нашего банка играет решающую роль при определении стратегических интересов. Тесный контакт специалистов, знающих технологию, и банкиров оказывается весьма эффективным. Первые квалифицированно оценивают проекты с инженерной точки зрения, подсказывают клиентам оптимальные технические решения, проверяют ход освоения кредитов. Вторые готовят финансово-экономическое заключение. Таким образом, мы стремимся и добиваемся максимально эффективного

использования денег в любом проекте.

— Серьезный деловой интерес к нашим коммерческим банковским структурам проявляют зарубежные банкиры. Не станет ли, мягко говоря, несколько специфический характер деятельности Машбанка — имеется в виду оборонная промышленность — причиной их осторожности, а с нашей стороны — сдержанности?

— Наоборот, именно «оборонная специфика» нашего банка привлекательна для зарубежных партнеров. Объясняется это просто. На Западе ни для кого не секрет, что самый высокий технологический уровень в нашей промышленности достигнут именно на предприятиях оборонки. Поэтому иностранные предприниматели и хотят вкладывать деньги туда, где они дадут наибольшую отдачу. При этом, подчеркну, их интересует в первую очередь банк. Ибо за рубежом само слово банк — это синоним гарантий. И,

ограничения по банковским операциям?

— В Машбанке их не существует. Мы производим также расчетно-кассовое обслуживание. И примечательно, что здесь основные наши клиенты — предприятия альтернативной экономики. Они берут у нас кредиты, мы пользуемся деньгами, находящимися на их счетах. Работники банка проводят кропотливую работу, стараясь, чтобы в нашу орбиту вовлекалось как можно больше партнеров, заинтересованных в длительном взаимовыгодном сотрудничестве.

— Публикация имидж-рекламы Машбанка в журнале «Столица» — это хорошая возможность обратиться к партнерам, клиентам, ко всем российским предпринимателям...

— Машбанк готов оперативно рассмотреть любые предложения и проекты, которые могли бы быть осуществлены на предприятиях оборонной промышленности. С же-

разумеется, прибыли. Дальновидные капиталисты открыто говорят: «Зачем вы берете кредиты, которые в конце концов придется возвращать? С процентами? Делайте ставку на инвестиции с участием в прибыли. Ведь инвестиции — это технологии, «ноу-хау», привлечение западных менеджеров!» Машбанк уже сегодня готов к такому сотрудничеству. Мы получили внутреннюю лицензию на внешнеэкономическую деятельность. Активно устанавливаем контакты с иностранными банками. Ездим за опытом: в Швейцарию, в США. Машбанк в этом смысле ничем не отличается от других коммерческих структур.

— Существуют ли какие-либо

лающими разместить деньги на депозите мы могли бы обсудить размер процентных ставок, в каждом конкретном случае — индивидуально.

1991 год был нелегким. Но партнеры нас не подводили, и мы отвечали им тем же. Благодаря этому Машбанк заработал не только хорошие дивиденды, но и укрепил авторитет. Хотел бы пригласить к сотрудничеству новых пайщиков, вкладчиков, партнеров и просто клиентов. Общими усилиями мы будем и дальше не только формировать новые рыночные отношения, но и помогать друг другу успешно их осваивать.

МАШБАНК — ЭТО ВАШ БАНК!

Летом этого года радиостанция «Свобода» передала в эфир эссе московской поэтессы Татьяны Щербины «КГБ и мое поколение». Оно вызвало бурную реакцию среди наших зарубежных соотечественников. Так, в газете «Русская мысль» (Париж) появился резкий ответ Т.Щербине, принадлежащий перу писателя Георгия Владимова.

Владимову, в свою очередь, ответил живущий в Берлине художник Вячеслав Сысоев — но его отклик газета не напечатала. Мы решили опубликовать всю эту дискуссию на своих страницах, полагая, что после реорганизации КГБ проблемы, поднятые в ней, не только не потеряли актуальность, но, напротив, приобрели остроту.

Татьяна ЩЕРБИНА

КГБ

И МОЕ ПОКОЛЕНИЕ*

...В 78-м году я познакомилась с сыном крупного габэшного чина. Он писал стихи, он порвал с семьей, ушел из дома, ему было негде жить, он ненавидел отца и стеснялся их общей фамилии, достаточно известной. Он ударился в православие, он коротко поколебался между религией и комсомолом: хотелось успеха — комсомол сулил его с большей вероятностью, как казалось тогда. Но мой знакомый, начавший сходить с ума от неопределенности жизни, сделал правильный выбор: он помирился с отцом, укрепился в православии, поступил в Академию общественных наук, заведение партийно-чекистское, и за невиданный в советских издательствах срок мгновенно выпустил первую книжку.

Сейчас он известный литератор общества «Память».

Но в самый момент перелома, на Пасху 79-го года, мы с ним вместе пошли в церковь. Он истово крестился и молился: «Спаси, Господи, КГБ, спаси, Господи, КГБ».

* Печатается с сокращениями.

— Что ты мелешь? — спросила я его, разобрав слова.

— Ты ничего не понимаешь, КГБ — это единственная сила, способная нас защитить.

— Защитить от кого? — Я продолжала спрашивать, хотя уже решила недальновидно, что он сошел с ума.

Могло ли мне прийти в голову в 79-м году, что КГБ действительно хочет защитить нас от компартии, тупой, разложившейся, стариковской, бездарной? А кем на самом деле могли, состарившись, стать те, кто беспокоился еще в двадцать третьем году: «С семьями коммунистов неблагополучно, буржуазное влияние все больше усиливается, классово-враждебная сеть вокруг многих наших товарищей затягивается все туже. Партия должна вмешаться» (журнал «Коммунист»)? Маразматика, самодуры, неграмотные, привыкшие к абсолютной власти и отсутствию сопротивления, не имеющие ни малейшего представления о реальной жизни. То ли дело КГБ! КГБ — тоже партия, но только это партийная гвардия. Их ли самих не держали в строгости: чуть что — к стенке; они ли не знали жизни: под-

слушивая, вынюхивая, проникая в каждый дом, в каждую душу, напичкав своими агентами весь мир.

Светлые головы сотрудничали с НКВД—МГБ. Рабоче-крестьянские недоросли шли в бюрократы, а тут — белогвардейцы, монархисты, церковь.

Мы слышали, мы догадывались о многом: о связи с ГБ патриархии, некоторых диссидентов, эмигрантов. Знали, что Сергей Эфрон был в НКВД. О наших еще живых современниках, известных деятелях культуры, мы тоже подумывали как о чекистах. Мы рассуждали так: одних за границу не выпускают, а другие ездят, одни не сходят с экранов телевизоров, а другим туда дорога закрыта, одни популярные писатели недостатки в деятельности партии обнаруживают и с президентами встречаются, а другие и не грубо вроде напишут — «если выпало в империи родиться», — а их судят, одни печатают себе за границей так называемую антисоветчину, с иностранцами водку пьют, живут припеваючи, а другой просто стишок тиснет в эмигрантском журнале — его со свету сжигают. Почему так, задавали мы себе вопрос? И ответ находили один: ГБ.

Правда, ничего нельзя было знать наверняка: ГБ давала понять, что правил у нее нет — рулетка.

Видимыми были только главные храмы ГБ: Большой дом на Литейном в Питере, комплекс на Лубянке в Москве, серо-черные, устрашающие одним своим видом каменные глыбы с непроницаемыми окнами. Проходя мимо, ты чувствовал кожей, что если сюда попадешь — пропал как умер, никого отсюда не дозовешься, не докричишься.

Про многие здания в Москве думали мы, что они тоже принадлежат ГБ: там, где не было табличек, где глухо занавешенные окна или где виднеется особнячок за высоким бетонным забором.

Видимыми, помимо храмов, были и по одному на республику габэстские начальники. Наш — московский и всяя Руси — СССР — был Андропов. И слышали мы такие сказки.

В партии есть «ястребы» и «голуби». «Ястребы» — это чисто партийные, как Сулов. Они хотят развязать мировую войну, они хотят всех истребить. А «голуби» — это хорошие, они и против войны в Афганистане выступали, они вообще за либерализацию. И это как раз Андропов, ГБ.

— Андропов Набокова любит, — говорят. Ну просто родная душа!

Кто начал перестройку? Кто хотел хорошего, кто был «голубем»? КГБ. Кто все завалил? Партия. А кто такие демократы? Бывшие партийные функционеры перекусившиеся и импотенты, которые на словах «да», а на деле «нет». А кто все знает, видит, слышит, понимает и может? Называйте это, как хотите, приглашайте великого князя Владимира Кирилловича на трон или любезного Александра Исаевича, как в романе Войновича, но реальная власть, пронизавшая сверху донизу все общество, — это КГБ.

Его нельзя отменить, он — или оно, как чаще говорят, — повсюду. Его нельзя разоблачить, оно недоступно, оно сообщает о себе только то, что желает сообщить. Оно — партийное, но оно любое, оно «над», и никто никогда его в лицо не узнает. По безмозглости и безграмотности не опознают коммунистического бонзу и не повесят на фонаре, «лэлики» и «мишки» для парада, а оно — грамотное, оно Набокова читало...

Спаси, Господи, КГБ! Сколько я его видела в своей жизни! Поскольку организация шпионская, тайная, ничто не доказуемо и не проверяемо, всем персонажам я даю вымышленные имена.

Кстати, в КГБ, как рассказал мне один его бывший сотрудник, все работают под псевдонимами. «Наконец, — радовался он, — я могу называться своим собственным именем, отчеством и фамилией».

Встретились мы с ним осенью 87-го года в театральном доме

отдыха, поскольку из театрального отдела КГБ он перешел в Управление культуры, раньше он отдыхал не здесь, а в соседнем санатории «Дзержинец», куда, впрочем, он меня активно зазывал, уговаривая, что «там хорошо и все свои ребята». Я не пошла, а жаль: так и не узнать, как выглядят чекисты в массе и без костюмов.

Мой театральный чекист и в плавках продолжал себя чувствовать театральным паханом: девки, я в том числе, должны были под него ложиться. Отказ его рассердил:

— Какого х... я тогда с тобой разговариваю?

Настоящий пахан, конечно, и не разговаривал бы. Среднее звено, мелких бесов, выдает их суетливое раздражение, что власть их не абсолютна, приходится еще и разговаривать.

Весь остальной срок отдыха он уже не делал попыток разговаривать с крепостными, а пил водку со своими ребятами-дзержинцами...

Я сделала открытие лет в шестнадцать, изнуренная домашним КГБ — мамой, отыскивавшей и читавшей мои дневники, заставлявшей думать и читать то, что она считала нужным. Она следила за мной и знала обо мне все. Школьные домашние сочинения подвергались цензуре. Однажды, когда надо было написать сочинение о Пушкине, я написала о том, как мы сидели с дедушкой на малиновой тахте, он доставал с полки коричневого Пушкина и мы читали вместе, многое наизусть. Он рассказывал мне о Кочубее и Марине Мнишек, о декабристах и их женах. О том я и написала, но мамину цензуру не прошла.

И я стала записывать под ее диктовку: «Великий Белинский сказал: Пушкин — солнце русской поэзии. Его свободолюбивые стихи...»

Я принесла в школу оба сочинения и сказала:

— Это мое, а это моей мамы.

Открытие мое заключалось в том, что я нашла альтернативу страху, альтернативу понятию «вынужден» — это готовность умереть. Эту готовность я настолько в себе культивировала, что потом выходило и боком. Я часто хотела и даже пробовала умереть, зайдя в тупик, все они, правда, до сих пор оказывались тоннелями. Мама пугала меня тюрьмой, я реагировала на это просто — стала спать без подушки, чтобы заранее привыкнуть.

В школе я решила, что никогда не пойду на советскую службу, и не пошла. Когда в КГБ мне грозно сказали: «Вы ничего не боитесь», — я ответила: «Не боюсь», — хотя и боюсь всего — темноты, неизвестности, болезни, советского государства. Но не настолько, чтобы я не осталась собой. Если это невозможно, я готова умереть.

Я — это то, что сказало наше поколение, я — в отличие от носителя государственного самосознания — находилась в диалоге с КГБ, пунктирном и насмешливом.

За мной стал ходить и ухаживать молодой человек, чуть меня старше. Я почти сразу подумала, что он гэбист, но мне было безразлично — пусть ходит. Я делилась с ним своими любовными приключениями; а он говорил мне о высоком, о том, что не должно пропасть мое знание французского языка и что он может помочь мне поехать во Францию — был на исходе 77-й год — и купить машину иномарки. Водить я никогда не умела, машинами не интересовалась, но мой тогдашний любовник, автолюбитель, мечтательно рассказывал мне о «вольво», «мерседесах» и прочем. «Вольво», похожее на «вульва», мне очень понравилось, и я повторяла это слово. Мой топтун, видимо, и решил, что на иномарку меня возьмешь.

Я отвечала ему, что если Париж стоит мессы, то не стоит любви. Он терялся, краснел, однажды выпил крепко, и полились излияния.

— Ты мне так нравишься, — сказал он мне, — я влюбился и потому тебе скажу: я к тебе приставлен.

Официально он был комсомольским работником.

— Если кто-нибудь узнает, что я тебе это сказал, мне конец.

И мы мирно расстались. Я пообещала ему никому — а кому? — не рассказывать. Он в моем окружении больше не появлялся. Интересовала ли его я, свеженькая выпускница МГУ, как носитель французского языка и разума, интересовали ли его или пославших его мои намерения в жизни, чтобы не упустить момента пресечь, — не знаю, может, просто для галочки.

По отношениям, вполне типичным, моей мамы ко мне я понимала, что они относятся к нам как к своим детям: хотят все знать, чем мы живем, любим ли их. А если нет, то сердятся, пытаются заставить обратить на себя внимание, хотят, чтобы мы были такими, как они. Они применяют к нам поочередно разные тактики: бьют, мучают, приманивают, выгоняют из дома — в эмиграцию, запирают в чулане — в тюрьме, делают вид, что больше любят других детей и меняют Буковского на Корвалана.

Не всякий муж так внимателен к своей жене, как КГБ к нам всем. Впрочем, им за это платят.

Поколение наших родителей, шестидесятники, ничего не говорили по телефону, при всяком малознакомом — вдруг ГБ? — начинали деланно хвалить погоду и партию, а потом — шепотом, с жаром:

— Вы читали эту книгу? Очень антисоветская, рекомендую.

ГБ над этой гордившейся собой интеллигенцией, наверное, смеялась, а те только им и жили:

— Как вы думаете, кто стукач у нас в группе?

Помню я вопросы, которые задавали и мы себе в университете. Помню и ответы:

— Конечно, Марина, у нее родители — гбэшники.

— А вот как раз и не Марина, это было бы слишком очевидно.

Дальше все перебирались по одному. Наибольшее подозрение падало на тихих, аккуратных, неразговорчивых, ходит как тень, незаметно, подслушивает. Но и веселые и общительные были не менее подозрительны: общаются же, провоцируют. Кто хорошо учится, тем незачем — была и такая точка зрения. И обратная — для этого нужно быть умным.

И все же для нас это была игра. Мы не замолкали ни при виде тихих, ни при виде общительных. Мне было решительно все равно, кто на меня донесет, все, что я имела сказать.

Бывший заключенный диссидент Мороз в своей брошюре о КГБ сравнивает его с драконом: «Орган, которому поручено обескровить жизнь во всех ее проявлениях, растет и гипертрофически разбухает от высосанной им крови. Наконец он теряет даже видимость связи с организмом, разрастается до размеров дракона и регулярно требует жертв. Как правило, он пожирает даже выкормившего его деспота.

Однако каждая история с драконом кончается одинаково: приходит Никита Кожемяка и ему конец».

Конечно, образ этот из брошюры 67-го года больше всего напоминает нам американские фильмы восьмидесятых годов, которыми полны теперь советские видеотеки: «Чужой», «Нечто», «Левиафан». Но то — фантазия, прихотливая и переменчивая. Мы же, не будучи в состоянии создать ничего подобного из киноленты, принесли себя в жертву, как Пастер, пробовавший на себе вакцину. В жертву кому?

Без зрителей нет театра. Питер, весна 86-го. Мы встречаемся на Гороховой-Дзержинского с Костей Азадовским и идем пешком к Толе Белкину. По дороге Костя говорит:

— За нами идет гбист.

Я оборачиваюсь: в коричневой шляпе, в коричневом плаще, в коричневом костюме.

— Почему вы думаете, что это гбист, Костя?

— Потому что пока я вас ждал, он меня караулил. Хотите провернуть? Пройдемте мимо Толиного дома и завернем за угол.

Так и сделали. Вернулись обратно — в Толином подъезде

гбист стоял по стойке смирно и смотрел на нас через стекло. Мы ушли еще дальше, гбист последовал за нами, и тогда мы, в третий раз повернув к Толе, вошли в подъезд.

Толя Белкин — художник, делавший свои красивые работы под неуспынным оком. А ведь как вдохновляет зритель! Костя Азадовский — литературовед, отсидевший за это два года в тюрьме: Разве ж он просто литературовед теперь?

Потом мою знакомую вызвали в ГБ, предъявили мои самиздатские книжки, спросили, что она знает о моих отношениях с Азадовским, не передает ли он мои стихи на Запад.

КГБ — мой постоянный читатель, замерший от восторга зритель. Мы не просто идем с Костей, мы шествуем — две фигуры, выхваченные прожекторами в толпе. Одно дело — публика, знающая нас в публичных наших качествах, другое дело — когда каждая твоя слабость, глупость, низость запечатлевается навеки: «Хранить вечно». Как тут не стремиться к совершенству! Как тут изменить предписанному себе нравственному закону!

От гбэшных шпионов передалось кое-что и нам. Мы, те, кто, не очень боялись их (и вампиризм, и страх с историческим временем притупились), сами стали шпионами. Не только они видели нас насквозь, но и мы их. Я различала их за версту и даже играла с ними злые шутки. Наблюдательность, пронизательность, мгновенность реакции, способность анализировать, способность видеть себя со стороны, самоирония и вообще ирония — смертельное орудие против драконов — все это выработало в нас ГБ.

Был в Союзе писателей один функционер, назовем его Саша. Приятный был человек лет тридцати пяти, а год шел семьдесят восьмой—семьдесят девятый. Все говорили, что гбэшник, потому что до Союза писателей он был дипломатом. Раз уж сел в союзписовское кресло Саша, начал он и писать: чего ж не писать, коль получил возможность издавать и соответственно получать деньги.

Писал он о детях-подростках повести и рассказы. Со мной он стал ненавязчиво дружить, тогда я еще только-только начала писать стихи и печатать статьи. О страшной тайне, пока он готовился, об альманахе «Метрополь», я узнала именно от Саши. Он же познакомил меня с Витей Ерофеевым.

Тех, кого считали гбэшниками, не сторонились, а вели с ними порционную дружбу. Иметь своего гбиста считалось необходимым так же, как своего врача.

Саша сказал мне как-то, надписывая книжку:

— Ты не думай, я еще напишу свою «Лолиту». А Барашкина, — добавил он, — скоро посадят.

— Почему ты так думаешь? — спросила я, понимая, от кого слышу.

Он ответил скупо:

— Да так.

Это была моя последняя встреча с ним. Из Союза писателей его перевели в Союзгосцирк, что не казалось сильно удивительным, поскольку тогда разгоралась история с Галиной Брежневой, Колеватовым, Цыганом. Все это разворачивалось именно в цирке, да это и было цирком. Андропов начал сковыривать Брежнева. Ясно, что место такого человека, как Саша, было там, где горячеей.

Вдруг узнаю: Саша в тюрьме, осужден он за растление малолетних мальчиков, что за это же его сослали с дипслужбы в Союз писателей. А он писал о детворе такие милые книжки.

А с Барашкиным Саша не наврал. Этот человек был не только не интересен мне как литератор, но и неприятен как провокатор. Нагло настаивающий тебя всюду против твоего желания, я считала его стукачом, и вдруг — посадили. Неужто такая ошибка? Я засомневалась в себе.

Под дело Барашкина была произведена серия обысков, в частности, с изъятием пленок всех наших чтений в салоне у

Кривомазова. Хотя насчет держателей салонов тоже никто не обольщался, но, пряча рукописи хрен знает куда от ГБ, в салоны их несли охотно.

Последовала и серия допросов в ГБ. Ребятам ясно сказали:

— Пошутили и хватит.

А Барашкина неожиданно из Лефортово выпустили, завершив операцию, — он опубликовал в газете покаянное письмо бесконечной благодарности ГБ за наставление на путь истинный, он признавал свое падение, что сочиняет гнусно и бездарно, обещал больше никогда не писать и сдержал слово, говорил, что это Аксенов его совратил на путь бумагомарания, и перечислял еще ряд лиц, нарочно для ослабления мочи советской родины подстрекавших его к писательству. Он признавал, что место его за решеткой, но великодушные КГБ столь велико, что он не только отпускает его на волю, а и трудоустраивает по настоящей его специальности — режиссером.

То был восемьдесят первый год, начало восемьдесят второго, когда «голуби» начали уже активно срать на голову. Не на мою.

За мною они скромно наблюдали ночами, которыми я не спала, с балкона. Днями, до того как сгинуть, Саша привел в мою квартиру и оставил человека, который не отходил от меня ни на шаг. Он молча сидел, спал, ходил за мной по улице. И мне это было не в кайф. Я позвонила Саше и наклеветала на подосланного без объяснений. Вернее, он вяло объяснял сам:

— Я люблю вас, не отойду от вас ни на шаг, — когда я пыталась от него избавиться.

Саше по телефону я сказала:

— Он приставал ко мне, пытался изнасиловать.

— Этого не может быть, — отпарировал Саша.

— Тем не менее, — настаивала я на своей лжи.

И Сашин протез бесследно исчез. Потом исчез Саша, потом и Барашкин.

Еще раз мне довелось заложить теперь уже настоящим, при удостоверениях, гэбистам их коллегу, ошивавшегося по посольствам и потерявшего скромность, как и вся организация, к 85—86-му году. Они делали перестройку, чувствовали себя на коне от восторженных воплей интеллигенции и малость обнаглели.

Впервые хмырь по иностранным делам встретился мне в Мальтийском посольстве осенью 85-го года. Мальтийское посольство было тогда культурным центром Москвы. Дружепли, мальтийский посол, прекрасно говоривший по-русски, устраивал в посольстве выставки, поэтические вечера и концерты. У меня, как и у других, был туда постоянный пропуск. Это было первое посольство, в которое я решилась пойти, теперь, думала я наивно, другое время, ГБ не привяжется.

Настал мой вечер. После дружья поехали ко мне домой, и как бы с кем-то, как чей-то друг (выяснилось, что ничей) увязался незнакомец хлестаковского вида. Он представился сотрудником иностранного отдела московской Патриархии. Звали его странно — предположим, Питон.

Гости постепенно разошлись. Питон не уходил. Оставшись, наконец, без посторонних, он заговорил. Он уговаривал меня уехать, снова мне предлагали Францию, спустя 8 лет. Питон говорил, что здесь мне нечего делать, не на что рассчитывать. Он предлагал помочь, он говорил, что у него есть знакомый ясновидящий, который может узнать про всех все. Да-да, в этом мы не сомневаемся. А у ясновидящих, которых вдруг развелось так много, может, не у всех дар случайный, у кого-то и профессиональная подготовка, и доступ к банку данных.

Но я откликнулась на предложение Питона связать меня с ясновидящим.

— У меня тут в доме пропало кольцо с бриллиантами, — сказала я.

И не просто сказала, а изложила с намеком, что вот при зак-

рытых дверях: придешь домой — бумажки не так лежат, а тут и вовсе кольцо исчезло со стола.

На мою иезуитскую речь — школа КГБ — Питон отреагировал, как я и ожидала. Он вышел из себя, забился, его прорвало:

— Вы что, подозреваете «контору»? Да там работают кристальные люди. Украсть кольцо?! Да никогда в жизни!

Негодование его было справедливым — кольцо и по сей день у меня на пальце. О ясновидящем он больше не упоминал. Вообще он рассердился и растерялся, стал приглашать меня в салон к мадам X, где я уже — спасибо — была, об этом следующая история. А Питон, неудачно осуществив свою миссию, решил ее хотя бы красиво завершить. Он сказал мне о каких-то несметных сокровищах ЦК КПСС, назвав пару имен и пару цифр, тут же вылетевших у меня из головы. Это было уже в дверях. Он посмотрел на меня победоносно и сказал:

— А знаете, что бывает с теми, кто услышал то, что вы сейчас услышали? Обычно они попадают под какой-нибудь самосвал. Всего наилучшего.

Он ушел. Под машину я попала только спустя пять лет, и причина тому, очевидно, была другая.

Не знаю, всегда ли Питон торчал в посольствах или только когда там появлялась я. Я как-то показала его моему другу, американскому культур-атташе, с которым мы были просто на концерте в консерватории. Но, увидев мой указующий перст, Питон тут же растворился в толпе.

Офицеры КГБ спрашивали меня, как я опознаю их сотрудников, что в них такого: стрижка, галстук, что? Ну как это объяснишь — как шпион шпиону?

В салон мадам X меня, молоденькую дурочку, привел известный диссидентский поэт. Как всегда, понравилось мое знание французского языка и, как говорили мне тогда, двести процентов обаяния. А там же — иностранные журналисты и дипломаты, диссидентствующие художники и писатели, манекенщицы, коньяки и черная икра — хорошая очень жизнь.

Я быстро ушла. Дома меня ждали домашние неприятности. Свою квартиру я в то время сдавала скромной девушке за сто рублей, а сама жила с предками. Напряженные отношения дома как раз достигли апогея, и мне надо было в двадцать четыре часа покинуть кров.

Я позвонила скромной девушке, поддерживавшей мое материальное существование, но она меня отвергла, сказав, что квартирсдатчик должен предупредить о своих намерениях за месяц. Месяц надо было перекантоваться.

Только я собралась обзвонить друзей, как раздался звонок — мадам X приглашала меня к себе, у нее вечером француз, и я бы ее очень выручила, если б немножко попереводила.

— Увы, — сказала я, — я ищу кров, и мне не до французов.

И тут эта едва знакомая мадам X стала звать меня к себе, что как раз уезжает на месяц и было бы очень удачно, если бы я у нее пожила и тем самым посторожила квартиру. Авантюризм и открытость, свойственные слабоумной молодости, сказали от моего имени: «Да».

Хоромы, в которых я оказалась, с трудом можно назвать квартирой: двухэтажная, бесконечнокомнатная, с огромной залой, как для старинных балов, а здесь для приемов. И все это временно оказалось моим. Правда, ни хозяйка не знала, какую змею пригрела на шее, ни я не знала, у кого я вообще-то обитаю.

Хозяйка представлялась диссиденткой, некогда изгнанной за это с работы, одинокая женщина. Вот они какие, диссиденты! А других я и не видела, я видела богатых и благополучных.

На радостях я стала названивать друзьям и звать в гости. Один, потом другой, люди постарше меня, реагировали странно:

— Как ты туда попала? Ты понимаешь, где ты находишься? Ты что, с ума сошла?

Мне объяснили, что я нахожусь в КГБ. Я задумалась, но на веру не приняла.

Жил в той же квартире, но в отдельной, на ключ запиравшейся комнатке племянник мадам Х. Она предупредила, что он дурак и не надо обращать на него внимания. Я его не часто видела, и он ни разу со мной не заговорил.

Однажды к нему приехал отец из другого города. Он тоже со мной не заговаривал, но я проявила инициативу, мы стали общаться. Я жила теперь одним: в КГБ я или не в КГБ? И решила задать свой вопрос родному брату мадам Х.

Он, как и его сын, оказывается, до сих пор думал, что я сама из КГБ, раз тут живу, но как-то поняв, что я обыкновенный лопух, брат рассказал мне, как обстоит дело.

Действительно, была диссиденткой, и не только с работы выгнали, а увезли в страшный дом на Лубянке. Выбор был однозначный: или — или. Потом я догадалась, что многие мои знакомые старшего возраста с этим выбором столкнулись. Что с кем стало — все знают, и выводы могут делать сами.

Только, наверное, не надо их, этих выводов. Я недавно прочла статью о старике, который работал в 37—38-м годах в НКВД исполнителем, расстреливал по пятьдесят и более человек в день — «рука к утру не могла уже маузер поднимать». Он верил, что они — враги народа. Их детей, тех, кто оставался полными сиротами, он находил и усыновлял. Семья его узнала обо всем этом только сейчас.

Времена хрущевско-брежневские вегетарианскими называли, но все же — кого судить, в кого бросать камни, на кого обрушивать праведный гнев? Отвечать по нравственному закону пришлось бы подавляющему большинству, других законов не было и нет.

Одна из моих бабушек, закончив гимназию с золотой медалью, твердя изо дня в день закон Божий, косу не умеючи самостоятельно заплетать, в пятнадцать лет рванула делать революцию — маузер в руки и к стенке гадов этих, белых.

Переходному возрасту свойственны агрессивность и протест, а когда в твою руку вкладывают оружие — ради «неба в алмазах» стреляй, в «белом венчике из роз впереди Иисус Христос». Почва была подготовлена.

Когда-то моя мать бросала мне упреки: «Твоя бабушка жизнь отдала, чтобы этот закон Божий отменить, а ты?» — а я — да. Но не с новой волной соборно-массового православного энтузиазма, я лишь признаю над собой христианский закон: не делай другому того, что бы ты не хотел, чтобы делали с тобой. Закон этот оформлен в современном международном праве. А читать перед едой молитвы или порножурналы — это дело каждого, доколе оно никого не ущемляет.

Итак, мадам Х сделала свой выбор. Презирать или осуждать кого-либо за то, что он выбрал не смерть и не лагерь, я не считаю себя вправе. Выбор, предлагавшийся мне, был значительно мягче: выбор между большим успехом и мелкими неприятностями.

Не буду описывать, как заперли меня в салоне мадам Х — во дворце, чего требовали от меня, как вывел меня оттуда не близко знакомый, но добрый человек — журналист с положением. Мы шли по весенней Москве, у меня дрожали коленки, он успокаивал. А через несколько дней он оказался в психиатрической больнице. Я навещала его, но обколотый, он тупо смотрел на меня потухшими глазами и говорил, что его посадили сюда правильно, что он душевнобольной и ему не место в обществе.

— Как же так? Как же вы сидели столько лет в кресле заведомо центральной газеты и были нормальны? Что вы говорите? Я знаю — это из-за меня. Я плакала.

Я по сей день благодарна ему. Хотя, думаю, может, это как раз я сумасшедшая или я была в особой зоне кошмарного сна — не могло же это все происходить наяву в тогда еще тихой и спокойной, хоть и обгаренной красными лозунгами, забрызганной красными звездами Москве!

Я побежала к поэту, приведшему меня в салон мадам Х. Там сидел и диссидентствующий художник. Я прерывающимся голосом говорила:

— Знаете ли вы, что такое салон мадам Х?! Знаете ли вы ее секретаршу?! Знаете ли вы?! Вы же ходили туда.

— Неужели?! — воскликнули оба. — Это немедленно надо предать гласности. Ах, она сука, ах, она гадина, обманывает честных людей.

Я не могла предположить, что взрыв гнева был притворным, что знали они поболее меня, а назавтра доложили мадам Х о нашем разговоре.

Через третьих лиц она передавала мне угрозы, а также обвинения, что она приютила меня в доме, а я вместо благодарности вскрывала ее шкафы и прочла ее дневники. Она не знала, что приезжал ее брат, она не знала, что вскрывать что бы то ни было я не стану ни при какой погоде, она не знала, что у меня есть боковое зрение и вмонтированный в голову компьютер.

Когда я пришла домой в шоке и без сил, меня встретила скромная девушка, которой я сдавала квартиру, и ее подруга, как оказалось, тоже жившая у меня. Сели чайку попить, и вдруг подруга как зашипит на мою квартирантку:

— Разве так надо хозяйку встречать? Давай черную икру на стол.

Они были приторно ласковы ко мне, они извинялись, что не сумели пока найти другого жилья. Не находя в первый момент объяснения тому, почему квартира уставлена ящиками американских сигарет, икры и коньяка — кошмарный сон же, почему бы нет? — я вскоре узнала, с кем имею дело. Девушки были валютными проститутками: черная, пышная, цыганско-еврейского вида Цета и вытянутая русая Наташа.

Я возмутилась, я кричала:

— Как вы посмели?! Вот уже придет милиция.

Цета и Наташа надо мной посмеялись: наоборот, мол, пока они здесь, ни милиция, ни ГБ меня пальцем не тронет.

— Вон! — продолжала кричать я.

То был канун Пасхи, светлого Воскресенья. И, встретившись с упоминавшимся мной вначале молодым поэтом, гэбистским сыном, ударившимся в религию, пошла в церковь. Там я и услышала: «Спаси, Господи, КГБ».

Там же я встретила и своего будущего мужа, влюбившись с первого взгляда, и кошмар рассеялся сам собой. К сожалению, он всегда рассеивается только временно. Но дальше мне уже не было так страшно, я научилась распознавать и обходить гнилые места и меченых красным товарищей.

Если и не распознаю — ничего, они сами, как черт от ладана, стали отскакивать от меня, будто я вооружена и очень опасна.

Последняя их попытка — снять кошмару у моей соседки и установить аппаратуру — сорвалась. Они тогда, в 88-м году, еще не совсем усвоили, что поколение другое, что соседка, очень их боясь, все же посоветуется со мной и послушает моего совета не связываться. Так бы — пусть, секретов нет, публичности одиночества я не замечаю, а соседку было бы жаль.

В новых поколениях интерес перестал быть взаимным. Костя Азадовский заметил, что за нами шел гэбист, а я бы не заметила: по фигу бантик. Контора Глубокого Бурения, превратив своим буром страну в болото, населив ее кротами, добила немного для себя. Островков осталось мало, стихия готова поглотить и их собственную крепость.

Если им и удастся ими же взбаламученную стихию победить, то над кем победа? Она лишь пополнит коллекцию античных обломков вместе с краденными сокровищами царя Приама: кремлевским ныне золотом Трои.

Трою раскопали. Будущие археологи раскопают и Российскую империю с грифом «Хранить вечно».

Недавно по радио «Свобода» в трех пространственных передачах программы «Поверх барьеров» московская поэтесса Татьяна Щербина поведала нам о своих былых отношениях с КГБ. Ее очерк или эссе и называется «КГБ и мое поколение» — этим подчеркивается массовость вовлечения очередной генерации в тайную службу, в то засасывающее болото, откуда не каждый выбирается несломленным или незамаранным.

Не утомлю читателя примерами дурновкусия, восторга от собственной добродетели (за 1000 рублей не отдалась!), засорения эфира матерщиной, в женских устах крайне неприятной и подозрительной, — речь моя не об этом. Слушатель искушенный — скажем, участники демократического движения, к которым и я имел честь принадлежать, — едва ли поймет, какой интерес был у гэбистов к этой экстравагантной, но в целом скромной особе. Ни «Хроника текущих событий», ни книги правозащитников, насколько мне известно, диссидентское или полудиссидентское имя «Татьяна Щербина» в историю не подхватили. Да, собственно, за воительницу она себя и не выдает, скорее за случайную жертву всеобщей «охоты на ведьм». Но тогда еще более странны те сведения, что она сообщает о себе, о своих друзьях и знакомых, ну и о них, о сотрудниках госбезопасности.

«Они» будто бы говорили ей: «А вы ничего не боитесь!» — и следует подтверждающая декларация о щербинином бесстрашии. Мне, право, завидно: такого комплимента ни я, ни мои друзья не удостоились от наших преследователей — наверно, знали они, как нам на самом деле страшно; да ведь и сегодня противостоять им — не в шашки играть... И простите мою дотошность, но хотелось бы знать обстоятельства места и времени, общение советского человека с КГБ всегда как-то регламентировано и как-то же называется, то ли это допрос у следователя, то ли обыск — у тебя или у соратника твоего, то ли доверительная беседа на явочной квартире или в гостиничном номере (так красочно описанная у Войновича). Хотелось бы и подлежащее уточнить: «они мне говорили» — такой оборот в среде правозащитников не проходит; «они» имя и фамилию имеют, звание, должность — и обязанность представиться себе-

Фотография 1971 г.

Георгий Владимов

КАКОЙ ЗЕФИР СТРУИТ ЭФИР

*Стоит ли участвовать в игре,
навязанной нам КГБ?*

седнику. Так вот, где, когда, кто говорил Татьяне Щербине, что она ничего не боится? И — по какому поводу? Может быть, она листовки расклеивала против диктатуры КПСС? Или демонстрировала за свободу Сахарова? Судить по рассказу, всего только прошлась по улице под руку с Константином Азодским...

Далее, «они» ее спрашивали, поче-

му проваливаются их сексоты, по каким признакам их различают. Этот вопрос, сказал бы я, знак доверия высочайшей пробы. Не знаю диссидента, кому бы его задавали. Знаю, что всякий разговор о тайной агентуре, о стукачах гэбисты пресекают: у них нет «осведомителей», у них — штатные «помощники», так нам разъяснил недавно шеф Крючков. С чего вдруг такая откровенность с

поэтессой из «андерграунда», можно сказать — с богемой? Ну, подумайте, можно ли задать такой вопрос, не назвав конкретно, кто именно она провалилась, — и, значит, провалить окончательно бедного NN, насчет которого были пока что одни подозрения? И какого же ответа ждали от Щербины, каким опытом она могла поделиться? Она сама кого-нибудь выявила, разоблачила? Или она кажется всевидящей, проницательной? О нет, она себя такой не рисует, она наивная, она «дурочка с мороза», она сама настрадалась от своего легковерия.

Вот так, с мороза, она попала в салон «мадам Икс», который оказался то ли явочной квартирой, то ли прослушиваемым и просматриваемым притоном, куда и слетаются, как мухи на липучку, легковерные, приманенные хлебосольным гостеприимством к интересной во многих отношениях хозяйке. Такие салоны есть и в Москве, и в Питере, и расказу о них ничуть бы не повредило, а лишь способствовало бы украшению, если Татьяна Щербина нам назвала эту «мадам Икс», сообщила бы «где эта улица, где этот дом» и что же там в действительности происходило, помимо того, что пили виски, закусывали икрой и друг друга подозревали.

Признаться, плохо понимаю, какая и кому польза от того, что мы бросаем в эфир псевдонимы — и иногда давно раскрытые. Ведь, скажем, легко узнаваем этот Барашкин, литератор, который на следствии «потек», а выйдя из тюрьмы, печатно клеймил Василия Аксенова (также и Юза Алешковского) и прочих, кто его склонил «на путь предательства», т.е. публикаций за границей. С фамилией, производной от мелкого рогатого скота, был такой — Евгений Козловский, автор повести «Красная площадь», опубликованной в «Континенте», и каляся он в «Московской правде», и его уже назвал в недавнем интервью Аксенов, и я называю — в февральском номере «Юности», в беседе с Анной Пугач. К чему теперь конспирировать с «мадам Икс», Барашкиным или иным каким персонажем, которого автор называет загадочно «ну, предположим, Питон»?

Особенно поразило меня, что Татьяна Щербине было известно заранее то, чего ни Аксенов не знал, ни я, ни другие жертвы этого Козловского, которым он приносил свои рукописи и у кого под этим предлогом

проводились потом обыски. Окажется, некий Саша, агент из Союза писателей, ей сообщил, что Барашкина скоро посадят, — и никого она не предупредила, хотя бы, к примеру, Виктора Ерофеева, с которым была знакома и кто мог бы дальше оповестить «метропольцев», меня, Владимира Кормера, да, наконец, и самого Барашкина-Козловского! Я не знаю, был ли он засланным провокатором, как Щербина подозревала, или же он просто слабый человек, сломавшийся на следствии, убоявшийся лагерного срока, но, может быть, предупреди его кто о готовящемся аресте, он бы как-то иначе себя повел, отшатнулся бы от среды людей, где ему было не место, где он по своей слабохарактерности мог бы только навредить. Да и не одними же прагматическими соображениями должны мы руководствоваться, когда какой-нибудь «Клеточников» нас о чем-то предупреждает. Представим себе, кто-то шепнул нам, что точится топор на о.Александра Меня, и мы умолчали об этом — ведь это считалось бы соучастием в убийстве. Могу и я считать Татьяну Щербину соучастницей моего изгона в эмиграцию — ведь при том обыске, из-за Козловского, и добыли у меня гзбисты доказательства моей «антисоветской деятельности», после чего могли и выбор мне предложить — Запад или Восток, — и представить к лишению гражданства.

Наверное, имело бы смысл предложить Татьяне Щербине ответить в тех же «Барьерах» на вопросы, которые я здесь изложил, но это, разумеется, не в моей компетенции, мое дело — высказать суждение. Еще ни одна передача радио «Свобода» так не возмущала меня, не казалась столь кощунственной — по отношению ко многим людям, в их числе — жестоко пострадавшим, а то и погибшим. В беседе с Кириллом Хенкиным по случаю его 75-летия высказалась Татьяна Щербина в том смысле, что все мы, утаивая истину, не называя имен — из опасения судебного преследования или по излишней щепетильности, — «участвуем в этой машине», в игре, навязанной нам КГБ. Думаю, что она права, что и станция «Свобода» в этой игре участвует, предоставляя микрофон гостю из Москвы для ее завлекательного щибета — если то, что она говорит, действительно только щибет.

Вот только что полученном мною номере «Русской мысли» за 28 июня помещена статья писателя Георгия Владимова «Какой зэфир струит эфир». Речь в ней идет о цикле передач Татьяны Щербины «КГБ и мое поколение», которые звучали по «Свободе» в программе «Поверх барьеров».

Основная мысль статьи состоит в том, что все мы участвуем в игре, навязанной нам КГБ. Упрекая Татьяну Щербину в дурновкусии и матерщине, автор недоумевает, могла ли она, не будучи диссиденткой, представлять интерес для КГБ, и хочет знать, когда, где и с кем конкретно из сотрудников комитета она беседовала. Далее писатель сетует на то, что, говоря о предполагаемом стукаче, содержательнице салона мадам Икс, Щербина не раскрывает ее фамилию, не сообщает подлинную фамилию литератора Барашкина (т.е. литератора Евгения Козловского), отступничество, «покаяние» и показания которого на следствии сыграли или, предположительно, могли сыграть роль в изгнании Владимова в эмиграцию. Возмущаясь этим циклом передач, Георгий Владимов предлагает Щербине ответить на эти обвинения.

Еще ни одна передача радио «Свобода» так не возмущала меня, не казалась столь кощунственной — по отношению ко многим людям, в их числе жестоко пострадавшим, а то и погибшим, — пишет автор.

И в заключение автор объясняет, в чем, по его мнению, состоит наше общее участие в игре КГБ: в утаивании истины и в сокрытии имен стукачей и провокаторов.

Не знаю, ответит ли Щербина на эти обвинения, когда она прочтет статью Владимова. Пока это решил сделать я, поскольку я знаю минимум двух лиц, упомянутых в статье.

Я не могу ответить за Татьяну Щербину на вопрос — когда, где и с кем конкретно из кагэбэшников она беседовала, я при этом не присутствовал. Если будет ее желание — пусть сама расскажет. И я, конечно, решительно осуждаю мат, который разносился из Мюнхена на коротких волнах, покрывая собой все гигантское пространство нашей бедной Родины. Тем более, что это просто не идет милой и обаятельной Щербине.

Лично меня с Татьяной ничего не связывает. Несколько раз был у нее. Она читала стихи на моем вер-

Вячеслав СЫСОЕВ

МЫ С НИМИ ДЕНЬГИ В ОДНОЙ КАССЕ НЕ ПОЛУЧАЛИ

нисаже. Скорее всего, она не нуждается в адвокате. Меня озадачил тон статьи и гневные нападки на Щербину. Показалось даже, что я тоже участвую в игре КГБ. Ведь на своих рисунках тоже никогда не писал — «это коммунист» или — «это кагэбэшник», да и в своей книге, которую читали по Би-би-си, я тоже зашифровал героев — дал им клички, а ведь за каждым из них стоит реальный типаж. Может быть, по этим причинам я и решил ответить.

Уважаемый Георгий Владимов пишет, что непонятно, какой интерес мог быть у КГБ к Щербине — экстравагантной и полуподпольной особе, не примыкающей к диссидентскому движению 80-х годов.

Конечно, нам не дано этого знать. Но кто ответит на вопрос — зачем надо было устраивать у художника Сысоева сразу два обыска, в разных квартирах, оба по восемь часов, в которых принимали участие минимум 10 человек? Я же тоже не занимался диссидентской деятельностью. И зачем надо было после ареста устраивать еще два обыска дома и семь обысков у знакомых?

КГБ не докладывает нам о своих делах, но разве мы не знаем, что огромная, небывало разветвленная сеть «информаторов» накрывает всю страну? В любом советском учреждении, на заводах, в конструкторских бюро — свои стукачи. Если, как писала пресса, в бывшей ГДР каждый третий был стукачом, то, выходит, в схожей пропорции — у нас их примерно 70 миллионов!

Даже если число «помощников» у «бойцов незримого фронта» уменьшить в 2, в 3, даже в 10 раз — совершенно очевидно, что число стукачей значительно превышает количество и диссидентов прошлых лет, и сегодняшних активных демократов, и антикоммунистов. На мой взгляд, «помощники» нужны КГБ в неограниченном количестве — надо знать и настроения масс, их отношение, скажем, к павловскому опыту, и настроения военных, шахтеров, груз-

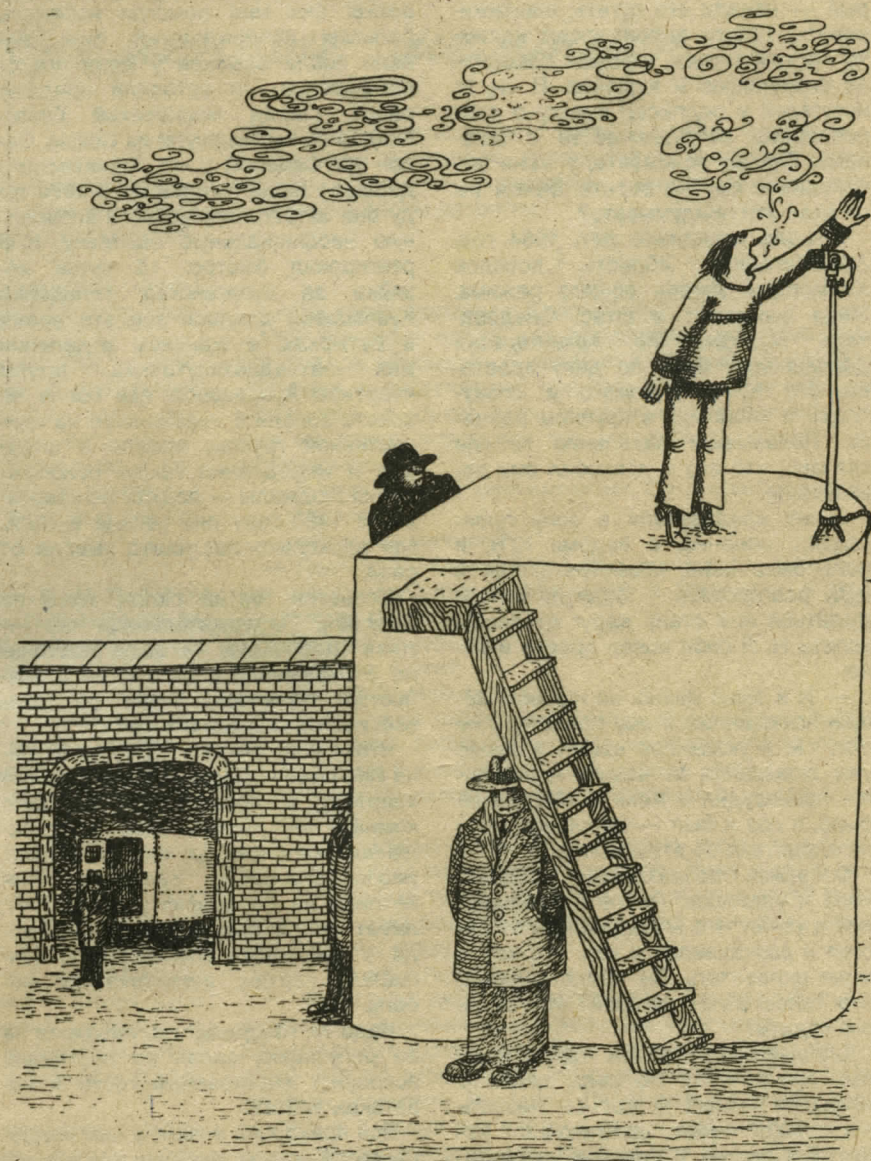

Рисунок 1978—79 гг.

чиков, да и самих стукачей. И кто из нас знает действительно хотя бы одного стукача?

Впрочем, мне один известен. Я не упоминаю его фамилию, и вы поймете почему.

Н не имел отношения ни к диссидентам, ни к людям искусства. Я поз-

накопился с ним много лет назад: он доставал кое-какие книги и проводил меня на закрытые просмотры западных фильмов. После 1975 года, когда я начал участвовать в «нонконформистских» выставках», мы с N почти не виделись. И вот однажды, в марте 1979 года, когда у

меня уже начались крупные неприятности (обыски, попытка «пришить» уголовное дело), вдруг пропавший N. Мы встретились с ним на Пионерских (т.е. Патриарших) прудах. В аккурат там, где Аннушка масло пролила. Озираясь, N рассказал мне, что его вызывали в некое учреждение без вывески, где два человека — в штатском — один молодой, злой и другой в годах, добрый — начали его пугать, шантажировать, трясти перед носом каким-то листом бумаги, угрожая посадить за спекуляцию и хищения. И он, N, испугался и подписал бумагу о добровольном сотрудничестве с органами. Как вы понимаете, у меня нет оснований ему не верить. Зачем бы он стал это придумывать?

Прошло несколько лет. 1984 год. Архангельская область, поселок Холмогоры. Лагерь общего режима. Меня вызывают в штаб. Следователь Мурадян из Архангельска допрашивает меня по делу арестованного N, обвиняемого в спекуляции и хищениях в крупном размере. Показывает заявление N, где сказано, что это я приносил ему похищенное.

Визит следователя в зону происходил, конечно, с ведома КГБ, и цель была ясна: посмотреть, как я буду реагировать — буду ли оправдываться или стану вдруг от злости топить N. Я себя повел просто и ясно:

— N я знаю давно, но никаких вещей похищенных я ему приносить не мог, т.к. в указанное время я давно уже скрывался от нашего «гуманного» правосудия и меня в Москве не было, а где я был — не скажу, т.к. и на следствии об этом молчал.

С этими показаниями следователь и удалился. После освобождения я узнал, что N получил 8 лет лагеря и раскаивался в том, что хотел меня оклеветать. Вы представляете, что такое 8 лет лагерей? И мне ли его судить?

Спрашивается, зачем такой кадр был нужен КГБ? Но ведь зачем-то оказался нужен! Я мог бы назвать несколько имен достаточно известных людей, с кем мне приходилось общаться, о которых я почти наверняка могу сказать, что они — стукачи.

Художников Н., П., Б., журналиста Д., нескольких писателей. Но ведь доказательств нет, и они действительно могут подать в суд! Или спросить в лоб: «Ты с нами деньги в одной кассе получаешь, что ли?»

Поэтому лично я понимаю, почему Татьяна Щербина пишет о салоне мадам Икс, не указывая ее фамилию. Ну, что толку, если я расшифрую мадам и сообщу, что живет она на Садовой и зовут ее, скорее всего, Ника Щербакова?

В Москве в 70—80-е застойные годы было три салона. Первый был у Аиды и Владимира Сычевых, на Трубной. Об этих людях я скажу коротко: они мне помогли избежать больших неприятностей, они провели после обысков у меня пресс-конференцию и устроили продажу работ. Перед московской Олимпиадой их вышвырнули из Союза. Салон на Садовой у пл. Маяковского держала Люда Кузнецова. В 1979 году она затеяла огромную и зловредную неофициальную выставку. КГБ реагировал быстро: 15 суток хозяйке за хулиганство, голодовка Кузнецовой длилась все это время в Бутырьках, в женском отделении для пятнадцатисуточниц, штурм квартиры Кузнецовой, где после ее ареста засели 6 художников из инициативной группы, аресты и штрафы, и немедленно после освобождения Людмила — поджог ее квартиры. В 1980 году она уехала в США, где несколько лет назад умерла от рака.

Остается третий салон, тоже на Садовой. Содержательница его — Ника Щербакова — была постоянно в окружении слухов о ее стукачестве. Казалось, знали об этом все, но... продолжали ходить.

Что я могу сказать? Да, мадам Ника Икс имеет роскошную, уникальную квартиру в хорошем доме. Одна комната — двухэтажная, со стеклянным куполом. Да, она прекрасно, умпопмрачительно одевается, кокетлива не по возрасту и, говорят, имеет коллекцию русского авангарда. У нее масса антиквариата, ценностей, картин, великолепная мебель.

Надо ли говорить, что, невзирая на ее репутацию, салон ее постоянно посещают иностранные гости и советская элита?

Все прекрасно знают, в чем подозревается мадам Икс, и я тоже знал, когда после освобождения приносил к ней для продажи работы — денег не было, а работал я слесарем в детском саду.

Однажды произошел смешной случай.

В самый разгар какого-то вечера у одной гостьи вдруг порвались бусы и раскатились по комнате. Ника

Икс в этот момент куда-то вышла, и я залез под диван в поисках слоника, который был на бусах. Из-под дивана торчала только половина туловища, когда в наступившей тишине я вдруг услышал вкрадчивый, ликующий голос мадам Икс:

— Там ничего нет, Слава...

Я вылез и хмуро показал ей слоника.

Стучит ли мадам Икс? Может быть, очень может быть. Ну а если это просто грязные домыслы, разработка КГБ? Мы с ней в одной кассе тоже денег не получали...

Георгий, я прекрасно вас понимаю, Щербина сказала кому-то из литераторов, что Барашкина-Козловского скоро арестуют, можно было бы что-то предпринять, и не было бы изгнания в эмиграцию.

Уважаемый Георгий! Наша книга судеб лежит на Лубянке за семью печатями, и все было бы так, как они хотели...

Не было бы Барашкина — нашли бы у Вас в квартире труп пятилетней девочки, «порнографию» Сысоева или наркотики — какая разница?

Если в отношении перечисленных выше под инициалами Н., Б., Д. и расшифрованной мною мадам Икс у меня есть сомнения — те ли они, как я о них думаю, то в раскаявшихся генералов КГБ, следователей по особо важным делам, партайгеноссе высшего разряда я никак не верю. Знаете почему? Потому что они были информированы по роду своей работы обо всех подлостях, творящихся в их учреждениях, и **творили их сами.**

Карьеру свою делали они долгие годы, а какими способами и средствами — можно только догадываться. Просто сегодня им так удобнее. Опять — при власти, в почете, встречаемые восторженным ревом толпы...

Щербине можно было бы поставить в вину то, что она не была диссиденткой, но тогда надо бы упомянуть еще и 249 миллионов 990 тысяч человек...

Татьяна — талантливый человек, остроумный. Она **остро** говорит, и мысли ее ясны. Она достаточно откровенна и, может, хочет выглядеть чуть циничней, чем есть на самом деле. Богема, одним словом. Слушать ее по «Свободе» мне намного интереснее, чем косноязычных сегодняшних «демократов», голоса которых действительно уж никак не похожи на щебет.

Владимир ГЛОТОВ

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ БИЛЕТ
НА «СОЛЯРИС»*Преждевременные мелуары*

8

— Аппарат по сути своей глубоко антиинтеллектуалистичен, — говорил Карпинский. — Начальство все лучше знает? Это иллюзия, что об общих принципах могут судить только высшие сферы.

Мы шли от Зубовской в сторону Смоленской, чтобы успеть к закрытию. Надо было взять хотя бы пару сухого.

— Человек, стоящий у власти, — говорил Лен, — нуждается в знании только как в средстве. А специалист привлекается только для того, чтобы подыскать средство осуществления политики, цели которой не подлежат не только критике, но даже обсуждению. И люди, обладающие знаниями и вступающие в контакт с властью имущими, приходят к ним не как равные, а как наемники.

— А мы? — спросил я.

— А мы не можем ужиться с властью не из-за своей непрактичности, а в силу того, что наши цели выходят за рамки существующего строя, который охраняет государственная власть.

Лен шел тяжело, диабет мучил его.

— ... а государственная власть, даже самая просвещенная, всегда выражает интересы господствующего класса, и это ставит ей вполне определенный предел. Таков суровый факт, с которым сталкиваются все просветители и утописты.

«Мыслитель» и «власть» — наша вечная тема, технизм, пренебрежение к историческому прошлому, потребительское отношение к высшим культурным ценностям. Голос Лена звучал рядом, мы проходили мимо подъезда, в который я когда-то вошел на свою первую «службу», в бухгалтерию. Лен говорил, что у интеллигенции чувство собственной исключительности выливается в сознание своей ответственности перед народом, в стремление быть не только мозгом, но и совестью страны. Или — в пренебрежение к массам, снобизм и требование для себя особых привилегий.

Я искал своего Бога, марксистский план Лена — вывести через энное количество лет наверх своего прогрессивного лидера и вложить ему в башку наши идеи — почему-то смущал меня. Я не вполне доверял даже опыту моего старого друга Зинаиды Николаевны Немцовой, «бабы Зины», ее восемнадцати годам лагерей и ссылок, и иной раз думал, что с партией мне все-таки не по пути. С ее столпами, поводырями — что я с ними буду

делать? Лен тогда активно читал Бухарина, Троцкого — а я, стыдно признаться, третий раз перечитывал Достоевского. Поступал совершенно непрактично и явно отставал в своем развитии.

9

— Вы давно знакомы с Карпинским?

Мой мучитель пятый раз допрашивал меня, называя это, правда, «беседой». Я кочевал из комнаты в комнату, час сижу с «клетчатым», час тут, с «Николаичем» или «Иванычем» в одном лице, совершенно не понимая, зачем им такие перерывы, так же нельзя работать, не эффективно.

— Я знаю Лена с шестидесятых. Со второй половины, — уточнил я.

— Что он за человек?

— Лен? Ну-у... Сын старого большевика, друга Ленина. Он у них заведовал библиотекой в Лонжюмо. А Лен? Блестящий публицист.

— Вы ему доверяете?

— Вполне. А что?

— Вы его близко знаете?

— Я бы даже сказал нескромно: дружу. Дома бываю, жену его знаю, Люсю. Собака его меня укусила за палец, но не сильно, щенок еще глупый, порода колли.

— О чем вы разговаривали с Карпинским, когда бывали у него?

— Ну вы даете! О чем могут говорить люди, тем более журналисты? О политике! О политике, Иван Николаич, о ней. Только что тут вы находите, какой криминал? И почему ради этих ваших вопросов я сижу у вас весь день? Спросили бы сразу.

— И что же о политике?

— Известное дело. Общий бардак. Двадцатый съезд забываем. Экономическая реформа накрылась. Живем юбилеями. От одного юбилея к другому. Толчем воду в ступе. Вот об этом «треп». Или, если хотите, наша работа! Иван... простите, Николай? Да, все время путаю, даже неудобно. Каждый раз вхожу к вам, и каждый раз не могу вспомнить: Николай вы... Иваныч или Иван Николаич? Опять перерыв устройте, опять перепутаю. Вам должно быть совестно морить человека голодом ради выяснения, о чем он болтает с друзьями. Да вы ведь знаете о чем! Знаете?

— Знаю.

— Ну так отпустите меня, я есть хочу, меня жена ждет, мы с ней в кино идем, на «Солярис», вот билет — не верите? Вот он, смотрите! Отпустите, а? Я еще успею, еще двадцать минут до начала.

Окончание. Начало в № 50.

— А Клямкин тоже бывал у Карпинского?
— Я его с ним и познакомил. По-моему, раза два бывал... Ну, я пошел?
— Не хотите вы себе помочь. Не хотите. А зря! Запутал он вас.
— Кто?
— Карпинский.
— Да в чем же? В чем запутал-то?
— Вы это сами знаете. Только не хотите рассказать. А вы бы посоветовались. Ведь не так все просто. Можно ведь и по-другому, не так, как вы. Вот и посоветовались бы... чистосердечно. Мы тут тоже не солдафоны, думаем. Над теми же проблемами, кстати. Только методы другие. Значит, «Солярис», говорите? Это что?
— Фильм. Ну, в смысле, кино по книге. Я книгу не читал. А Тарковский — о, это вещь!
— Да бросьте вы, Владимир Владимирович, надоело, право! Какое кино? Вы же знаете, о чем речь! О каком Солярисе!
— О каком?
— Ну вы непрослой человек! Все — на отбой! Не желаете советоваться.

10

Советоваться мне не хотелось. Потому что чекист смотрел в корень. Благородства ради можно было бы комедию прекратить и даже — изложив и подписав — успеть на сеанс. Но я был не голубых кровей, а из брянских лесов, село Воскресенское. Там много прежде было Гловых, но мужчин из нашего рода уже перед войной никого не осталось, и — считалось в нашей семье — я последний.

Вот почему я вел себя нелогично. Придавленный грузом наследственности, я не встал и не сказал лубянскому бенкендорфу: «Да! Я тот, за кого вы меня принимаете! И мне противно запирается! Я — воин подполья. Ненавижу вас!»

С упорством брянского мужика я изворачивался.

Солярис — это слово было, конечно, нашим кодом. Кому пришло в голову, не помню: Лену, Игорю? Может, и мне. Но потребность во всеохватывающем коллективном мозге, в котором циркулировали бы отдельные идеи, лишенные авторского эгоизма и страха, циркулировали как общее достояние, наиболее точно выражалась в этом образе. Подцензурное творчество задавило до печенок. Со страниц брежневских журналов глядела кастрированная наука, авторы изощрялись не в том, как донести мысль, а в том, как ее скрыть.

Как-то вечером, в оттепель после сильных февральских морозов, начавшихся еще с Крещения, поехал я к философу Ильенкову. Я вошел в его квартиру на пятом этаже углового дома, что напротив Телеграфа. Он подался навстречу мне: сутуло, вздернув острые плечи, отчего голова казалась как бы выдвинутой вперед. Быстро поздоровался, сказал: «Проходите сюда...» — указал на кушетку в кабинете, а сам ушел в центр его, где стоял огромный деревянный ящик. Вращались диски, комнату потрясали звуки могучей музыки, певец выговаривал немецкие слова. Ильенков, наклонив голову, припал ухом, слушал. Меня он забыл. Потом с досадой махнул рукой: «А-а...» Я вежливо поинтересовался: «Не устраивает? Нет чистоты?» «Да-а-а...» — опять махнул рукой Эвальд Васильевич. Пока он слушал запись, я был предоставлен себе. И я подумал: в те минуты, когда Эвальд Ильенков оставляет, как ребенок, свою большую

игрушку и возвращается к ундервуду, может ли он из этой свободы засунуть себя опять в камеру-одиночку, в тюрьму? Да никогда! Он не может не продолжать жить, иначе Вагнер разорвет ему барабанные перепонки.

Конечно, люди жили. И иные — мы были уверены — скрипели пером, как и Ильенков, заперев дверь на засов. И прятали, прятали в стол.

Как такое творчество вынести на белый свет и при этом никого не засветить и самим не засветиться?

Тогда и возник проект Соляриса. Циркуляция научных работ поначалу среди узкого круга. Человек двадцать, которые понятия не будут иметь, как организовано дело. Для них, ученых, мыслителей, да и публицистов — мы не исключали литературный слой, — важно само дело, обмен идеями. Лен называл эту задачу: «создание марксистской библиотеки». Потребуется, может быть, десяток лет, пока по разным направлениям произойдет накопление нового знания, способного на гребне вынести сгусток энергии в виде выводов. Придет пора, наступит и наш черед, журналистов, и — возможно, скоро — нужны будут публицистические полуфабрикаты, которые, отточенные, будут брошены в дело, когда настанет час всесоюзной дискуссии, сперва общепартийной, а потом общенародной. И на этой основе, через такую работу, создавая, по сути, альтернативный идеологический центр, только и возможно выработать сумму идей, которые когда-нибудь станут нужны грядущим партийным лидерам, вознесенным наверх волной истории. Но если, даже учитывая предостережение Немцовой: «Вместе с партией», мы обречены быть с ней, любимой, мы все равно должны быть готовы. Нужны анализ, изучение, и не в скафандре из идеологических догм, не со связанными условиями руками, а открытая полемика. Лен рвался схлестнуть мечи, например, с Солженицыным не с мракобесных позиций власти, а, как он говорил, с подлинно марксистских. Меня это настораживало, но, опьяненный махиной нашего замысла, я конкретику оставлял на потом. Мы прикидывали, кто войдет в круг авторов Соляриса. И видели наш замысел то в качестве некоего самиздатовского журнала, то вне жестких рамок, как разрозненное, неуловимое перетекание рукописей. Из наших рук — в наши же руки. Без прямого обмена между авторами. Все будет друг друга знать, но по текстам, а не в лицо. Возможно, догадываться, но безопасность — это безопасность, ею нельзя пренебрегать. И только мы трое — Лен, Клямкин и я — «техники революции», как я гордо называл нас по аналогии с Леонидом Красиным, — обеспечим работу Соляриса, его функционирование, затопим эту адскую печку Хогбенев, атомный котел свободы, и если взорвемся, то только одни.

Я понимал, что это уже не игрушки. Это «подполье». И когда мысленно сказал себе: «Да» — душа моя, отступив балласт, взмыла в небо. Мы ходили по Москве — не мальчишки уже, под сорок, а Лену под пятьдесят — и радовались как дети. Все вокруг наполнилось иным смыслом, все стало значительным, я приходил в редакцию и смотрел на работу, на моих товарищей другими глазами. Кто? Кто потенциально еще? У кого из авторов можно получить первые такие рукописи для Соляриса. Надо ли расширять круг «техников»?

Неизбежно возникали разговоры-намеки. Подозреваю, что и я — если Лена принять за точку отсчета — был не «номером два», занимая промежуточное положение между ним и «номером три», то есть Игорем. Возможно, до меня были какие-то «нулевые», пробные варианты, как во всяком деле.

Но непосредственное дело начали мы. Я где-то раздобыл солидную пачку тонкой папиросной бумаги. Лен, отчаявшись в успехе наших поисков надежной машинистки, все более склонялся к своему варианту: отдать первую рукопись какой-то своей знакомой. Это тревожило, но поиски затягивались, а время не ждало. В руках была работа Отто Лациса, переправленная им из Праги. Он сидел тогда в «Проблемах...» и создал фолиант, который назывался «Год Великого перелома». Я бегло его просмотрел, рассчитывая, что еще успею, прочитаю, когда начнет функционировать Солярис. И Лен, снабдив рукопись своим редакторским комментарием, выпустил ее из рук.

11

За окнами давно почернело. Разговор тек вяло, лениво, в тягость для обоих. Иногда я надолго засыпал, не отвечал, не слышал, смотрел в стену и молчал, а следовательно, как автомат, спрашивал, призывал. Если он не выдерживал, повышал голос, тогда и я взрывался, орал благим матом, требовал, чтобы дали позвонить жене, бил кулаком по столу — и неожиданно затихал, съеживался и смотрел в сторону.

Я понимал: ему все ясно!

Чего же хочет?

Поощряет меня умереть достойно и в душе скорбит, что вынужден отсекал загнивший член государства.

Рис. В. Сысоева

Убеждает, уговаривает, чтобы я сам себе вынес смертный приговор. Где у него мешочки с порохом? Пусть обкладывает, я устрою фейерверк...

Нет, не получится. Мы уже читали Исаича, просто тебе позарез нужно, чтобы я сам все сказал. А потом ты попросишь меня написать и поставить подпись. Потому что у тебя только доносы стукачей да пленка шосткинского завода. Агентура, ничего больше. Иначе ты бы так меня не уговаривал: «Посоветоваться, посоветоваться...»

Слабак! Па-ашел... не дожدهшься. Я сейчас еще, как алкоголик в вырезителе, заору, будете знать.

И тут «Иваныч-Николаич» вскочил, как подкинутый пружиной. Вытаращил глаза, но не на меня, а мимо — на дверь. Руки по швам!

В дверь входил человек, которого я мысленно назвал «суховато-кобылин».

А я сидел и ждал, что будет, не сообразив даже, отчет мой знакомый так взметнулся.

— Ну что? — спросил вошедший.

— Да все на отбой. Не желает себе помочь.

— Ну раз не желает, ему же хуже.

Я молчал. Опустил голову, соображаю.

— Вот, говорит, в кино опоздал, на «Солярис», — брякнул вдруг мой Ваня.

— Ну, это мы выясним, какой солярис-полярис, — сердито произнес начальник.

Я заметил, что вошел он с темного цвета папкой для бумаг.

Он ее раскрыл, глянул в листок и впервые обратился непосредственно ко мне. Стал меня срамить.

— Что вы из себя строите! Молчите, запираетесь. Ахи-нею несете. Дрожите тут, отпираетесь. Не стыдно, а? Где же ваши принципы? Вот у Карпинского — да. Его можно уважать — он последователен! Можно спорить: прав, не прав — но это личность, с ним есть о чем поговорить, он логичен в своем поведении. Логичен и последователен! У него есть позиция. А вы — дрожите, молчите. Ну, молчите, молчите...

— Жаловаться на нас собирается, — вставил следователь.

Он совсем посерел, обмяк, хотя и тянулся все так же, руки по швам, совсем не смотрелся на фоне разгуливающего вальяжно по кабинету начальника. Тот был в штатском. Коричневых тонов костюм. Фигура его, незакаменелая, изгибалась свободно. И папка переходила из одной руки в другую, и каждый раз невзначай распаивала черные створки, показывала белые листки, я понял — там их не один.

— Ну что же, — сказал он задумчиво. — Мы тоже не собираемся скрывать. Секретов нет!.. Так что за Солярис вы придумали с Леном Вячеславовичем?

Я молчал. Молчал, понимал, что выгляжу глупо. Молчание затягивалось, красноречиво показывая, что он прав: перед ним обыкновенное ничтожество, беспринципное и трусливое. Даже не может умереть красиво!

И тогда он помог мне скончаться. Узкое лицо его приблизилось и, как лезвие, прошло через меня. Я почувствовал боль, но не понимал, откуда она исходит. И вдруг сообразил, что это уши, мне хотелось заткнуть, сжав голову руками, уши, боль врвалась извне и раздирала кровеносные сосуды: мне стали читать то, что было в белых листках, спрятанных в папке.

Про Солярис. Про нас троих, «техников революции», — про наш гениальный и, как нам казалось, непотопляемый, как авианосец, замысел.

Это был крах. Что называется, мордой об асфальт.

— Вот это — позиция! — объяснили мне. — Карпинского можно уважать! А вас?

Я продолжал молчать. Да и что мог ответить труп?

— Не верите, что это написано самим Карпинским? Пожалуйста, посмотрите!

И листки проплыли у меня перед глазами, я увидел плотный, убористый почерк, как говорится, знакомый до слез.

Почему я тогда не заплакал, а машинально попросил — что же там еще? — «дайте почитать»?

— Ну-у... мне надо спросить разрешение у Лена Вячеславовича, — и листок голубком юркнул в черное укрытие. — Что теперь скажете?

— Не знаю... Я должен с ним поговорить. Он мой друг, я должен спросить его, что это такое. Почерк его. Давайте сюда Карпинского.

12

С этой минуты началась полоса загадок, на некоторые из которых я так и не нашел ответа.

Я сидел еще часа полтора в комнате, где отдыхал весь день. Голова настойчиво ворочала мысль: как оправдать мое психологическое разоружение перед ними? Почему я не ответил им: «Пошли вон! Провокация!» Почему, по сути, согласился: да, да, все так! Дал им понять: Солярис существует.

Это мой минус. Где плюс? Не сформулировал, не произнес «слова» — лишь позволил сделать «выводы». Да выводы у них и без меня заготовлены. Но все же...

Как же оправдать мой срыв?

Смешно сказать — я, подобно Штирлицу в бункере Шелленберга, ломал голову над этой проблемой.

И когда через пустую прихожую-приемную, где уже не было «щучки», меня вновь провели в кабинет, я не нашел что сказать. Но мой следователь совершенно потерял ко мне интерес, он вызвал меня лишь для того, чтобы сообщить, что я свободен и могу отправляться домой. И никаких секретов действительно нет, я могу сообщить на работе, где я провел день. Адью!

Я вышел из подъезда ночью. Было пять минут двенадцатого. Полсуток в КГБ. Мгновенье! Торопливо, унося ноги, похрустел я, почему-то по обочине, подальше от стены здания, к углу дома, где на перекрестке напротив светился дежурный гастроном. «Сороковой», как мы его называли еще с того времени, когда я жил на Сретенке. На стесанном стыке его стен, от крыши до дверей, по праздникам висел всегда Иосиф Виссарионович в полный рост. Под сапогами проходили внутрь. Гастроном был хороший, и мы, жившие неподалеку, иногда им пользовались. Но редко. Сретенка — замечательная улица, как загадал мне загадку ломовой извозчик: «улица без ворот», — снабжалась всегда превосходно. И к услугам чекистов мы прибегали исключительно в вечернее время.

Теперь же я шел вообще в противоположную сторону, удаляясь от ареала моего детства.

Дома было не до объяснений. Я только произнес скороговоркой: «Потом, Томочка, потом... Как фильм?» — машинально спросил и в ответ услышал, что мое место не пустовало: сразу сел какой-то мужик.

Я крутил диск телефона. Сейчас, сейчас, все изложу, все похождения.

— Алло! Лен? Лен! Э-э-э... Да-а. Ты бы не хотел погулять? — вдруг выпалил я. — Я был тут в одном месте... есть о чем рассказать. Я подъеду?

— Да я знаю, — протянул Лен. — Я был рядом, в соседней комнате.

— Что?!

— Да-а-а, — лениво, нараспев, вздохнул Карпинский. — Они все знают.

— Подожди, Лен, подожди, — удерживал я своего друга. Еще секунда, и мне казалось, он начнет рассказывать мне о своем собственном дне, рассказывать открытым текстом. — Подожди, я сейчас приеду. Ну я пошел, бегу!

Открыла Люся, милая и ласковая, как всегда. Одной рукой она оттягивала от меня подростковую красивую черно-белую шотландскую овчарку, ходячий мохер, другой показала на кухню.

Лен сидел, ссутулившись, за маленьким пластиковым столом, завершая ужин. Я машинально взял кусок хлеба и тут вспомнил, что с утра во рту не было ни крошки, и дома, в суете, не поел — самое интересное, — не хотелось.

— Они все знают, — сказал Лен. — Все!

— Тебя когда забрали?

— Утром.

— А меня днем, около двенадцати.

— Я знаю. Мы сидели рядом, в разных комнатах. Ты в одной, я в другой, в третьей — Клямкин.

— Клямкин?! Ничего себе! Послушай, Лен, — начал я нерешительно. — Там мне какой-то мужик, высокий такой, показывал...

— Генерал Бобков, начальник идеологического управления. Знаю...

— И твой почерк, Лен. Пару фраз зачитал.

— Да бесполезно, понимаешь... бесполезно. Им все известно. У них рукопись Отто. Все. Ладно, давай до завтра.

Я вышел на ночное Садовое кольцо. Спешить было некуда. Брел по пустынным улицам, ошарашенный. В горле комом вопрос, который я так и не задал. Как же так, Лен? Ведь мы проигрывали эту пластинку! Зачем же сам, да еще знакомому генералу, можно сказать, по-свойски, по-кунаковски, по старой чековской службе-дружбе, с тех времен, когда — секретарь ЦК комсомола — ты контактил с ровесником-чекистом. И, расслабившись, да уж не стряхивая ли пепел сигареты в одну с ним пепельницу, откинувшись вольготно, как равный, альтернативный лидер, ты обсуждал с ним пути реформирования власти. Рассказывал ему. Конечно, и полемизируя, ведь генерал не соглашался, говорил: «Лен! Зачем же так? Ведь мы тоже видим, не хуже вас, но вы торопите события!» — а ты наслаждался партнерством, и как за «круглым столом», в дискуссии: ты аргумент, тебе аргумент, ты поведал ему от «а» до «я». А потом генерал, вспомнив про свой мундир, но не меняя тона, как другу-врагу сказал: «Ленчик! Напиши... Ну надо, сам знаешь, для порядка. Нам и/так, конечно, все известно, не зря хлеб едим, но канцелярия требует».

И ты написал. И подписал. И генерал пошел вправлять мозги нам с Игорем.

Поразительное дело! Рухнул в одно мгновение кумир, а я думал об Игоре Клямкине, ни на миг не отделил его от себя. Не сомневался: Игорь вообще молчун, а там и подавно не произнес лишнего слова. Да почему же так уверен был я? Ведь вот он, блестящий лидер «подполья», человек, на которого я молился, дружбой с которым — да и дружба-то была односторонняя, я дружил — гордился, этот человек подарил им и саму идею, и весь расклад, которого они, растопырив все электронные уши, все равно с такой ясностью, как из его уст, не смогли бы представить.

Нет, Игорь был моей щепкой надежды. Человек без такой веры, веры в последнего друга, не может жить.

Тогда надежда только на Бога, но это не каждому дано. Я тогда до такой черты еще не отступил. Или не приблизился?

Глубокой ночью, собрав второпях что попало под руку из явного компромата, я пошел, взяв верного Мартына, на клыки которого можно было положиться, на киевскую железную дорогу. И там, в зоне отчуждения, проваливаясь по колено в снег, под большими тополями — в дупле одного из них Антошка с Володькой взрывали самодельную бомбу из спичечных головок, за что старший получил по шее, — жег рукописи, книги, рвал и жег и — не догоревшие — вдавливал валенком в снег. Тамара дожигала мелочь на кухне у мусоропровода. Я был уверен, что утром они придут и начнут обшаривать квартиру. Слава Бсгу, я торопился и не был по-немецки педантичен, кое-что осталось, а они не пришли.

Утром мы гуляли с Игорем по Новослободской, в окружении небольшой, плотной группы наших друзей. Мы по очереди рассказывали, нас молча слушали, иногда задавали вопросы. Для иных впервые открывалась идея Соляриса, его механика. Игорь рассказывал, как его «Иваныч-Николаич» — не мой ли забавлялся с Игорем, пока я отдыхал? — призывал его признаться, и Игорь выдавливал из себя: был грех, читал Бердяева! А ему предлагали: «Может, пленочку хотите послушать?» И Игорь, в своей ленивой манере, соглашался: «Мо-ожно...» — но ему ее не крутили. Потом он так же, как я, сидел со своим «опером» и даже перекусил в отличие от меня. Раза два его спрашивали: «А что Глотов — нервный человек?» — это когда я закатывал истерики. Но, в общем, разговор проходил мирно. К полуночи он был у себя в Расторгуеве.

13

Начались трудные денечки. Лихорадка воспаленных разговоров. Поиск мозговой ЭВМ: кто? кто из нас? Ффр-р-ррр, как гадко! Я же люблю их. Я перебирал одно-го за другим, словно рассыпавшиеся по полу рисовые зерна.

Мы, конечно, болтали, излишне болтали. Но как иначе? Само дело предполагало распространение информации. Для тех, кто на дальней орбите, на средней, на малой. Тут легко сбить расчет. А кому рассказывал Лен? И как рассказывал? А я сам?

В редакции рука Поройкова исписывала листок за листком. Мы сидели с Игорем, докладывали, а он писал. Ему потребовалась вся воля, какая была дана ему от природы, чтобы найти достойный выход из непростой ситуации. Внешне, надо отдать должное, он держался неплохо. Провел переговоры с ЦК, с тогдашним комсомольским главным идеологом Матвеевым, получил инструкции. Потом уже я узнал, что первый секретарь ЦК Тяжельников ездил в КГБ и вернулся подавленный: в главном теоретическом журнале комсомола заговор. Ему выложили, видно, все, что насобирали. И приказ его был категоричен, как всякий приказ: убрать из журнала! Поэтому Матвеев сидел на телефоне, звонил через каждые два часа, справлялся: «Ушли?» ЦК хотел очиститься. Поройков произван был выполнить приказ. Но как? Формально уволить нас было нельзя. Тогда собрали партбюро, и Заречкин, верный поройковский оруженосец, выдавливал из нас слезу по убиенному нами журналу. Мы-де его скомпрометировали, и, чтобы спасти хотя бы то, что нами же сделано, нам надо уйти. Самим. Эта

жертва должна быть принесена на алтарь общего дела, демократии и прогресса. И все кивали умно головами. Мы входили, выходили, то вместе с Игорем, то по одному. Собирались нашим узким кружком, курили, мозговали. А те сидели в кабинете Поройкова, тоже перекуривали. Поройков брал трубку — опять Матвеев. «Ну что?» — «Пока ничего».

Весь день продолжался этот массаж, разогревая нас для решения. Было очевидно: все кончено. «Подполье» разгромлено, журнал мы теряем. Даже если, оставшись, попробуем работать, задушат в объятиях цензуры. Юра уже никогда и ни в чем не будет доверять. Зачем тогда эта крыша? И как противно! Как они метут хвостами! Как уговаривают! Невыносимо видеть.

Опять позвали меня. Я посмотрел на их озабоченные лица, и так гадливо стало на душе, что я — в нарушение правил, не посоветовавшись с Игорем, — сказал: «Ладно, мужики, я ухожу».

Игорь тоже не стал задерживать. И конвейер покатился. За ним, на что мы не вправе были рассчитывать, написал заявление Жора Целмс. «Подпольщик» — из внешне отошедших. Может, как раз тот самый пробный, «нулевой» вариант. Один из тех, кому принадлежала блестящая идея создать серию «Кто есть кто». Собрать досье на таких подручных Кормчего, как Минц, живой еще старикан-академик. Румяное его личико нет-нет да появлялось в научном свете, и мы представляли, как наша листовка разложена на креслах академического собрания. И все ее читают. А Минц идет, трясая паралитической головой кровососа, по проходу, между креслами, направляется в президиум и знает, что все уже прочитали, потому что и он прочитал: факты, ничего, кроме фактов. Кого посадил, сколько, какие сроки, сколько получили высшую меру, в организации каких процессов участвовал, что и когда обслуживал, обеспечивая философское обоснование. И дойдет ли вампир до сцены? Не хватил ли его прямо тут, между бархатными креслами, кондратий? «Доводить их до инфарктов!» — говорили мы, определяя смысл серии «Who is who». Мы не исключали такого морального терроризма, хотя единства позиции на этот счет у нас не было. И кое-что, заготовленное, стояло на старте... Теперь Жора порывисто рванулся к двери, бросил Поройкову заявление: жест! Знак протеста? И то и другое. Да и расчет. А что тут делать без нас ему, только-только пришедшему к нам в редакцию, под младокоммунистскую кровлю?

Удивил не он. Удивила Тоня Григо. Вплыла в кабинет, где заседало партбюро, и — слегка его погромив — выплыла свободным человеком. «Я с вами, мальчишки!» — сказала она нам. Мы возопили: «Ты с ума сошла, Тонька! Не устраивайся на работу. Кончай дурить!»

Мы срочно сбились в кружок, зашевелились: надо было прекратить этот исход. Что ни говори, но чувство локтя среди «шестидесятников», чья молодость совпала с хрущевской оттепелью, а зрелость формировалась в борьбе за нее, ускользавшую, было нешуточное, хотя слегка демонстративное и с надрывом. Кухонные клятвы за полтора десятилетия сделали из нас и романтиков, и фразеров, и мучеников, но только не здравомыслящих людей.

Мы сбились в кружок и сказали нашим братьям: «Тоня последняя, больше никто не уйдет. Мы вас очень просим, ребята, не надо. Глупо отдавать им все. Надо перетерпеть трудные времена. Не век же им гужеваться».

Мы прощались. Они, остававшиеся, должны были вынести больше, чем предстояло нам: тина застойного бо-

лота обволочет в первую очередь их. И какие язвы она оставила на теле, знает лишь каждый свои. Чернов, Свиоровский, Лева Тимофеев, Юра Амбернади — четверо остались в лодке. Двое из них, правда, не выдержали гнета, Амбернади, вспомнив прежнюю профессию, уплыл на Север капитаном грустить в свободные от вахты часы, Тимофеев, принятый кандидатом для выступления «в ряды», видно, в ужасе — а если бы и дальше пошло успешно, — заявления в партию подавать не стал, а кинулся в откровенное диссидентство, написал несколько замечательных работ и уже после разрекламированного «апреля восемьдесят пятого» канул в пермский лагерь особого режима. Те, кто остался, вынесли, что было им отпущено, как говорится, не отходя от кассы.

Четыре месяца мы болтались с Игорем без дела. Комсомол отвернулся. Комитетчики не беспокоили. Вся Москва знала нашу историю, в Доме журналиста, когда мы заходили попить пивка, а больше в надежде кого-нибудь встретить, увидеть сочувствие в глазах и, главное, получить приглашение на работу, многие отворачивались, хотя не все. Шептались, что у нас брали отпечатки пальцев. Это, конечно, преувеличение, но штрих характерный. Страх уже распространял паралич на журналистские круги. В газетах повсюду клеймили Солженицына, повсюду чудились диссиденты, разговоры, только что была разоблачена группа Якира, чуть ли не двести человек, продиктованных им: чем больше, тем лучше, считал он, всех не перевешают. Так гордо заявила Зоя, и Якир, похоже, полагал так же. Нам это было странно. Мы с Игорем придерживались иной точки зрения. И когда полз слух, что нас заложил Александр Янов, назвавший по пути туда, в интервью, двадцать человек, с кем ему было на родине хорошо, и среди них нас, — мы с грустью подумали: неужели Сашка?

Он уезжал странно, намекал, что его выталкивает ГБ, грозит чуть ли не расправой. Волновался, как приживется в западном мире. Считал, что патологически не способен к иностранному языку. Отчаявшись, полагался на свою предприимчивую Лиду. Мы даже условились с ним о каком-то коде, с помощью которого он мне оттуда подаст весточку. Наивные люди, громоздившие сложности там, где их не было. Прошло несколько лет, и мы, никому не нужные, проживали в Союзе в соответствии с рекомендацией одного цехового либерала: «Пусть помучаются!» — а Сашка завоевывал американский рынок. И доходили вести, преуспевал в Беркли, красном университете. Существовало ли то «интервью на полустанке», в австрийской столице, на пересылке, где переводились стрелки с «Израиля» на «США», или его не было, мы так до конца и не узнали. Ребята из «Млада фронта» говорили нам: «Читали!» Знакомые поляки подтверждали: видели. Но, обучаясь уму-разуму, мы не исключали и утку, запущенную ГБ. Но еще долго оставался осадок от тех тревожных месяцев взаимного недоверия. Особенно после услышанного по «голосу» интервью, которое дал Исаич. Помните? Оно начиналось словами: «Я — не эмигрант...»

Исаич разбирал нынешнюю волну, сравнивал с прежними, выделил «политику» и «одессу», никого не назвал по имени и вдруг сказал: «Вот Янов, в прошлом коммунистический журналист, приехавший как политический эмигрант... И что же видим? Поперек «Нью-Йорк таймс» заголовки его статьи: «Брежнев — миротворец! Держитесь Брежнева!» Когда мы это услышали, мы упали духом. Все ясно. Сашка — провокатор. Подонки, агенты. Зброшен туда как диссидент. По пути завалил нас. И пиратст-

вует там, гангстер, сволочь, что ни статья — поносит Солженицына, зарабатывает на критике его себе имя.

Отрыжка прежних страстей была так сильна, что мешала мне видеть и оценивать реальный мир. Спустя пятнадцать лет Янов пришел ко мне в московскую квартиру, по-американски здоровенький. Поужинал и — пока Лида охмуряла заморскими баснями мою Томку — сказал, что никакого интервью он никому не давал. И заголовка такого поперек «Нью-Йорк таймс» не было. Он чист перед нами. И, закончив тему, стал вещать, учить нас, как нам жить, читать лекцию от лица известного американского профессора, которого — как я потом ни расспрашивал в Колумбийском — никто не знал, говорили: «Может, на том берегу?» А наши эмигранты из «русского центра» на Пятой авеню при упоминании его имени морщились. У них были свои счеты, нам неизвестные. Я слушал Сашу, меня забавляло, как он то и дело вставлял английские слова, спрашивая: «Как это по-русски?..» — и нетерпеливо пощелкивая пальцами. Я смотрел на него и еле сдерживал себя. Сашок! Кончай пылить, говорил мой взгляд, но Янов, как влюбленный глухарь, продолжал токовать.

Но я ничего не сказал моему старому товарищу. Через несколько месяцев — зачистил американский профессор — он вновь прилетел, и я пошел на встречу с ним в Дом кино. Саша вышел к трибуне и сказал буквально: «Начнем нашу лекцию...» — и все было по тексту, который он повсюду в Москве зачитывал. Он делал отчаянные попытки интегрироваться в современную нашу общественно-политическую и научную жизнь, исчерпав, видимо, американскую. Лекция была невыносимо отвратительная. Вопросов было немного, но и они Янова раздражали. Он агрессивно от них отбивался, привязанный к тексту, и настаивал: нам надо держаться Горбачева!

Не откажешь в последовательности.

Еще Янов советовал продать японцам Курильские острова, накрыть себя товарным щитом, поискать по собственным закромам, вот от Ярославля до Москвы медный кабель оборонного значения и огромного сечения, выкопать и продать, вот и валюту. Что-то еще в этом духе планировал Саша. Он был смешон, когда касался практических дел, но, как всегда, выигрывал, когда теоретизировал. О «новой ли правой», ее истоках в российской истории, о современных ли доморожденных социал-демократах и их худосочности. Пережимал, педалировал, был корректен и повсюду видел зловещую тень Солженицына — да это бы ладно, читатель, поднаторевший в прошлые годы, разберется. Но вот в практических усилиях, тут Саша — которого я помнил человеком не от мира сего — выступил для меня в новом качестве. С настойчивостью он искал в Москве людей, депутатов, кооператоров, нервничал, ругал нашу неделовитость — от него отмахивались. Его идея — образовать международный комитет экспертов: Маргарет Тэтчер (Саша говорил: «Татчер»), Генри Киссинджер и другие — не встречала, мягко говоря, практического интереса. А Саша убеждал: они будут советовать нашему бестолковому правительству, куда грести, а оно, развебив уши, слушать, слушать... как я сейчас. Зал вежливо поблагодарил: все-таки профессор из-за океана. Подарили цветы. Настырные пенсионеры удовлетворяли любопытство у сцены. Несколько деловых людей, разобравшись, быстро ушли. Но Янову в тот приезд удалось таки повидать Артема Тарасова — до известного скандала, устроенного оскорбленным президентом, и даже добиться аудиенции у помощника Шеварднадзе — до героической речи и отставки самого шефа. Это к вопросу

о мифе — не Сашей ли созданном, — что все его политические прогнозы сбываются. Глобальные — может быть... Но тут он сделал ставку не на популярных у президента лошадок, и получилось, как с его советом продать японцам острова: оно, конечно, не помешало бы. Но трудно представить, как Горбачев, Тарасов и Шеварднадзе направляются в одной лодке в Страну восходящего солнца торговать национальным достоянием, а заодно загнать оборонный кабель, на который ушла, если принять в расчет его сечение, вся добытая за семьдесят лет медь.

И все-таки, с улыбкой оценивая безумные проекты Янова, я не верю, что вот так, запросто, он взял да и заложил нас пятнадцать лет назад.

14

Не все отворачивали от нас глаза.

Не прошло и месяца, и меня взяла под крыло по рекомендации Стаса Грачева Нина Иванова, главный редактор «Изобретателя и рационализатора», которой я до того не знал. Взяла из чистого сострадания и глубинной идейной солидарности, внешне ни словом, ни жестом не проявленной. Я забросил трудовую книжку и не появлялся больше в редакции, денег мне как договорнику не платили, но временное прикрытие — чтобы не схватили на улице как тунеядца — появилось. Спасибо ей!

Мы гуляли по бульварам моего детства с Анатолием Стреляным. Я рассказывал, как все было, про «Иваныча-Николаича», Филиппа Денисовича, Лена Вячеславовича. Стреляный молча слушал, соображал. Он тоже заживал в квартиру к Лёну. Мне дал пару дельных мужицких советов. И нет-нет, в самые глухие, душеломные годы, вдруг звонил: как дела? Привет-привет... Спасибо и ему.

Рядом был друг по парте, Колюша Сваровский, это уже само собой. Год от года он мрачнел, тянул лямку, истязал себя самоанализом.

Изредка возникал на горизонте Вовка Чернов, неунывающая птаха. Успел нарожать детей, завести новых кошек и собак исключительно породистых кровей, в духе популярной у генералов войны, «афганцев». Потом он куда-то надолго исчез и вынырнул вновь в конце 87-го, под Новый год. «Я, — сказал, — в «Огоньке», мы тебя зовем». И я пошел. «Шестидесятники» собирались до кучи. Из забывтья проступило мудрое, татаро-монгольское лицо Карякина, он принес мне в «Огонек» свою «Ждановскую жидкость», и начался его политический бег с препятствиями, как гон оленя, прерванный — у Сахарова смертью, у Карякина не прерванный и тремя инфарктами.

Но до того нас ждала еще аудиенция у Главного Жреца, в Политическом Суде Партии. И через четыре месяца бесцельных прогулок и бесполезных поисков места под солнцем нас вызвали в КПК — комитет партийного контроля, — где на пригорке над площадью Ногина, в старинном здании с мрачными коридорами заседают жрецы и жрицы разного ранга. И где еще до кабинета Главного Жреца проштрафившихся партийных бонз, номенклатурных валютчиков и прочих, опозоривших Честь Партии, хватает удар. Нам же предстояло дойти до конца. И предстать пред самые вельможные очи.

Шесть раз меня вызывали и допрашивали уже по-партийному, без церемоний. Три часа допроса — три часа собственноручного доноса на себя, чтобы остались следы. Если что и выпытали, все у них, можно проверить. Но не много преуспели. Мы гнули с Игорем свою

линию: знать не знаем. Что было, то было, а чего не было, того не было. Он читал Бердяева, я провожал Янова — грешны! — но никакого «слова», которое «тоже дело» (автор Карпинский), знать не знаем. Лен Вячеславович говорит, что давал почитать? Это на совести Лена Вячеславовича!

— Вы не искренни перед партией! — кричали мне мужеподобные старухи с жабыми головами и пухлые мужчины, рядовые воины Ордена Святой Кабалы.

Мы в душе соглашались, но в какой уж раз объяснялись в любви к Партии.

Вечером позвонил Лен, попросил заехать. Его, естественно, тоже таскали. И предстояла очная ставка — в том самом Главном Кабинете, но пока без Верховного Жреца. Лен волновался.

— Ну, возьми что-нибудь на себя, — просил он, смущаясь. — Получается, что я оговариваю.

— Нет, Лен! Мы и об этом давно уже договорились. Ты нарушил условие.

— Ну, Лациса — скажи, что читал... Мою статью.

— Нет, старик. Извини. Никакого коллективного самосожжения. Каждый горит один. Как условились. Я так и написал: «Эти утверждения на совести Лена Вячеславовича».

— Так и написал?

— Так и написал.

Утром, в уголочке просторного кабинета, больше напоминавшего зал, нас свели, как боксеров-профессионалов, чтобы мы перед боем поплевали друг на друга, повыкрикивали оскорбления. Из публики — малый жрец и средняя жрица, по обе стороны.

Я помотал головой. Нет, ничего не читал, никакого Лациса, кроме Вилиса, и то плохо помню. И, конечно, никакого «Слова», кроме «О полку Игореве». Лен Вячеславович что-то путает. Разговоры были, на разные темы. Можно повспоминать, если хотите, но никаких запрещенных рукописей. «Но вот ведь Лен Вячеславович утверждает, что давал...» Это проблема Лена Вячеславовича! «Лен Вячеславович, вы подтверждаете, что передавали Владимиру Владимычу...» — «Да... мне кажется... передавал». Нет, товарищи, Лен Вячеславович путает: я брал у него Гэлбрейта, издательство «Мир». И ничего больше! «Ну, может, видели на столе?..» О, Господи, да кто же помнит, что лежало полгода назад на столе, тем более на чужом!

Лёну Карпинскому было труднее, чем нам. Шлейф откровенной беседы с генералом тянулся за ним и заставлял принимать правила игры. Грустно. Мы же своим тупым упорством разрушили замысел. Или что-то изменилось в высших сферах. Но только ставка на политический процесс, а значит, и неперемненное предварительное исключение «из рядов» всей команды отпала. Отрицательных сторон в таком процессе оказалось бы больше. Судить пришлось бы не каких-то отщепенцев, а подручных партии. И в середине многодневного, длившегося месяц, марафона нажим жрецов ослаб. И дело покапало к странному финалу.

Мы, неискренние перед партией, оказались вдруг ей по-сыновьи дороги. А с искренним блудным сыном надо было как-то поступать. Слишком далеко зашел. Уж больно много на себя наговорил. Слово действительно тоже «дело». Особенно если оно заведено и подшито.

На нас стали смотреть как на мелких шельмецов, от которых никому не денешься, но которые — в силу новой установки: не судить обычным судом, а только партийным — оказались со своей изворотливостью даже

выгодны. Значит, нет в рядах советской журналистики крамолы. Никакого обширного заговора. Подручные, как всегда, в основном на верном пути. За дружбу с кем попало накажем. Печенки отобьем, будут поминать. Но климат они нам, то есть мы им, атмосферу единства и все более грандиозного ликования не испортили.

На том и сошлись. И, видно, между КПК и КГБ шли тяжбы. Но победили жрецы.

И перед самым финальным свистком, когда этот матч должен был завершиться, когда нам в ворота должны были пробить пушечным ударом пенальти, а мы стояли с завязанными глазами, мы — смешно сказать — успокоились. Старая ищейка, с тронутыми базедовой болезнью глазами, сказала мне, в напутствие к завтрашнему дню, к встрече с Главным Жрецом: «Не волнуйтесь, я думаю, все будет хорошо!» — и подобие улыбки коснулось ее морщинистого лица.

Я подумал с благодарностью: Боже мой, больной человек, ей, наверное, уже лет сто, а все на службе. И, не понимая, что же будет хорошо, решил: наверное, не исключат.

Но если меня не исключат — Игоря и подавно, он шел вторым номером, за мной.

А для тревоги были основания. Карпинского исключили из партии. Лена метало из края в край, как с палубы на палубу, и он то говорил им: «Вас не поддерживает народ!» И слышал в ответ: «Как не поддерживает? За нас голосует 99,9 процента!» То признавал ошибки, просил оставить в партии, писал Главному Жрецу покаянное письмо, напоминал об отце, друге Ленина. Наконец, надев светлый костюм, пошел, как матрос на последний бой, на партийный суд. Мы ждали его у подъезда. Он вышел, сказал: «Исключили», и мы втроем пошли вниз к набережной Москвы-реки. Кажется, был еще Жорка Целмс.

Через несколько дней настал наш черед. И, расслабленный партдамой, ее «все будет хорошо», я получил первый вопрос: «Почему вы встречались с Карпинским, исключенным из партии?»

Сбитый с толку нелепым вопросом — я же не знал, что его исключат, — я разозлил их ответом. Я смотрел им в глаза, но не видел обещанного понимания. Все складывалось совсем не хорошо. Я произнес самую искреннюю в моей жизни речь и получил оценку: не искренен перед партией. Я сказал, что ничем — ни словом, ни делом, ни прошлой жизнью на сибирской стройке, ни памятью о большевике-отце, ни журналистской работой — не опозорил партию, ту, в которую поверил шахтер и бомбардир в феврале семнадцатого, и ту, которой я поверил после ее XX съезда. И уловка моя вызвана была сложностью: по иронии судьбы я оказался в одной партии с теми, кто меня судил. И вот так, разогрев себя по системе Станиславского, аж до скупой мужской слезы, я искренне промолчал о Солярисе и моих кознях-замыслах. Полагая, что греха в том нет, мы ведь и правда не отделяли себя в ту пору от родной-любимой, не рубили наотмашь, а — следуя меткою выражению Гриши Водолазова: «Мы Маркса им не отдадим!» — верили, что переиначим эту пожирающую нас машину, подвергнем ее конверсии, заставим срезать колоски, а не людей. Проговорив так минут пятнадцать, я, к ужасу моему, вдруг осознал: Главный Жрец, сухой старик с пергаментным лицом, меня слушает. Не перебивает! И я, замолчав и сев, повеселел. Но тут сердце и оборвалось. Начали высказываться жрецы за столом, все семеро, по очереди. И каждый, отмечая и анализируя, завершал одним и

тем же: «Достоин исключения из партии!»

Горестно думал я: открыл им душу, а они, оказывается, все заблаговременно решили. Слеза, не успев выкатиться из глаза, застыла холодной льдинкой. Я озверел. И кто знает, что бы натворил, если бы вдруг меня не подтолкнули и не зашипели: «Встаньте, в самом деле! К вам обращается член Политбюро!»

Я встал, не понимая, что спектакль еще не окончен. И слово за ним, Главным Жрецом Арвидом Яновичем Пельше. Вертя тощей шеей в жестком воротнике, он искал меня глазами. И даже обрадовался, что наконец-то увидел за головами своих подручных, увидел и успокоился.

Пельше сказал: «Да, мы вас накажем... Но, учитывая чистосердечное раскаяние, а также то, что вы еще молоды, из хорошей семьи, хорошо работали, мы оставим вас в партии... Но постарайтесь выбирать друзей. Ну что вы, право, связались... Какие-то подполья. Что, у нас нет газет, журналов для дискуссий? Да, пожалуйста, спорьте! Сколько угодно! Но чтобы вы правильно все понимали, мы вас и накажем, товарищ... Готов».

И тут мой новый крестный отец произнес то, чего я, по правде сказать, и не услышал, а лишь потом узнал. Он сказал, что для идеологической работы я не потерян, могу служить. И я вышел из кабинета не администратором кинотеатра, а по-прежнему журналистом. Мне было позволено.

В дверях, двойных, между которыми образовалась как бы большая, в рост, собачья будка, я лоб в лоб столкнулся с Игорем Клямкиным, который уже входил, подталкиваемый, чтобы не задерживать Жреца. Я успел шепнуть: «Строгий выговор с занесением».

И Игорь пошел спокойно. Значит, ему отсыпят и того меньше.

Отто Лацису отмерили, как мне. Но как проходил суд над ним, я не знаю, мы так и не сошлись близко и встретились много лет спустя на научной конференции, наши кресла в ряду оказались буквально рядом. Я работал тогда в «Глупой Красавице», завершая более чем десятилетний период, в течение которого я должен был «помучиться», а Отто — тогда уже первый заместитель в «Коммунисте» — величина. Его марксистский разбор на страницах «Правды» пороков Юрия Афанасьева дал мне понять, что эти годы не прошли для него даром и он сделал выводы из нашей детективной истории с неудавшимся Солярисом.

С Карпинским, думаю, все сложнее. Свой среди чужих и чужой среди своих, он поступал противоречиво и загадочно даже для самого себя.

Полезнее всего использовал отпущенное нам время сам Игорь. Теперь это философ, политолог, доктор наук, любимый автор либеральной интеллигенции, который иногда ставит ее в тупик своими парадоксальными умозаключениями. На то он и философ!

Я досиживал скверное десятилетие в бесхозном доме, брошенном Моссоветом, обшарпанном, где в холод отключали отопление, а в туалете не было воды, сидел в тесноте и неприбранности и смотрел в окно, под которым, как шмели, гудели алкоголики, позванивая стаканами. Потом они исчезли, началась антиалкогольная кампания, а я все сидел и изготовлял на финской мелованной бумаге «Глупую Красавицу», которую никто не читал. Ее хозяин отважился взять меня на первую в моей новой карьере ответственную работу, за что я ему благодарен, и я был почти счастлив, машинально водя пером, говоря с милыми женщинами полдня друг другу ба-

нальности, и если бы не походы на овощную базу, можно было бы и дальше тянуть резину. Иногда подставлять спину под административный кнут, иногда — что-то вспоминая из прошлой жизни — огрызаться. У нас не было иной цели, кроме воровства времени, чем мы и занимались. Вопрос: на что его потратить?

Время — как в таких случаях выражаются — как бы остановилось. Только сошел в могилу один маразматик — но не зря уронили гроб, опуская в землю, — народился новый, Константин Устинович. Проблеск надежды потух. И я — и прежде не обладая научным предвидением — абсолютно не ожидал «апреля». А в нашем закулке, на нашей помойке еще два мы этого «апреля» не ощущали и, как крестьянин из сибирской глуши, выйдя из тайги, могли бы спросить: «Кто там нынче, ребята, белые, красные?»

Но вернулся мой «сержант» из Афганистана, ринулся в водоворот московских площадей. Это он мне принес новое слово: неформалы. Это с ним я ходил по Гоголевскому, когда он интервьюировал хиппи, очевидцев и жертв едва ли не первого погрома, учиненного курсантами милиции. И он мне сказал: «Папа, тебе не кажется, что ты выпал из перестройки?»

Я вздрогнул, как реанимируемый. А когда пришел в себя от шока, позвонил Чернов и позвал в «Огонек».

Так жизнь, перстом Верховного Жреца, расставила все по своим местам.

Лен вернулся в ряды, а мы с Игорем их покинули, опять плывем в разные стороны*.

Где-то в партийном архиве хранится документ. В нем записано, что мне объявлен выговор с занесением в учетную карточку. И карточка, я думаю, не пропала.

За что же?

Интересная формулировка. Вот, послушайте, — особенно хорошо воспринималось на слух.

«...за притупление бдительности и проявление примиренческого отношения к политически вредным разговорам».

Вникли? Нет? Тогда еще раз — теперь уже глазами, сами перечитайте.

Просту говоря: за недоносительство. Очень, между прочим, ломали головы, как сформулировать.

15

Я пишу эти преждевременные мемуары, чтобы не опоздать. Я всегда уходил раньше срока. Два-три года — и меня нет в редакции. То ли я вырабатывался, то ли меня уже не могли терпеть. Тамара Глоба объяснила: «Вы астрал святого Марка, у вас цикл — два с половиной года. И все начинается сначала».

Иногда я думаю, что держит меня здесь? Ходил по чаплиновскому Нью-Йорку, где Антошка в качестве наемника развивает американский авангардизм — его картины подписывает, как свои, местный предприимчивый миллионер, — ходил вместе с ним и знал, вернусь, куда же денусь. И он вернется.

Но что мне нужно здесь, в моей стране?

Да ничего. Ни ее недр. Ни партийной собственности, которую одни вырывают из рук других. Ни даже признания. Н и ч е г о.

Я претендую — поскольку тут родился — на один квадратный метр ее необъятных пространств. Тот, где под белым камнем ждет меня мой «сержант».

* Л.Карпинский, восстановленный в партии в годы перестройки, все-таки расстался с КПСС, на этот раз добровольно.

Можно ли обижаться на судьбу?

Я писал эту повесть в феврале, между кровавым ливневским «январем» и московским тревожным «мартом», писал в одной стране, а послесловие к ее публикации пишу осенью того же года, но в совершенно иной ситуации и — боюсь сглазить — в другой стране.

В той же самой, но в другой.

Редко выпадает счастье заглянуть за занавес, где скрывается будущее. Мы делаем это сегодня.

Все сошлось! И лидер, которого так жаждал вывести на арену Лен Карпинский, и общенародная дискуссия, и уход с политической сцены некогда всесильной партии, напоминающий бегство, где каждый спасается как может. Этого, правда, не ожидал так быстро никто, разве что Нострадамус.

Получается, вроде бы мы победили. Вокруг пустыня. Как говорил Саид в популярном фильме: «Стреляют». На московских мостовых «мерседесы» и «вольво», на тротуарах и в подземных переходах — нищие. Гордо реет трехцветный флаг над затаившейся в предчувствии голода Россией. И вечный вопрос «что делать?», раздражавший Розанова («Как что? Пришла весна — пахать...»), опять не кажется неуместным. Все спорим, все шумим, вошли во вкус. Не умея хорошо работать, отучились и кое-как.

В редакциях, в прессе всерьез озабочены: как жить дальше, когда всем все позволено? Вот истинная конкуренция: выжить, когда жить позволено всем.

И персонажи моей повести — живые реальные люди — сегодня тоже озабочены этим. Но это — после 22 августа. А 19 августа им предложено было совсем иное: смертельный номер на проволоке, натанутой между кремлевской башней и башенкой «Белого дома».

Лен Карпинский, блистательно финишировавший как публицист в последний перед путчем год, в дни его открыто заявил о том, кто есть кто, а тайно — готовил листовки. Теперь он, в нелегкую для газеты пору, возглавил «Московские новости». Игорь Клямкин, отодвинув на потом академическую науку (уж не марксистскую, разумеется!), взял вместе с Юрием Буртиным и Георгием Целмсом тяжкий труд — поставить на ноги еженедельник «Демократическая Россия», и в злополучные дни, вспомнив наши давнишние опыты в конспирации, они развернули в считанные часы свое подполье.

Меня невероятная новость застала в миропокойном Суздале за размышлением о жизни вообще, о том, копать ли картошку, пока сухо, или подождать, и о том, в частности, какой могло бы быть продолжение этой повести...

Дорога до Москвы была свободна, инспекторы ГАИ не секли за скорость. Первые танки я встретил у мостов. Первый звонок — Клямкину, но он и его газета в подполье. Первое движение — что брать: монтировку или видеокамеру?

Сейчас набралось не меньше миллиона участников защиты «Белого дома». Я видел: их было едва ли несколько тысяч, а точнее — сотен. Меня потрясла атмосфера. Улица перестала быть вакуумом, она жила, а выражение лиц благодаря внутреннему свету было незабываемо.

Так что — все нормально, читатель! Все логично. И то, что мы не подвели, сделал когда-то выбор, хотя не все у нас шло гладко, увы. И то, что рядом со мной в эти минуты был мой младший сын.

Потому что главный выбор сделан не нами. И не на нашей грешной, но прекрасной Земле.

Мы просто постарались понять себя. Только и всего.

Гагик КАРАПЕТЯН

БУМЕРАНГ «ДЕЛА ДЖАНГИРЯНА»

Журналистское расследование истории ареста

майора КГБ Армении

(Продолжение)

«Столица» возвращается к этому делу в третий раз (см. № 6 за 1990 г. и № 15 за 1991 г.). Напомним: после первого выступления журнала Роберта Джангиряна перевезли в конце января 1991 года из Лефортовского в Ереванский изолятор КГБ. Вместе с почти двадцатью томами «дела» и его участниками в армянскую столицу командировали чуть ли не дюжину московских следователей, которые за год с лишним до этого так и не смогли доказать виновность арестованного майора. И тогда, когда мы расстались с читателями «Столицы», и сегодня могу без сомнений заявить: «иностранные» посланцы были наделены функциями контроля над деятельностью коллег в КГБ Армении, чтобы не допустить уход в сторону от курса центра, занятого им до и после ареста Джангиряна. Досконально изучив гору документов, побеседовав с людьми, знающими Роберта Григорьевича и имеющими отношение к «делу» с обеих сторон «баррикад», я пришел к безусловному выводу: главной «виной» его стало сочувственное отношение к карабахскому движению, а основной целью финишировавшего минувшей весной следствия — создать более громкое, чем «кремлевско-узбекское», дело о разоблачении так называемой армянской «мафии».

Из письма Р.Джангиряна, написанного в следственном изоляторе (Ереван) и присланного мне 13 июня 1991 г.:

«Пишу с чувством признательности и благодарности за то, что делается вами для торжества справедливости в «деле», уже известном многим благодаря вмешательству «Столицы». Зная, что оно под контролем редакции, сообщаю в общих чертах о результатах следствия.

Даже человек, не искушенный в юриспруденции, сделал бы вывод о сфабрикованности «дела». Инкриминируемые мне все четыре эпизода не доказаны, в них отсутствуют события или состав пре-

ступления. Несмотря на ходатайства, умышленно не допрошен свидетель по первому эпизоду, чьи показания могут дополнительно опровергнуть версию обвинения. В этих же целях не проводилась очная ставка с другим важным свидетелем. По второму эпизоду, о существовании которого мне стало известно... последний день следствия, осознанно в течение года (!) не допрашивался основной свидетель, чтобы после его выезда на постоянное жительство в США сослаться на невозможность его допроса, апеллируя против меня сфабрикованными показаниями только одного человека. Причем события данного эпизода происходили в дни моего отпуска, то есть я практически не мог в них участвовать. По третьему эпизоду игнорированы ходатайства об очных ставках со «свидетелями» из КГБ Армении, несмотря на явные противоречия в их показаниях. Некоторых из них принуждали к даче ложных показаний угрозами, «промыванием мозгов» сначала в отделе кадров, а затем в следотделе КГБ Армении. А четвертый эпизод с обвинением в распространении мною порновидеокассет настолько абсурден и возмутителен, что об этом не нахожу нужным писать подробнее.

Не проведена крайне необходимая очная ставка с одной из обвиняемых. Причина? Во время нашего первого общения она убедилась, что ее обманом настроили враждебно против меня. Следователи КГБ Фролов и Оганесян лишили меня и обвиняемую присутствия адвокатов на этом важнейшем следственном действии, ожидаемом полтора года. Несмотря на ходатайство, они не сделали видеозапись единственной очной ставки, чтобы не было свидетелей вахмалки произвола и беззакония. Они пытались дублировать отпечатанный протокол очной ставки т.н. «компьютерной распечаткой» для искусственного создания доказательства обвинения. А когда

следователи были пойманы мною с поличным, они поспешно уничтожили дубликат. И все это происходило с ведома надзирающего сотрудника военной прокуратуры Закавказского военного округа С.Устинова, начальника следотдела КГБ Армении В.Саргсяна...»

Из жалобы адвоката Джангиряна А.А.Сарумова, адресованной 5.10.91 председателю КГБ республики Армения У.С.Арутюняну:

«...С целью предупреждения дальнейших нарушений закона в феврале—91 я приехал в Ереван для встреч с начальником следотдела Саргсяном В.Г., его замом Варданяном Г.С., старшим следователем Оганесяном Э.П.

Я рассказал этим трем подполковникам во всех подробностях о нарушениях законности по делу Джангиряна со стороны их коллег из центра; просил их быть предельно внимательными, ознакомиться с моими ходатайствами и жалобами, имеющимися в деле, со статьями в «Столице», а также других изданиях, где приводились факты грубых нарушений по этому делу. Кроме того, я просил Саргсяна и Оганесяна, в соответствии с законом, заранее телеграммой известить меня об очных ставках, предъявлении нового обвинения и иных следственных действиях с участием Джангиряна. Саргсяну и Оганесяну было хорошо известно, что они не имели права проводить их без участия защиты, т.е. меня.

В конце марта—91 я получил долгожданную телеграмму о прибытии в Ереван для участия в стадии окончания следствия. Тогда же мне стало известно: я был заведомо обманут Саргсяном и Оганесяном, а именно: очная ставка Джангиряна с Налбандян и новое обвинение предъявлено ему в один день — 9.3.91. Таким образом, по вине указанных должностных лиц Джангирян был лишен права на защиту, а я — конституционных обязанностей по ее существованию...»

Из-за дефицита журнальной площади нет возможности раскрыть всю «кухню» наших доблестных следователей бывшего КГБ бывшего СССР и КГБ уже довольно давно суверенной Армении... Приведу один только штрих. В № 15 «Столицы» за 1991 г. мы цитировали рассказ Р.Акопян о действиях следователя Ю.Наскрипняка. Так вот, по утверждению помощника начальника следотдела КГБ СССР А.Никифорова, Роза Акопян ввела всех нас в заблуждение, о чем он тут же доложил своему руководству: мол, следователь Наскрипняк в ноябре 1989 года вообще отсутствовал в Москве. Простите, но, как мне сообщили и Р.Джангирян, и А.Сарумов, кто же тогда проводил допросы и подписывался «Ю.Наскрипняком» 3, 4, 10, 13, 20, 23, 28 и 29 ноября (том дела 1, листы 182—227)? Дальше — больше.

Из жалобы А.А.Сарумова председателю КГБ РА У.С.Арутюняну:

«...Саргсяном и Оганесяном не выполнены письменные указания заместителя Главного военного прокурора (ГВП), генерал-майора юстиции Фролова В.С., направленные начальнику следотдела КГБ СССР генерал-майору Расторгуеву В.Н. 8.01.91. В них констатируются многочисленные недочеты следствия по делу Джангиряна и других. Отмечается: следствием не выполнено 15 пунктов из письменных указаний от 25.07.90 надзирающего прокурора ГВП, подполковника юстиции Зыбцева В.А. Кроме того, в письме генерал-майора Фролова отмечается, что с делом Джангиряна знакомился старший помощник ГВП генерал-майор Провоторов В.Т., составивший спецправку 18.10.90, а начальник Управления ГВП генерал-майор юстиции Борискин А.Е. направил письмо в следотдел КГБ СССР о недочетах следствия по делу Джангиряна и др...».

Из определения распорядительного заседания военного трибунала энской воинской части Ереванского гарнизона от 20.9.91:

«...Уголовное дело по обвинению Джангиряна Роберта Григорьевича (ст. 185, ч. 3 и 288 УК РА)... вернуть для дополнительного расследования военному прокурору Закавказского военного округа. Мера пресечения в отношении обвиняемых Джангиряна и др. — заключение под стражу — изменить на подписку о невыезде с постоянного места жительства. Из-под стражи освободить немедленно...»

Представляю, как восприняла это решение «команда» следователей КГБ. Кстати, освободили Джангиряна из-под стражи накануне общереспубликанского референдума о независимости Армении. И, имея в руках тюремную

справку — «заменитель» паспорта, он на следующее утро проголосовал так же, как и почти все его соотечественники, лелея в душе надежду на подлинно независимую правоохранительную систему республики.

А в Тбилиси я имел достаточно откровенные беседы с руководителями окружной военной прокуратуры и трибунала (по их просьбе — «не для печати»). Спрашивал их о прогнозах, дальних и ближних, по «делу Джангиряна». И каждый раз слышал одинаковый ответ: суд и только суд расставит все и всех по местам. К сожалению, журналистов не принято приглашать на распорядительные заседания суда. Поэтому я могу лишь предположить, сколько промахов следотделов КГБ СССР и Армении обнаружили ереванские полпреды военной юстиции. Как бы там ни было, аргументы Определения оказались настолько убедительными, что, не дожидаясь установленного законом недельного срока, ни одна вышестоящая инстанция не опротестовала его.

Из определения распорядительного заседания военного трибунала энской войсковой части Ереванского гарнизона от 20.9.91:

«...Поскольку в ходе расследования данного дела не было принято всех предусмотренных законом мер для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, для чего требуется совершение следственных действий, направленных на отыскание новых доказательств и в таком объеме, что их выполнение в суде не представляется возможным, а также в связи с существенными нарушениями требований уголовно-процессуального закона, препятствующих рассмотрению дела судом, оно подлежит возвращению для производства дополнительного расследования...»

По моим подсчетам, два десятка толстенных томов в сопровождении и под охраной соответствующих лиц уже четырежды курсировали между Ереваном и Тбилиси. И вполне возможно, что военный прокурор ЗакВО поручит «доставить дело» следотделу КГБ Армении, то есть оскандалившимся на всю республику и страну «бракоделам». А получив из трибунала убористый пятистраничный «счет» своих грубейших, мягко говоря, огрехов и стремясь во что бы то ни стало их замазать, залатать, заскоблить, они могут наломать таких дров, что пламя придется тушить долго и многим. Хотя, справедливости ради, замечу: «дело Джангиряна» все-таки могло быть закрыто чуть ли не с первого дня его появления на свет.

Из жалобы адвоката А.Сарумова

председателю КГБ РА У.Арутюняну:

«...По заявлению сотрудников следотдела КГБ СССР и подполковника Саргсяна В.С. основанием к аресту Джангиряна в октябре—89 послужили якобы выделенные материалы из уголовного дела по обвинению бывшего заместителя управделами Совмина Армении Мирзояна В.Л. и др. (Любопытные могут направиться в Верховный суд Армении, где с недавних пор слушается это не менее марафонское дело. — Г.К.) Эти материалы приобщены к «делу Джангиряна». Однако при ознакомлении с ними никаких данных, послуживших основанием к его аресту, там нет. Ссылка Саргсяна на наличие каких-то оперативных материалов (вероятно, речь идет о подслушивании и иных «методах» наших чекистов. — Г.К.), дающих повод для подозрения Джангиряна в совершении неизвестных противоправных действий, юридически безграмотна и, мягко говоря, звучит странно в устах начследотдела республиканского КГБ...»

Видимо, немалую лепту для справедливого исхода «дела» мог бы внести нынешний руководитель КГБ Армении Усик Суренович Арутюнян. К появлению этого «дела» на свет он не имеет никакого отношения, но сегодняшние события происходят все-таки в руководимом им комитете. А события, например, такие:

Из жалобы адвоката А.Сарумова председателю КГБ РА У.Арутюняну:

«...Яркой иллюстрацией должностного преступления сотрудников следотдела является следующий факт. 10.10.89 при обыске квартиры Джангиряна был изъят морской кортик исключительно музейной ценности его покойного отца, ветерана Великой Отечественной войны. В феврале и марте—91, будучи в Ереване, я неоднократно обращался к Саргсяну с просьбой (хотя мог не просить, а требовать) вернуть кортик семье ветерана, в частности его жене, т.к. кортик никакого отношения к Джангиряну не имеет. Саргсян обещал и, как выяснилось позже, обманул меня, что для него характерно. С целью присвоения кортика сотрудники следотдела КГБ РА произвели ряд фальсификаций: 5.2.91 состоялась никому не нужная экспертиза, призвавшая кортик холодным оружием, о чем было известно и без этого. 17.2.91 составляется акт об уничтожении кортика, а 4.3.91 следователь Оганесян Э.П. выносит также никому не нужное постановление о прекращении этого эпизода в отношении Джангиряна. Вся эта безграмотная юридическая возня была нужна только для того, чтобы кому-то из должностных лиц присвоить ценный

кортик — реликвию семьи ветерана войны.

Уверен, что руководству КГБ РА трудно установить авторов очередной фальсификации, выявить, кто присвоил кортик. Для сведения сообщая (о чем должно быть известно подполковникам юстиции Саргсяну и Оганесяну), что любой предмет, признанный вещественным доказательством по уголовному делу (каковым кортик не является), может быть уничтожен только по приговору суда, вошедшему в законную силу. Причем в законе (ст. 89 УПК РСФСР — соответствующая статья УПК РА) сказано: «Вещи, не представляющие никакой ценности и не могущие быть использованы, подлежат уничтожению, а в случае ходатайства заинтересованных лиц могут быть им выданы». Совершенно очевидно, что «уничтожение» кортика — фикция...»

Чем же объяснить надругательство над памятью отца Джангирияна? Чем объяснить, что до сих пор не возвращены автомашина, купленная в свое время отцом Роберта для поездок парализованного внука в школу и лечебные заведения, и телевизор, обеспечивавший учебные занятия ребенка?

Из письма Р. Джангирияна, написанного в следственном изоляторе 13.6.91:

«...Пусть не складывается впечатление о моей болезненной тенденциозности ко всем следователям КГБ, общавшимся со мной. Есть среди них и порядочное меньшинство: Арестов Н., Волобаев С., Брутян Вазген, Саргсян Левон и др. ...После всего, что видел, испытал, можно ли верить в торжество справедливости? Наверное, «да», но для меня стало аксиомой: ложь в уголовном деле, если она соответствует версии обвинения, пробивает себе дорогу без сопротивления. Подкиньте следователю ложный факт, и он всеми средствами «докажет» мнимую истину, ибо дана установка только на карательный результат. Не помню случая, чтобы следователи получали вознаграждения за оправдательный вердикт. Презумпция невиновности для них — миф...»

Итак, «дело Джангирияна» продолжается. Продолжается и наше журналистское расследование.

Москва—Тбилиси—Ереван

О загубленных талантах, гудящих лампочках, происках почившего КГБ и прочих трансмутациях

(из неопубликованной почты «Столицы»)

В люстру моей спальни вмонтированы телекамера и микрофон. Я ночью постоянно ощущаю, что они за мной наблюдают. Однажды ночью я этого не выдержала, подскочила с постели в чем была и выбежала вон из квартиры, спряталась на лестничной площадке за мусоропроводом. И тут (это в три-то часа ночи!) включается лифт и едет вверх. Лифт останавливается на моем этаже, и я ясно слышу разговор: «Как же вы могли ее упустить?» «Сам не пойму, товарищ полковник, куда она делась...» После этого лифт уехал, а я провела остаток ночи у мусоропровода.

Прошу вас, как последнюю надежду мою в этой стране, прекратить произвол и беспредел в отношении меня. В противном случае буду вынуждена обратиться с подобной же просьбой к Пересу де Куэльяру.

Дело в том, что у нас за стеной (в 192-й кв.) живет молодая соседка, которая нигде не работает и не учится. Днем отсыпается, а ночью хулиганит. Орет, визжит, хохочет, лает, воеет, бросает мебель, всю ночь напролет бегаёт на балкон курить и так грохает балконной дверью, что у нас дребезжат стекла и сыплется штукатурка. Что вы посоветуете?

В 23.30 пришел высокий улыбающийся мужчина в белом халате. В левой руке он держал круглую блестящую металлическую коробку, в правой — саквояж. «Вызывали?» — спросил он. Я ответил: «Нет» — и закрыл дверь. Тогда он позвонил к соседям в 85-ю квартиру. Они тоже не вызывали — я наблюдал в глазок. Сосед тоже закрыл дверь.

В последнее время сотрудники КГБ, установившие за мной тотальную слежку еще два года назад, потеряли всякий стыд и совесть: они начали настоящую технологическую и психологическую войну против меня и членов моей семьи.

Примерно месяц назад на мне начали эксперименты с неизвестным науке и широкой демократической общественности оружием. Озверевшие гэбисты подключают какие-то свои установки к радиопроводке и телефонной сети моей квартиры и воздействуют на мою психику ультракороткими электромагнитными волнами. В результате этого у меня ежевечерне — кроме субботы и воскресенья (видимо, у них тоже есть выходные) — обостряется радикулит, ноет и болит все тело, разламывается голова. От этого страдаю не только я, но и мой сын и моя невестка.

Хочется напиться допьяна И запеть на всю ивановскую, Потому что люди не пьют давно, Хотя природой это им дано.

Я пишу басни, но мне отказывают в печатании. И лишь одну напечатать в «Крокодиле» в рубрике, которую будто бы я предложил: «Требую напечатать!» — оскорбив меня графоманом. Но рубрику тут же закрыли, не опубликовав ни одного отклика.

Администрация ИТК зачитала нам: так как в зоне участились пьянки и браговарение, то сахар на руки эску

не выдавать, а растворять в чае. А что мне делать, если я непьющий? Чай также не приучен с детства пить. А привык съедать сахар. Со 2 июня 1991 года я чай не беру, а стоймость сахара с меня вычитают! Где же справедливый, гуманный закон?

Сегодня министр у меня отнял сахар, а завтра издаст приказ о расстреле меня, как не вставшего на путь исправления. Выходит, если я осужден на длительный срок и на мне роба особо опасного рецидивиста, то я не человек?

Женщины в бывшем моем отделе, когда увидели по ТВ, какие тюрьмы в Германии, плакали и кричали: «Хотим всей семьей в такую тюрьму пожизненно». Так если я лишняя в своей стране, выдайте мне заграничный паспорт. Чисто биологическое существование меня не устраивает, мне надо жить во все стороны. Поэтому прошу всех честных людей из независимых организаций откликнуться на мою беду и помочь мне выехать в одну из стран: США, Данию, Швецию, Австрию, Австралию или Швейцарию.

Год я плюю в Горбачева, а он улыбается.

Трансмутация будет продолжаться до 11 декабря 1995 года. За это время пожилое население Земли помолодеет до 30 лет, а дети будут взрослеть до 20 лет. Люди все будут красивыми. Темного цвета кожи не будет — она будет молочно-розовая, персикового цвета. Кудрявые волосы (на выбор), цвет глаз — от голубого до темно-голубого и от зеленого до темно-зеленого.

Кроме добрых мыслей и дел, для успешной трансмутации нужно еще условие — ни в коем случае нельзя употреблять наркотики, спиртные напитки, курить. Из пищевого рациона исключить продукты — рыбу, мясо, яйца. Не злоупотреблять острыми, солеными, сладкими продуктами. Не загорать!

Для оправдания производится травля-слезка, чтобы я где-нибудь сорвался, а люди убедились, что я будто бы больной. В магазинах подсовывается отравленная пища. В универсаме, например, подходит моя очередь — к продавцу заходит

мужчина. Тут же объявляется: «Масло кончилось». На другой день опять на мне масло кончилось. На третий день мне продали отравленное масло. Все отравленные продукты я храню для доказательства.

Недавно подумал: проверю, кто находится в 90-й квартире днем, надо мной. Позвонил. Никто не открывает, хотя слышно движение. Когда я пошел по лестнице, дверь открылась и высунулся голый, в трусах, мужчина в белой кепке и в черных очках (темных).

Сопровождают в транспорте. Например, сойдешь — и тут же в другую дверь. И осведомитель проделывает то же. Или когда ждешь автобус. Пропустишь несколько, определишь осведомителя. А потом совсем неожиданно побегуешь не к маршрутному, осведомитель — прыг, потом — торк, но дверь уже закрыта.

Письма читала Елена САЛИНА

Из последнего. В течение двух недель гудела над столом лампочка, мешая слушать радио и телепередачи. Я стал об этом всем рассказывать и звонить — лампочка прекратила гудеть.

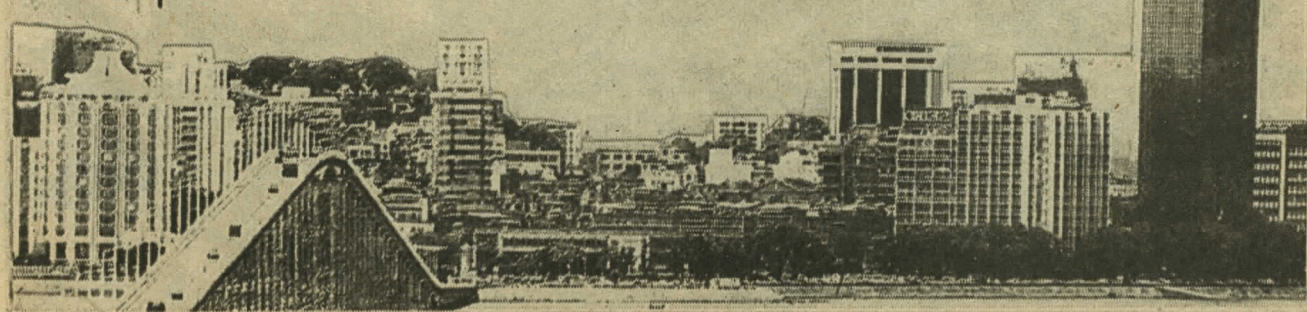
Вот вам и КГБ. Обо всем, конечно, не напишешь...

АГРИА

АО «АГРИА» Предлагает курс менеджмента «ТОРГОВАЯ МИССИЯ В СИНГАПУРЕ».

За 7-10 дней перед Вами
раскроются тайны коммерции
ведущих фирм Сингапура.

Тел. 511-89-90.

ЛЕТОПИСЬ-91

Продолжаются шахтерские забастовки по всей стране. Москвичи отправляют продуктовые посылки в помощь бастующим горнякам.

«Павловское» повышение цен.

Один из самых юных миллионеров Страны Советов — Герман Стерлигов.

Сорок шестая годовщина Победы. А ветеранов все меньше. А жить им все труднее...

Софи Лорен — единственная суперзвезда, почтившая своим присутствием умирающий Московский кинофестиваль.

Первый всенародно избранный президент России — Б.Н.Ельцин.

...шению
991 году

РОДНЫЕ, БЛИЗКИЕ, ЧУЖИЕ...

Новый год — семейный праздник. Вот и собрались за праздничным столом родственники и близкие, и дальние: тещи, зятья, кузины, золовки, снохи, девери, шурины, родные и внучатые племянники. Старшее поколение еще немного ориентируется в том, кто и кому кем доводится. Младшим приходится труднее. О том, что свекровь — мать мужа, еще кое-кто знает. Отец мужа — естественно, свекор. И о том, что мать жены приходится зятю, то есть мужу дочери, тещей — тоже. Отец, естественно, — тестем. А вот кем приходится друг дружке матери молодых? Свастьями. А отцы? — Сватами.

Свастьями и сватами могут также называть друг друга все родственники без разбору, со стороны жены и мужа.

Зять — не только муж дочери. Это еще муж вашей сестры. И муж золовки.

А золовка — сестра вашего мужа.

Не запутались? О, это еще только начало! Невестка — это прежде всего жена сына. Но и жена брата тоже. И жена брата мужа, которого обычно зовут дееврем. И, наконец, смело зовите невесткой жену брата жены. Ведь брат жены вам приходится шурином. Родной человек!

Свояченица — тоже очень близкая родственница: это сестра жены. Свояк — ее муж.

А сноха — жена сына.

Принято думать, что мачеха и отчим — неродные. Это не так. Чаще всего мачеха любит детей своего мужа, а отчим — детей жены от первого брака. Иначе зачем бы они женились и выходили замуж за вдовых?

Крестный отец и крестная мать к родным не относятся, их принято считать чужими людьми, но если вы вашего ребен-

ка крестили, то, по обычаю, крестные родители для него и для вас все равно что родные.

Бывает, что у мужа и жены нет родителей. Тогда в свадебном обряде их роль исполняют посаженные мать и отец.

Ну а то, что племянники и племянницы — дети ваших сестер и братьев, всем известно. Если же у ваших сестер и братьев есть уже внуки — значит, это ваши внучатые племянники и племянницы.

Все это — довольно близкие люди. К седьмой воде на киселе с полным правом относятся троюродная бабушка (двоюродная сестра бабушки), троюродный внук (сын вашего двоюродного племянника или племянницы), четверюродный внук — внук вашей троюродной бабушки...

Если мы и сами запутались, пусть нас поправят...

БЕЗ КОРМИЛЬЦА

ЗА ПРАЗДНИЧНЫМ СТОЛОМ НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ТЕХ, КОМУ СЕЙЧАС ХУЖЕ, ЧЕМ ВАМ.

Наша семья в 1937 году была лишена нашего кормильца, который погиб в сталинском ГУЛАГе на стройке Беломорканала, полностью разграблена коммунистами. Впоследствии еще три члена семьи нашли свою смерть в различных ЛАГах — совершенно безвинные. Одиннадцать лет сталинские выродки и их прихвостни издевались над беззащитной женщиной и ее тремя детьми — с 1937 по 1948 год; выгнали несчастную семью из ее собственного дома, отобрали все имущество, даже носильные вещи, и заставили трудиться бесплатно в колхозе. Все это произошло в деревне Щербово бывшего виноградского, ныне Воскресенского района Московской области.

В августе 1971 года глава нашей семьи был реабилитирован Мособлсудом, но, кроме грязной бумажки, мы ничего более не получили, хотя непрерывно обращались во все инстанции Советской власти — 20 лет, с 1971 года — с требованием вернуть нам стоимость всего награбленного и выплатить компенсацию за этот страшный, сравнимый только с гестаповским, террор и насилие со стороны Советской власти над нашей

невинной семьей. Но в ответ звучали угрозы скрытые и явные, как из рога изобилия сыпались отписки.

Мы писали в ЦК КПСС, в апреле 1990 года были там два раза на приеме, но наше письмо главные коммунисты страны передали в Прокуратуру СССР, а из прокуратуры нам прислали его обратно с ответом: «Прокуратура Союза ССР. 19.12.90 г. № 13/277—82 г. Бонареву Евгению Ивановичу, Бонаревой Наталье Ивановне.

Ваши заявления и телеграмма, адресованные в Прокуратуру Союза ССР, рассмотрены. С учетом Ваших настоятельных просьб руководство Прокуратуры Союза ССР возбудило ходатайство перед исполкомом Московского областного Совета народных депутатов о предоставлении Вам в порядке исключения (выделено ред.) некоторых льгот, и в частности о прикреплении к продовольственным и промтоварным магазинам по месту жительства. Кроме того, Прокуратура Союза ССР обратилась с просьбой об оказании Вам необходимой материальной помощи в Министерство социального обеспечения РСФСР... Заместитель начальника управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности старший советник юстиции Л.Ф.Космарская».

Госпожу Космарскую, вероятно, распи-

рает гордость, что она оказала нам «помощь». А эта «помощь» и так называемые «льготы» вылились в 300 р. единовременной помощи со стороны местного исполкома и в «прикреплении» к магазину, где один раз в месяц можно приобрести кусок тухлой вареной колбасы.

Мы посылали во многие газеты просьбу, чтобы напечатали наше объявление:

«Уважаемые соотечественники, бизнесмены, состоятельные люди, помогите материально двоим тяжело больным обездоленным людям — матери и сыну, жертвам сталинского террора и насилия, погибающим от голодной смерти в нищете, они только двое остались живы из большой семьи, и Бог воздаст Вам за Вашу доброту.

Адрес: 141400, Московская область, г. Химки, улица Мичурина, дом 17, квартира 42».

Помогите нам, пожалуйста. Может, вы напечатаете наше объявление, а люди пусть только его прочитают — и мы уверены, что найдутся такие, которые захотят нам помочь.

Наталья Ивановна Бонарева — 85 лет, пенсия 110 рублей.

Евгений Иванович Бонарев — 54 года, инвалид 1-й группы по онкологии, пенсия 104 рубля.

Недавно я купила новую кухонную плиту, а в свободной продаже в канун Нового года только приправа «Кориандр». И что класть между плитой и приправой, неизвестно. ...Когда что-то выбрасывают, это сразу видно издалека: к стене магазина лепится неподвижная очередь, в которой обычный человек проводит все свое свободное и служебное время. Я же люблю охотиться недолго, набегам — вдруг повезет? Но в канун Нового года — куда денешься? — я провела в очередях целый день. Тот день я начала с того, что встала в

ОЧЕРЕДЬ ЗА ВОДКОЙ

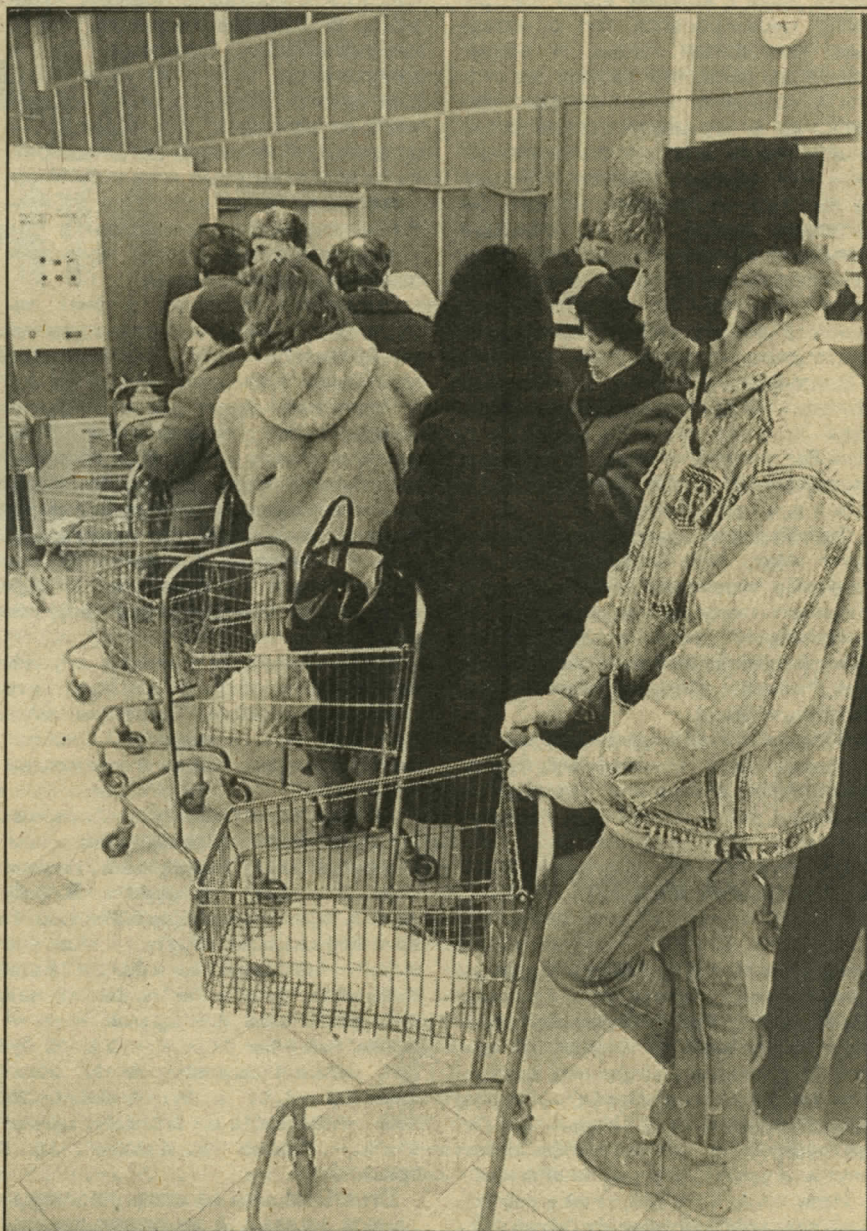
Представьте, нам с мужем удалось застать тот момент, когда к магазину подошел грузовик! Магазин у нас под окнами. Муж быстро оделся, спустился и занял свой пост в хвосте уже собравшейся, но все же не умопомрачительной очереди. Мы с мамой следили за ним из окна в бинокль, чтобы не пропустить, когда он даст мне отмашку: спускаться вниз. И когда он, наконец, широко, по-маршальски взмахнул в направлении наших окон на двадцатом этаже, я тоже помчалась вниз.

Муж представил меня стоявшим рядом с ним мужчинам: «Моя жена». Они вежливо кивнули, расступились, и я сразу стала частью отряда, честно продвигавшегося к цели, где каждый знает «своих», свое отделение — как на войне. И здесь тоже оказались враги — те, что маячат сбоку очереди. И чем ближе к дверям, тем их становится все больше. Они облепляют передовой отряд, как навозные жуки, и жужжат: «Ну возьми, возьми...» А когда им отказывают, начинают свирепо материться и угрожать. Словом, чем ближе к двери, тем обстановка становится все невыносимей, все горячее. «Иди домой», — сказал муж,

Татьяна ЛЮБЕЦКАЯ

ПОСЛЕДНИЕ,

или Как я собирала новогодний стол

когда мы вошли в опасную зону. «Нет», — ответила я.

Итак, мы вошли в опасную зону. К нам немедленно стал липнуть какой-то тип в лыжной шапочке, по кругу которой было начертано: «Спорт-спорт-спорт». Хотя физиономия его ясно требовала «водки! водки!». Он попытался застенчиво ввинтиться в очередь передо мной (ставка на «слабый пол»), но муж резко отжал его плечом и послал... в конец очереди. Он, однако, совету не внял и остался маячить сбоку, подыскивая другую лезейку в рай.

Между тем за несколько человек перед нами в колонну вдруг быстро, нагло вмонтировался тип с потертым, хитроватым лицом, и вокруг тотчас заорали, что он «тут не стоял» и «позовите милиционера». Милиционер в тот момент свирепо вычищал другое звено, но на крики «наших» моментально прибежал и с ходу вытащил из очереди... не того. Он вытащил «честного», не обращая внимания на его обморочные закидоны головой и не по-мужски тонкий крик: «Я стоял!». Тот же, кто вперя, невозмутимо остался в колонне — будто дело не мое и даже сплюнул в сторону вытащенного. Все это было так чудовищно несправедливо, что...

— Вы не того! — вдруг крикнула я милиционеру. — Он же стоял! А не стоял вон тот, в кепке!

Окружающие дружно поддержали меня. Мгновенно среагировав, милиционер подскокил к потертому, с помощью очереди выкинул его, до мостовой, а незаслуженно наказанный обиженно занял свое законное место. Справедливость во стооржествовала.

Воодушевленные добычей, мы расстались: муж с четырьмя бутылками пошел домой, а я отправилась на охоту...

...ЗА МЯСОМ

В этом году слухи о грядущих безумных ценах и о неминуемом голоде совершенно заматали и затуманили головы москвичей. И у продовольственных магазинов, невзирая, разумеется, на мороз, выстраиваются чудовищные очереди часто лишь затем, чтобы войти внутрь и узнать, что там ничего нет.

Итак, стою я на Тверской в гастроном незадолго до его открытия пос-

ле обеденного перерыва. Честная очередь и здесь покорно-мрачно лепится к стене, а у дверей — широкое, бурлящее устье. Там скопились те, кто, лишь только откроют дверь, начнет переть в нее без всякой очереди. Женщина, стоявшая впереди меня, возмутилась «этим безобразием», я ее поддержала. Женщину звали Оля...

Нас сдавило внезапно — как только открыли магазин. К толпе, уже напиравшей на двери, в тот момент присоединились еще десятки откуда-то набежавших людей, и чудовищным валом нас с Олей втащило в магазин. Кто-то истошно закричал, кто-то протяжно завопил: «Упа-а-а!». В магазине творилось что-то невообразимое. Продавцы, боясь приблизиться к прилавку, за которыми грозно бурлила стихия, кидали мясо на прилавок, как собакам, — издалека, и началась свирепая битва за куски, которые хотя и были расфасованы, но от швыряния и борьбы на лету разворачивались, и вид у этих летающих кусков логически завершал картину битвы.

Внезапно несколько человек забежало за прилавок, и тотчас за ними бросилась толпа — и прилавок зашатался, затрещал...

Через пять минут после открытия магазина все было кончено. Прилавок был чист и пуст, а разгоряченные битвой люди, оторопело озираясь, приводили в порядок смятую одежду. Мы с Олей друг другу улыбнулись — нам не досталось ничего. Мы застряли на подступах к кормушке. Оля нашла на полу свою лисью шапку...

В настоящем бою иногда случается затишье: противники ждут, кто выстрелит первым. Такое же затишье наступило в магазине. Оно было обманчивым. Как и в настоящем сражении.

«А еще мясо будет?» — осторожно спрашивали оставшиеся ни с чем, и продавцы с замкнутыми лицами отвечали: «Нет, не будет». Я собралась было уходить, но Оля коротко и зло сказала: «Врут». — «Как это врут? — не поняла я. — Зачем? Если мясо есть, не все ли им равно, нам оно достанется или другим?» — «А затем, что если скажут, что мясо будет, магазин разнесут. А так большинство уйдет и будет поспокойней». — «И когда же его могут принести?» — «Через час, а может, через три...»

Стоять часами со столь неопределенной надеждой на успех показав-

лось мне бессмысленным, и я решила обратиться к заведующей, полагая, что не будет же она — официальное лицо — бесстыдно врать. Но она твердо заверила меня: «Сегодня не будет». Сообщив приговор народу, я снова собралась уйти, но Оля снова отрубилась: «Врут».

Стоим, стоим — ничего. И никакой информации... «Все, больше не могу, — говорю я Оле, — столько дел...» — «Ну еще немного, вот увидите... Ну я ручаюсь», — говорит Оля, и я сдаюсь...

Томясь от бездействия, я время от времени все же предпринимаю атаку на продавщицу: «Будет?..» — «Нет, не будет...». И снова: «Ну что вы молчите, как на допросе, мы же не враги! Мы стоим уже четыре часа!» — сказала я. И вдруг непроницаемый целлулоид лица одной из продавщиц как-то теплеет, становится сочувствующим (не привиделось ли мне?), и она делает мне знак глазами, мол, в сторонку отойдем, кое-что тебе скажу. Какие-то секунды я колебалась — почему в сторонку и какие секреты могут у меня быть от родной уже очереди? Но затрепетавшие мои товарки дружно подталкивают меня: «Иди же скорей, она тебе все скажет!»

Я иду, куда меня влекут — в угол, подальше от людей. «Скоро мясо принесут, — страстно шепчет мне девушка-продавщица, — только никому не говорите, а то магазин снесут и нас поубивают...». Я горячо благодарю ее и иду к «своим», тем женщинам, с которыми мы сжились за эти часы в очереди. Я сообщаю им оглушительную весть — могла ли я утаить ее от них? И они тотчас приобретают замкнуто-отсутствующее выражение лиц, точь-в-точь как у продавщиц, понимая всю опасность свалившейся на них тайны. Но она все равно ползет по магазину, и вот уже вся очередь оживает, загорается, как переполненный зрительный зал после третьего звонка: сейчас начнется представление! И я уже знаю, что это будет за «спектакль». Пока что очередь еще достаточно выдержанна и спокойна, хотя кольца ее и начали уже произвольно двигаться в сторону прилавка. Но лишь только продавцы начнут метать мясо, вся она мгновенно превратится в оруще-дерущую толпу. Мы с Олей находились на самом опасном участке — у прилавка, на передовой.

Мы еще ждали, мы еще не верили — как вдруг из двери подсобки по-

казалась тележка с мясом! Прямо оттуда, от двери, продавцы начали его швырять на прилавок! И началось!..

Все кишело, вопило и дралось. И меня так прибило к прилавку, что я не только не могла нагнуться за мясом, но даже шевельнуться или вздохнуть. Рядом счастливо стонала Оля, которую почему-то прибило вниз головой — зато были свободны руки с корзиной. И в таком стран-

ном, но очень выгодном положении она не просто брала, но выбирала понравившиеся ей куски и укладывала их в корзину — для себя и для меня (ведь мои руки были прижаты к прилавку, а хватать зубами я не научилась).

Через пять минут все снова было кончено, и тогда считать мы стали раны, товарищей считать.

...Что такое вообще очередь? Это

когда вы подходите к группе совершенно незнакомых людей и неприужденно осведомляетесь: «Кто последний?» — и тотчас сами становитесь последним, с тайною, впрочем, мечтой оказаться когда-нибудь впереди.

Кто последний? Сейчас вы. А теперь я. А теперь снова вы... Мы все последние. А там, где нет очередей, — все первые.

ЛЮДИ И ЦИФРЫ

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Лучше всех питаются и красивее всех одеваются сотрудники Государственного комитета СССР по статистике. И они пытаются нас уверить, что всем так же хорошо, как им...

Совершенно серьезно в официальном пресс-выпуске заместитель председателя этого почтенного учреждения Н.Г.Белов утверждает, будто производство продуктов питания сократилось всего на 8,3 процента. То есть 91,7 процента продуктов питания продается в магазинах. Ну, например, хлеб, мука, макаронные изделия, производство которых несколько не сократилось по сравнению с 1990 годом. Между тем в Москве, Твери, Петербурге, Калуге — да всюду! — макарон, вермишели, муки жители не видели давненько. Почти везде на эти обычные, ходовые товары выданы карточки. Даже на хлеб.

Товарищ Белов идет дальше: оказывается, производство мяса и сливочного масла упало всего на 12—13 процентов, молочных продуктов — на 10, сахара — на каких-то 17, кондитерских изделий, как, впрочем, и рыбной продукции, — на 9 процентов... Из всего благобно перечисленного заместителем председателя в магазинах, например, Москвы не бывает ничего. А должно бы быть 87, 90, 83, 91 — в процентах. Допустим, однако, что было-то добра мало и стало выпускаться еще меньше. Но чем писать об остатке в 91 процент, честнее сообщить, сколько выпускается продуктов от потребности! Ох, и лукавый у нас статистический комитет!..

Товарищ Белов берет выше: вы не поверите, но в стране выпуск электропылесосов и магнитофонов увеличился на 6—7 процентов, универсальных кухонных машин — на 67 процентов! Электромиксеров — на 24 процента, есть в продаже где-то электромясорубки, потому что их выпустили на 34 процента больше, чем когда бы то ни было, так же как и кофемолок, которых теперь на 11 процентов больше, чем бывало прежде!

Товарищ Белов признает: табачных изделий стало выпускаться меньше. На 5 (пять) процентов. Следовательно, 95 продаются. Надо полагать, свободно. С папиросами и сигаретами у нас порядок! Мы курим проценты. А километровые очереди

к табачным киоскам — это мелочи жизни. Это стоят всего лишь за папиросами и сигаретами.

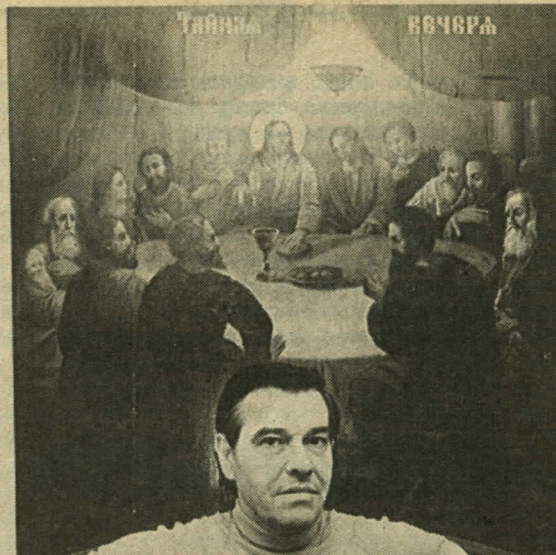
Товарищ Белов спокоен: растительного масла у нас выпускается 2 миллиона 149 тысяч тонн — целых 96 процентов от достигнутого в 1990 году. Жить можно! Только где эти миллионы? Всего двух процентов не хватило товарищу Белову до 100 процентов, чтобы насытить нас крупами — 3 миллионами 215 тысячами тонн! — которые ни-где не продают-ся! Кроме, вероятно, Госкомстата СССР. Туда все 98 процентов и свозят. И 99 процентов холодильников с 99,2 процента «радиоприемных устройств». И 97 процентов цветных телевизоров, и 107 процентов магнитофонов, и 103 процента стиральных машин, и 92 процента швейных... Если у вас случайно нет батареек для игрушек и приемника, ищите их в Госкомстате СССР в кабинете у товарища Белова: их выпустили 500 миллионов штук. А если вам случайно не в чем ходить, то обуви товарищ Белов вам припас 509 миллионов пар, что соответствует 90 процентам от сшитой в 1990 году!..

Мы вам пересказали содержание пресс-выпуска № 322, датированного 25 октября 1991 года. Шесть дней спустя из стен того же почтенного заведения вышел пресс-выпуск № 334. Из него, никем не подписанного, мы узнали, что, несмотря на 509 миллионов пар уже сшитой обуви, обувная промышленность должна до конца года сшить зачем-то еще 38 миллионов 500 тысяч пар. Куда! Куда так много?! Остановите станки! На руках ведь обувь не носят.

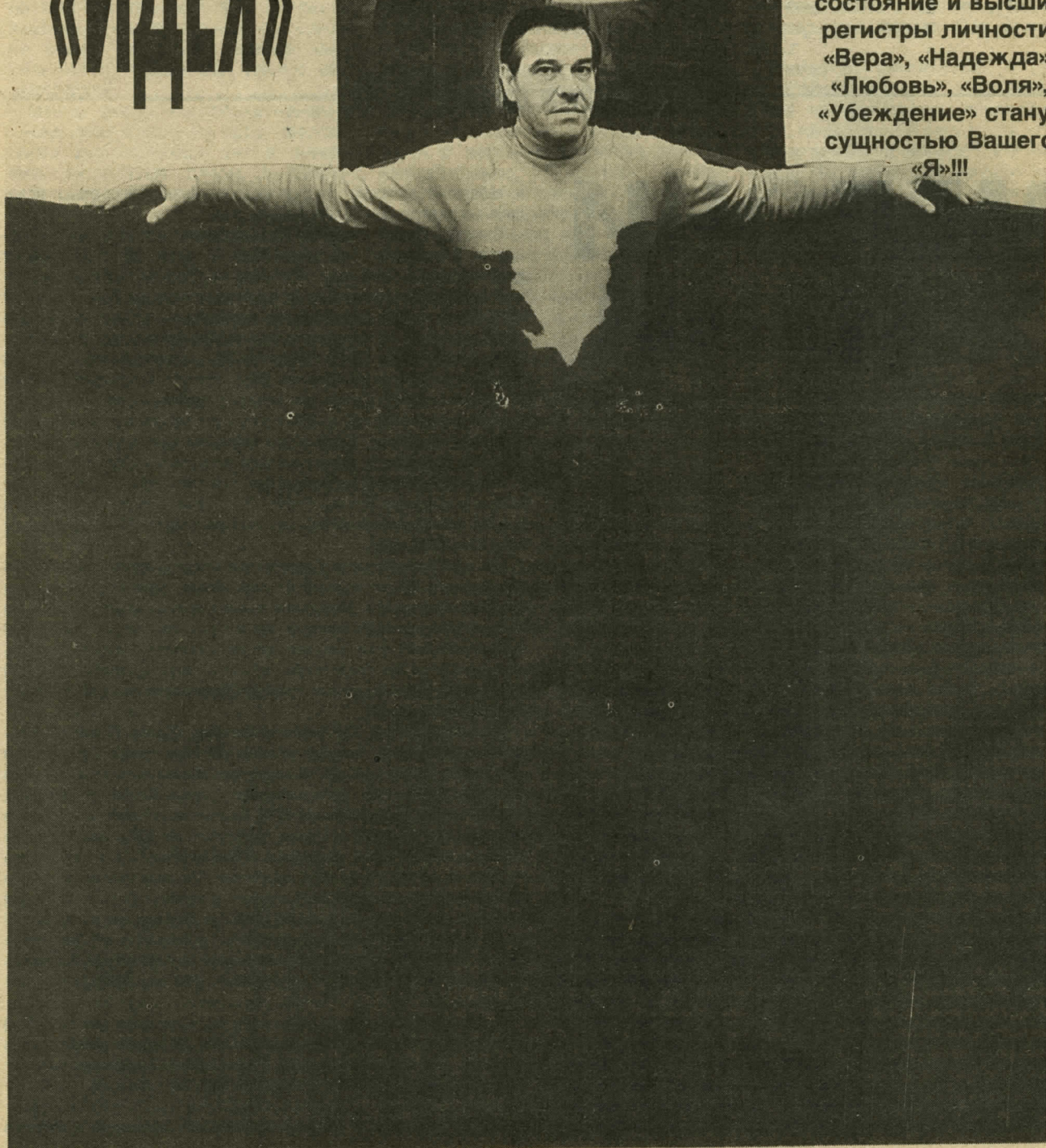
Пресс-выпуск № 334 намного честнее 322-го. В графе «введено в действие» больше прочерков, чем цифр. Зато графа «осталось ввести до конца года» заполнена вся. С января по сентябрь 1991 года сельскохозяйственных машин и запасных частей к ним выпустили на 0,75 миллиона рублей. А до конца года (за два месяца!) осталось выпустить на 126,8 миллиона. За весь год сшили юбок, кофточек, брюк, сорочек на 1,1 миллиона рублей — осталось на 47,9 миллиона. Готовых тканей выпустили 0,9 миллиона квадратных метров, а требуется до конца года — 241,8 миллиона квадратных метров. Мебели сбили и склеили на 2 миллиона рублей, а по плану требуется в сто раз больше — на 201,2 миллиона. Лекарств из синтетических материалов выпустили 3 тонны, а требуется в 350 раз больше — 1061 тонну...

В стране карточки, талоны, купоны, прилавки пустые... А в Госкомстате СССР, как некогда в ЦСУ, проценты упираются в потолок. Там полный порядок. За исключением некоторых, самых незначительных, недостатков.

В центре «ИДЕЯ»

Общение с Юрием Горным дает мощный психотерапевтический эффект, заполняет Ваш экзистенциальный вакуум, стимулирует волевое, интеллектуальное, эмоциональное состояние и высшие регистры личности: «Вера», «Надежда», «Любовь», «Воля», «Убеждение» станут сущностью Вашего «Я»!!!

ПРЕАМБУЛА

Елена АВЕРИНА

Москва—Прага:
ТУДА-СЮДА

Для советского человека характерны особенные, присущие только ему свойства. Например, если он через короткий промежуток времени съездит раза два за границу, в его организме вырабатывается некий цикл: ему периодически страстно будет хотеться за кордон. Эти периоды сопровождаются хандрой, потерей работоспособности и даже повышением температуры. И лучшее избавление от этого неприятного состояния — оформленный загранпаспорт и билет куда-нибудь подальше. Потусовавшись за границей дней пять, человек возвращается нормальным и необычайно деятельным, поскольку набрался за «бугром» впечатлений и положительных эмоций.

Среди советских людей есть такие, которые едут за границу отдыхать: они селятся в отелях, не ищут дешевых магазинов, питаются в ресторанах, а не консервами, привезенными из дома. Такие советские люди холят свое тело где-нибудь на банановых берегах или уносятся в круиз по Средиземноморью или путешествуют по Европе, посещая могилы гениев и знаменитые музеи. И хотя лично я ни с одним из таких туристов не знакома, я точно знаю, что они существуют.

Но ни для кого не секрет, что чаще всего советский человек попадает за границу с несколько иными целями, а именно — «затариться», что означает одеть-обуть себя и семью и купить что-нибудь для продажи на родине.

Вот эту самую цель (в смысле одеть-обуть семью) и преследовали мы с подругой, собираясь в красивый город Прагу. Короче, мы ехали не как туристы, а как «покупанты».

Надо сказать, настроение у нас было радужным, а планы — наполеоновскими. Мы имели удачный опыт путешествия по «европам», но совсем упустили из виду, что «европы» тогда были социалистическими и ездить в них было дешево и сердито.

Вот, скажем, существовала замечательная страна — ГДР! Билет туда и обратно стоил сто рублей (а по студенческому — пятьдесят), вкладыш в паспорт обходился в тридцать один рубль, а обмен денег — в двести пятьдесят. При воспоминании о такой прекрасной валюте,

как марка ГДР (восточная марка), навертывается слеза. Восточная марка стоила тридцать три копейки. На стомарочной голубой бумажке красовался Карл Маркс с синей бородой, на красной пятидесятимарочной — Фридрих Энгельс, с десяти марок глядела страшная Клара Цеткин, а на пяти почему-то был изображен Гете. Как он попал в эту компанию... Восточные марки были серьезными деньгами, не то какие-нибудь злотые. За 350 марок можно было купить двухкассетный магнитофон, а за 20 — повесть и выпить в кабачке, где в свое время был написан «Фауст». Теперь восточной марки нет и никогда не будет. Вечная ей память...

Так вот, совсем упустив из виду, что социалистический лагерь до основания разрушен, а времена вместе с ценами изменились, мы возлагали на поездку весьма меркантильные надежды. О, как мы ошибались!

ТУДА

Для того чтобы уехать за границу, нужно как минимум приглашение. Приглашения по божеской цене нам продала одна добрая «мафия». К приглашениям прилагался письменный инструктаж: что надо взять на продажу и где продавать, а также адрес некоей пани Куклиш, которая может приютить на ночь за два доллара (стоит ли говорить, что тут же было решено ночевать вдвоем на одной кровати, чтобы сэкономить доллары!). И начались неторопливые сборы. Неторопливость их объяснялась тем, что «валютная» очередь, рассчитанная в среднем на месяц, застопорилась, и за месяц мы сдвинулись с тысяча пятьсот пятидесятих до во-

семьсот тридцатых. Здесь мы и застряли.

А в это время происходили разные гнусные вещи: сначала кончилась валюта, затем стали кончаться чеки, заменяющие валюту, потом доллар подорожал... Мы стойко ждали своей очереди.

Наше терпение лопнуло, когда пронесся первый слух о том, что билеты будут продаваться за СКВ или за многие тысячи рублей. Сборы были сокращены до одного дня: мы купили билеты на ближайшие сутки и в эти же самые сутки совершили валютный обмен. Такая срочность обошлась нам в две тысячи рублей сверху за один обмен, на который мы вдвоем с трудом «наскребли по сусекам».

Потусовавшись у банка в ожидании заветных чеков, мы поняли, что в законной, так сказать, бесплатной очереди стоять бесполезно. Дело в том, что в день банк обслуживает только двадцать — двадцать пять человек — уж не знаю, почему так мало: то ли чеков не хватает, то ли времени. И большая часть этой кучки людей — как и мы — обменивает без очереди, за взятку.

Однако заплатить две тысячи за скорость — вовсе не значит, что вот ты даешь деньги и тут же получаешь чековую книжку. Все зависит от ранга клиента. Сначала обслуживаются люди в красивых шубах, сидящие в красивых машинах. Причем из машин они даже не выходят — они слушают музыку и пьют пиво, а посредник (мальчик из банковской охраны) бегаёт туда-сюда с деньгами и всякими оформительскими бумагами. Таких клиентов много. Четыре часа мы дрожали на морозе, как зайчики, пока машины, наконец, разъехались и дело дошло до нас.

Но все рано или поздно кончается. За три минуты до отхода поезда мы вбежали, распугав своим безумным видом иностранных пассажиров. Ни на секунду моя подруга не разомкнула потного кулака, где была зажата чековая книжка, равная двумстам долларам. Вселенский ужас, охватывающий еще недавно наших людей, когда они представляли себе потерю партийного билета, был легким испугом по сравнению с тем, что испытывали мы, когда воображение рисовало, как мы по какой-то глупой случайности теряем чеки на обмен валюты.

ЧОП

«Таможня — это, конечно, волнующий момент, но больших переживаний не стоит», — думали мы, подъезжая к Чопу. Наивные! Мы имели представление лишь о брестской таможене, на которой мы своим студенческим имиджем внушали полное доверие как таможенникам, так и пограничникам.

А у чопского таможенника было такое свирепое лицо, что мы сразу поняли: придется-таки попереживать. Таможенник поинтересовался, куда это мы, собственно, едем, и, узнав, что в гости, многозначительно сказал: «Ага!» — и стал рыться в сумках. Боже! Он вывернул наизнанку каждый свитерок и каждый интимный предмет, он прощупывал подкладку пальто и заглянул в стакан с чаем. Он искал в наших сумках и кошельках потайные отделения. И он нашел! Нашел наши заветные 20 австрийских шиллингов.

— А это что такое? — спросил он злоевшим голосом.

— Это 20 шиллингов, — прошептали мы. — Нам сказали, что это сущие гроши, позавтракать едва ли хватит.

— Да?! — сказал таможенник с такой убийственной язвительностью, будто мы, дурочки, сами того не ведая, чуть не провезли за границу весь валютный запас страны.

В сторону были отложены два блока сигарет, старенькая кинокамера и злополучные шиллинги — все это провозить было «не положено». Мы молча ждали приговора. И тут таможенник заинтересовался моим удостоверением. Несколько томительных минут он вертел в руках удостоверение «Столицы», и вдруг с его лицом случилась метаморфоза.

— А кто это тут корреспондент? — воскликнул он дружелюбно. — Какие скромные девчата! Корреспондент стоит и молчит!

— А я тоже, тоже корреспондент, — оживилась моя подруга, — и, между прочим, газеты «Гудок». У меня и документик есть.

И мы стали в унисон лепетать чистый бред о том, что едем снимать последний путь Густава Гусака и демократические процессы в Чехо-Словакии. Отобранные ценности были с почетом нам возвращены. Таможенник долго желал нам творческих успехов и наконец ушел — высаживать армянское семейство, у которого в чемоданах было все, кроме корочек «Пресса». А мы глубоко затаились «контрабандными» сигаретами.

ТАМ

Разумеется, там было хорошо. Старинный город, спокойные и вежливые люди. Если спросить улицу, бросают все свои дела и ведут показывать, улыбаются и говорят что-то приятное. Все сыты и невозмутимы. При нас в универмаге какая-то местная бомжиха неторопливо засовывала в карман кружевные трусики. Она не озиралась и не нервничала. Она воровала с достоинством. А доверчивые продавцы в это время любезничали с покупателями и посылали им воздушные поцелуи.

Лица у чешских пролетариев гладки и румяны, что свидетельствует о благородстве потребляемых ими напитков.

Кругом продавалась всякая рождественская мишура и голубые розы. Ананасовое мороженое было напичкано кусками ананаса, а в кофе явно присутствовал кофеин.

Но цены... Цены сразили нас напова. Если сами пражане со своим средним заработком в четыре тысячи крон (30 крон ≈ 1 доллар) жалуются на дороговизну, то мы просто впали в транс, поскольку от выстраданного обмена в течение двух часов ничего не осталось. Все было ужасно дорого! Платный туалет стоил две кроны, и мы страдали. Кусок пиццы стоил тринадцать крон, и мы не ели. Мизерная баночка любого напитка стоила восемнадцать крон, и мы не пили. Мы в основном созерцали. Это было больно и обидно.

В доме, где мы должны были лечь в теплую постельку пани Куклиш, располагалась евангелистская цер-

ковь. Мы поковыляли на вокзал. Но на европейских вокзалах о бродягах заботятся еще меньше, чем на советских: там нет ни единой скамеечки. Мы пристроились на каменной тумбе и задремали в объятиях друг друга под неумолчные позывные метро (там очень смешное метро, на входе не висит большая буква «М», там стоит динамик и противно верещит. Вошедшему надо пробить талончик. Никто ничего не проверяет, никто не опускает драгоценные кроны в дырки турникетов. Ну, мы и не настаивали...). Так вот, как только мы расслабились, появился полицейский патруль с гигантской собакой. Поравнявшись с нами, зверюга клацнула зубищами. Шерсть на ее загривке встала дыбом, и нам захотелось спать на вокзале.

Полночи мы развлекались тем, что осматривали квартиры с персидскими коврами и старинной мебелью, сдающиеся за 25 дойчмарок или за 700—800 крон в сутки. Но, утомившись этим занятием, нашли какую-то подозрительную ночлежку, которая называлась студенческим общежитием. Заплатив по 90 крон, мы провели ночь в душной комнатке, где уже спали двое каких-то мужиков. В полседьмого утра все мы были разбужены и выдворены. Одевались, разумеется, без каких-либо ширмочек и разбрелись, стыдливо пряча глаза.

А теперь — лирическое. О колбасе. Чехи, как вообще все западные славяне, очень даже не дураки покушать. На улицах у них пахнет не только голубыми розами, но и сосисками, кукурузой, пирожками и всяческими неизвестными нам вкусностями. Вид продуктового магазина сразил меня. Однако мясная лавка не вызвала ожидаемого потрясения: просто неестественно большое количество мясных изделий воспринималось не как реальность, а, скорее, как натюрморт. Я пригласила свою подругу сосчитать, сколько сортов колбасы висит и лежит на витрине (любимое развлечение советских туристов): но она отказалась, сообщив, что ее обязательно стошнит по причине голода. И старательно на колбасу не смотрела.

«Где тут панель, ну хоть какая-нибудь маленькая панель?», — причитала моя подруга, изнуренная безденежьем. Панели мы не нашли, зато нашли столик с матрешками.

— Здравствуйтесь, ребята с Арбата, — сказали мы продавцам.

— Мы не с Арбата, местные мы, — ответили они. Оказалось, что советские матрешечники, освоив «совок», давно вышли за его пределы и поставляют товар коллегам в западные столицы.

Программа-максимум нашей «затарки» выполнена не была, программа-минимум — выполнена наполовину. Возвращаться, полностью расстранив семейные деньги и деньги, выклянченные в долг, было страшно. Вся надежда была на субботу.

СУББОТА!

Ранним субботним утром вечно занятые автоматические камеры хранения на Главном вокзале были настезь открыты. Все, что в них хранилось, было увезено на пражский стадион «Спарта», который по выходным с восьми до двенадцати утра работает как грандиозный рынок. Здесь продается все. И почти все — дешевле, чем в магазинах. В основном здесь крутятся наши и поляки. Эти — продают. А покупают не очень богатые чехи. Особенно бойко расходятся зубная паста, постельное белье, детские колготки, индийский чай и болгарские сигареты. И не потому, что в пражских магазинах этого нет — там есть почти все, а потому, что в их магазинах все эти вещи безумно дороги, а у нас — относительно дешево.

Нашего человека на рынке всегда видно! Наши торгуют водкой, икрой, платками, советскими червонцами, а также куклой-сувениром «Маруся на привале». Родственность языков помогает безошибочно понимать друг друга.

Чехи обожают торговаться. Вот в магазине пасты «Колинос» у них стоит 54 кроны, а на рынке несчастный «совок» толкает ее по 20. И начинаются большие торги. «Совка» стыдятся за наглую цену, показывают пасту, купленную якобы тут же по десять крон, в конце концов заставляют сбавить пять монет, покупают одну штучку и, весьма довольные собой, уходят.

Вход на рынок платный. Билет стоит целых 25 крон. Тем не менее, говорят, наших соотечественников там «вяжет» полиция (за торговлю) и берет штраф 500 крон. Цифра, конечно, убийственная. Полиции мы боялись.

С коммерческими способностями у нас всегда было не слава Богу,

БОНТОН В

или Рассказ о том, как на презентации «Академии Моды», в чинном и благородном собрании, у нашего корреспондента украли туфли

поэтому продаться у нас то, на что мы и не рассчитывали. А то, с чем связывали основную прибыль, осталось. Осталась тяжелая камера. Вот и верь советам бывалых людей!

Мы помчались по рядам с целью что-нибудь дешево купить, но деньги снова неожиданно кончились. Они всегда заканчиваются неожиданно и в самый неподходящий момент.

СЮДА

Сказать, что мы были усталыми и сонными, когда загружались в поезд Прага — Москва, значило бы ничего не сказать. Мы проспали всю дорогу назад. Хотя на границе, конечно же, пришлось проснуться. Чешский таможенник вкрадчиво спрашивал, что мы купили из дорогих вещей (чтобы содрать пошлину), а мы честно отвечали, что ничего. Снова чуть не отобрали камеру, и снова мы рассказывали про Густава Гусака.

За час до Москвы к нам вдруг всплыл чех из соседнего купе, он пришел в гости с бутылкой шампанского, купленной в Жмеринке за три дойчмарки. Жмеринское шампанское ударило в голову, все пели о мире и дружбе. С пениями мы въехали на Киевский вокзал, который показался чрезвычайно милым и родным.

Мы вернулись.

Подсчитав потраченное и приобретенное, мы прослезались, поскольку остались в полном убытке. Ну зачем, зачем поломали соцлагерь и обесценили рубль?! Где они, халаянные покупки за границей, где она, социалистическая валюта, стоившая копейки? И где теперь хорошо и дешево одеваться? А тут еще билеты подорожали — это покруче «железного занавеса»...

Но последней в человеке умирает надежда, пусть она смешна и несбыточна. И мы надеемся, что еще отправимся в круиз по Средиземноморью или поедем посетить могилы гениев и знаменитые музеи. Или еще раз махнем в Прагу, напрочь игнорируя маршрут «базар — вокзал». А кругом будут сплошные голубые розы.

Героиню презентации величали солидно — «Академия». Только вот имя это пока, кажется, условное, не имя даже, а заявка на будущее. Моде для советской женщины — это ведь из области вечно светлого завтра...

А еще высокая мода — это единство духа и тела. Наша жизнь сегодня, как говорится, «ближе к телу». Нам, русским женщинам, так хочется быть немножко «француженками». Вот эту-то мечту и постаралась вывести на сцену в день презентации милая, хрупкая и молодая Ирина Фадеева, первый директор первой в России «Академии Моды».

Мы с фотокорреспондентом и не ждали ничего академического. Ждали буйства фантазии, диссидентства от моды: мы же привыкли, что в бедности и преодолении рождаются шедевры новизны. В зале сидел «бомонд», на сцене царил «бонтон». Публика на 86 процентов состояла из модельеров, манекенщиц и манекенов... пардон, манекенщиков. Лорнировать зал было не менее любопытно, чем глядеть представление. В зале было, пожалуй, больше авангардизма в костюмах, чем на сцене. Там баян играл, чуть лаяла мотивы последнего русского ренессанса. Пели и плясали парни и девки в кафтанах и сарафанах. Манекенщицы, угловато двигаясь, демонстрировали на своих современных фигурах старину, подлинную — из коллекции «Музея Моды» и стилизованную — произведения нынешних модельеров: душегреи, шали, распашонки. Помахивали веерами. Получался трогательный гибрид сельского клуба с дворянским собранием. Вполне творческий продукт. Достаточно модный и актуальный. Ведь это вообще в духе нашей эпохи обновления: взять да открыть очередную академию.

Ирина Фадеева, прежде чем стать академдиректором, 10 лет вела частную школу моделирования швейных изделий, арендуя помещение в ДЭЗе Кировского района. Вице-директор

Марина Новикова преподавала вязание в Доме культуры. Творческим женщинам этим, видно, тесно было в рамках самодеятельности, и они учредили новое акционерное общество — «Академию Моды». А в «соучастники» взяли концерн «Подольск», АО «Алмаз» и АО «Музей Моды». Худо-бедно сколотили стартовый капитал, решили выпустить первое издание академии — «Энциклопедию Моды» и в перспективе стать богатыми. И даже пригласили читать лекции модельера из Парижа, известного «там» эмигранта «отсюда» Александра Васильева. И он даже согласился.

А сама академия живет пока следующим образом: арендует в швейном СПТУ на проспекте Вернадского за 3 тысячи рублей в месяц учебный класс, два учебных помещения и туалет (который администрация СПТУ иногда закрывает от преподавателей и учащихся «Академии Моды»). И сейчас у академии две школы: моделирование швейных изделий и моделирование трикотажа.

Для презентации арендовали зал у «Музея Моды». И цель презентации, по словам Фадеевой, — привлечь внимание единомышленников, найти сподвижников. Приглашены были поэтому модельеры, бизнесмены, иностранные журналисты...

Ирина Владимировна верит в успех своего дела. Мечтает в обозримом светлом будущем открыть частную женскую гимназию при академии, воспитывать девушек по образу Смольного института.

Верит она, что найдет достаточное количество соратников по прехраснодушным мечтаньям, что на презентации соберутся интеллигентные люди и понесут они эту интеллигентность дальше.

В благородное общество не принято вносить грязь с улицы. Все дамы переобувались. А у меня на этом светском рауте украли туфли. Вокруг ходили ребята из службы безопасности с рациями, слепили

УСЛОВИЯХ НИЩЕТЫ,

глаза броско одетые господа, а мне вспомнился Булгаков, «Собачье сердце», калоши профессора Преображенского...

О какой, помилуйте, говорить высокой моде, единстве души и тела, если нельзя калоши за дверь выставить! А может, только и остается — поговорить, помечтать о высоком, сделать его «чистым искусством» и организовать академию этого ис-

куства? И тогда «Академия», впервые выйдя в свет, изо всех своих очень женских сил будет демонстрировать хороший тон, чувство собственного достоинства в условиях советской действительности.

В условиях нищеты.

Аэлита ЕФИМОВА
Фото В.ШИШОВА

«ДЕЛО — В ШЛЯПКЕ!»

— считает заслуженный работник культуры РСФСР
Ирина Сыромятникова

КАПРИЗЫ МОДЫ

За свою многовековую историю какую только форму не принимали головные уборы! Они напоминали поварской колпак, кивер воина, горшок и кастрюлю, ведро и бутылку, чашку, тарелку и даже... таблетку. А уж о листьях, цветах, экзотических птицах и говорить не приходится, так как издавна человек обращался к флоре и фауне в поиске силуэта для своей одежды, прически и головного убора.

Если присмотреться внимательно, то можно заметить, что часто форма шляп в каждой стране соответствует форме крыш.

Многочисленные племена африканцев покрывают свои хижины в деревенских селениях соломенными крышами — и надевают на голову соломенные шляпы такой же формы. В Турции и Индии мусульманское население носит чалму, напоминающую купол мечети. В середине века в странах Европы были распространены женские головные уборы, повторявшие островерхие башни и крыши готических соборов. Итальянки любили, наоборот, плоские четырехугольные головные уборы, некоторые напоминали крыши террас в их домах. Русские кокошники были похожи на маковки церквей...

Развитие промышленности в XIX веке способствовало появлению новых форм головных уборов. Самым примечательным стал цилиндр, напоминавший трубу фабрики или завода. Этот головной убор подвергался насмешкам долгое время, как и его изобретатель, шляпник из Лондона. Английская газета писала о том, что однажды шляпник Джон Гезрингтон гулял по набережной в «чудовищной черной шелковой трубе», обладавшей необыкновенным блеском и надетой на голову вместо шляпы. При виде этого ди-

ковинного головного убора дети кричали от страха; дамы падали в обморок, а один молодой человек, возвращавшийся от мыловара, где сделал покупки, был опрокинут толпой любопытных и сломал себе руку. Шляпник был отведен стражей в суд и оштрафован на пять фунтов стерлингов.

Головные уборы никогда не отставали от событий в общественно-политической и культурной жизни. Например, после покорения космоса на головах появились космические мотивы, а после Олимпийских игр — спортивные...

Выражение «дело в шляпе» напоминает нам о тех тревожных временах, когда ездить почтовой каретой и дилижансом было небезопасно. Почтовые служащие и гонцы тогда были вынуждены прятать ценные бумаги под подкладку головного убора. Для большей сохранности. Рассеянного и несобранного человека называют «Эх ты, шляпа!», интеллигентного, но глуповатого — «А еще в шляпе!». Что скрывать, над человеком в шляпе всегда посмеивались, но еще никто не сказал, что шляпа портит человека. Она его украшает, а человек украшает шляпу...

В Древней Греции и Риме головные уборы носили только во время путешествий и военных походов. Их делали из войлока, кожи, соломки, фетра, сохраняя натуральный цвет или окрашивая различными красителями. По форме можно было определить профессию. Так, рабочие и моряки надевали яйцеобразные шапки-«пилей», а воины — шлемы из кожи или бронзы, украшенные высокими гребнями из перьев птиц или конской гривы. В непогоду древние греки покрывали голову широкопо-

лой шляпой с низкой широкой тульей — «петас», концом плаща или покрывалом. В жаркую погоду лицо закрывали от загара соломенными шляпами.

В средние века в странах Западной Европы церковь разрешала женщинам и девушкам носить исключительно скромные наряды и такие головные уборы, чтобы они скрывали природную красоту линий. В 1428 г. был изобретен эннэн — высокий (до 70 см) головной убор, от которого вся женская фигура казалась легкой и вытянутой, стройной и непомерно высокой. Его делали

на провололочной или картонной основе; обтягивали материей. Вверху прикрепляли тонкую ткань, спадающую до земли, или прозрачную вуаль, которую при ходьбе необходимо было подбирать, чтобы не споткнуться.

Чтобы войти в покои, эти непомерно высокие эннэны требовали склонения головы до земли, как при богослужении, надо было почти опускаться на колени.

Преклонения перед модой особенно раздражали служителей церкви, приводили их в негодование. Уважаемый кармелит Фома Коннект, пользовавшийся славой наиболее яростного противника роскоши, сумел своими яркими речами убедить женщин «очиститься от греха», сняв с головы ненавистные колпаки. Многие женщины искренне раскаивались и публично отрекались от наиболее модных вещичек и эннэна, сжигая их на кострах. В 1428 году в Париже в один день на улицах было сожжено сто высоких колпаков-эннэнов. Но как только проповедник переезжал в другую провинцию, угар раскаяния улетучивался, мода опять возвращалась, охватывая модниц с новой силой. Появлялись новые головные уборы — еще выше прежних. Эннэны любили за то, что благодаря им фигура казалась стройнее, а также прикрепленная тонкая вуаль позволяла варьировать то так, то эдак, обертываясь вокруг конуса, или распускать до земли струящимися складками.

В эпоху Возрождения мода на головные уборы прошла, уступив место любованию волосами, получившими свободу после долгих лет сокрытия. В эту пору мужчины и женщины носили на макушке маленькие шапочки, украшенные жемчугом, драгоценными камнями, круглые бархатные бареты, маленькие высокие токи,

наколки, вышитые жемчугом. В Испании среди знати носили не только французские головные уборы, но и русские.

Значительные перемены во внешнем облике человека происходят и в России. В 1700 году Петр I издает указы о замене национальной русской одежды на европейскую. Наиболее интересные экземпляры одежды представлены в описи «Гардероба Петра I», а также ближайшего соратника Петра I Александра Даниловича Меншикова. Упомянутся головные уборы — шапки, шляпы, картузы и шлафанцы. Шляпы петровского времени хорошо известны: это треуголки тем-

ного цвета с отогнутыми с трех сторон полями. Треуголки Меншикова богато украшены серебряной нитью, отделаны галунами.

В XVII, XVIII и в начале XIX века было принято постоянно носить шляпы, поэтому модные журналы помещали на своих страницах рисунки шляп для торжественных случаев и на каждый день. Женщины

переняли у военных фасон шляп наподобие кивера. Их шили из бархата и украшали сбоку султаном. На прогулки надевали изящные токи «а-ля полонез», на утренних туалетах красовались в изящных кокетливых кружевных чепчиках, обшитых лентами и мелкими шелковыми цветами. Бальные туалеты также требовали изящного украшения головы. Самыми модными головными уборами стали тюрбан и берет.

Начало XX века (1904—1913) отмечено расцветом шляпного искусства. Входят в моду женские шляпы-«корзин», напоминающие по своей форме и огромным размерам бельевую корзину. Городские управы Москвы и Петербурга вынуждены были издать специальные указы, запрещавшие дамам в шляпах-«корзин» пользоваться трамваями.

Мужские головные уборы были менее разнообразны, но зато более

постоянны, как и сами мужчины. Периодически, в мужской моде оставалась привычная классическая фетровая шляпа, пришедшая к нам из Древней Македонии. Головной убор мужчин подчеркивал деловитость, а иногда сословный характер. Так, цилиндр долгое время был принадлежностью богатых людей, признаком респектабельности.

«Во Франции в Париже, 1860»

Его надевали в театр и на балы.

Широкое распространение получили котелок, летние панамы, канотье, фуражки, кепи. Во времена Пушкина носили шляпу-болливар.

На протяжении XX века формы шляп у нас почему-то мало изменились. Например, вязаные уголки, панамы, береты, фетровые шляпы, кепи, фуражки (кожаные и замшевые) с одинаковым удовольствием носят мужчины, женщины и дети. Фабричное производство позволило наладить массовое поступление головных уборов. Но можно отметить, что на головные уборы стали еще сильнее влиять общественные события. Так появились пилотки, каски, фески. Развивающиеся международные связи сделали моду интернациональной...

Потепление погоды зимой привело к тому, что многие вовсе отказались от головных уборов. Но то — молодежь, а люди зрелого возраста надели... шляпы! Да-да, шляпы! Будем надеяться, что эта мода продлится долго.

СОПЕРНИК ШЛЯПЫ

Как вы думаете, какой головной убор считается самым долговечным и любимым? Шляпа, чепец, платок, чалма? Берет. Конечно же берет! Его носят все.

Многие годы берет не носили, но теперь он соперник шляпки. Трудно проследить происхождение такого, на первый взгляд, простого и такого удобного головного убора. С давних времен береты носили баски, населявшие северные районы Испа-

нии. Возможно, поэтому про берет так и говорили: «баскская шляпа», а в Германии — «баскенмютце». Слово «берет» — французского происхождения, именно так его впервые стали называть во Франции.

Крестьяне и пастухи, живущие в селениях на склоне Пиренейских гор, и сейчас носят береты из плотной шерсти, непременно ручной вязки. Для этого специально заготавливают и обрабатывают овечью шерсть. Вывязывают из шерстяной нити баллон. Валяют его, отбеливают и вымачивают, окрашивают, начесывают, высушивают и окуривают. И даже подстригают специальными ножницами. Все эти процедуры требуют хорошего знания дела и сноровки. После всех процедур берет принимает плоскую, круглую форму, напоминая по плотности материю. Характерно, что в середине, в самом центре берета, выпускают маленький хвостик.

Когда-то береты делали из бархата и велюра, их носили коронованные особы, украшая пером цапли и драгоценной брошью. Любили береты и люди из мира искусства. Помните, Рембрандт изобразил себя в модном берете? Позднее береты даже получили название «рембрандтовских».

В начале XIX века известный французский модельер Ловальер активно экспортировал береты во многие страны. Но особое признание обрел этот головной убор, когда в начале XX века его надел законодатель мод, придворный модельер Ворт, превратив берет в салонный головной убор. В 20-е годы XX века берет стал очень популярен во многих странах. Пожалуй, не назовешь другого такого головного убора, который бы с одинаковым удовольствием носили как женщины, так и мужчины. Иногда берет видоизменялся, но в основном он все-

таки оставался прежним — плоским и круглым. Берет терпеливо переждал периоды своего забвения, чтобы вновь пользоваться спросом и любовью. Старые фотографии сохранили для нас изображения людей в беретах: это и Альберт Эйнштейн, и Бертольд Брехт, и Игорь Стравинский, и Пабло Пикассо, и Жан Габен...

Сегодня «деревенская баскская шапочка» опять в моде. Многие продолжают носить плоские, небольшие в диаметре береты с «хвостиком» в самом центре. Ну а другие предпочитают модели с более высоким краем, как у эстрадной певицы Лаймы Вайкуле. Многие по-прежнему украшают береты: недорогой брошью из цветных камней и жемчуга, бабочкой из блестящих пайеток, цветком и листком из бархата и шелка. Носят береты вязаные и из материи.

Так как конструкция берета несложна, то его связать или сшить своими руками не представляет особого труда. Берет хорошо сочетается с одеждой любого стиля, как спортивного, так и классического и даже авангардистского. Этот головной убор можно сшить из остатков ткани, связать целиком или из отдельных клиньев. А украшение берета зависит от вашего вкуса и вашей фантазии, но при этом не забывайте о чувстве меры и возрасте.

КАК ВЫСТИРАТЬ ГОЛОВНОЙ УБОР

Конечно, лучше всего отдавать шляпы в специализированную химчистку, где квалифицированные работники в короткий срок приведут шляпу в порядок.

Но в домашних условиях можно пользоваться как примитивными народными средствами вроде черствого хлеба, отрубей, соли, так и специальными химическими препаратами, рекомендуемыми нашим передовым бытовым обслуживанием.

ЖИРОВЫЕ ПЯТНА можно удалить, смочив ватку в пятновыводителе или бензине, потереть коркой черствого черного хлеба. Эффект зависит от времени: свежие жировые пятна удаляются более легко, а застарелые могут и не поддаваться обработке.

Загрязнения на головных уборах, сделанных из кожи (кепи, берет), можно снять репчатым луком. Для этого выбирают луковичку среднего

размера, разрезают ее пополам (в коже) и несколько раз проводят по головному убору. При этом поверхность луковицы по мере загрязнения срезают.

ОСВЕЖИТЬ головные уборы, сделанные из замши, можно мелкой поваренной солью. На небольшую фланелевую салфеточку насыпать сухой соли и протереть загрязненную поверхность. Этот рецепт может быть использован только при не очень большом загрязнении. Злоупотреблять чистой не следует, так как замша очень капризный материал и от частого трения может залосниться.

ПЯТНА на поверхности фетровой шляпы можно удалить смесью денатурата и нашатырного спирта, взятых в равных долях. Для этого отмеряют мензуркой или чайной ложкой компоненты, вливают в небольшое блюдечко, перемешивают лущинкой. В смеси смачивают небольшую салфетку из сукна и протирают ею шляпу. Затем шляпу вытирают льняной салфеткой и расчесывают жесткой щеткой. Во время протирания не следует сильно мочить фетр, следите также, чтобы шляпа не потеряла формы.

ЛОСНЯЩИЕСЯ МЕСТА можно посыпать мелкой поваренной солью и протереть жесткой щетиной или нанести соль на кусок ткани и протереть.

ВЫТЕРТЫЕ МЕСТА на фетровой шляпе протирают шелковистой наждачной бумагой или специальной «кардой-лентой» (щеткой с мелкими частыми железными иголочками).

СОЛОМЕННЫЕ ШЛЯПЫ можно привести в порядок следующим образом: чтобы не испортить декоративные элементы, их необходимо снять заранее. Это могут быть цветы, ленты, листочки. Затем в таз средних размеров или большую миску с холодной водой опускают шляпу на несколько часов. По истечении времени воду сливают и соломенную шляпу чистят щеткой в мыльном составе, используя стиральные порошки «Новость», «Эра», «Лоск», «Астра», «Лотос» и др. Пропорция такова: одна чайная ложка порошка на один литр теплой воды.

Соломенные шляпы бывают разного цвета, поэтому чтобы вернуть соломенной шляпке первоначальный белый цвет, ее следует отбелить. Для этого сначала очистить ее от загрязнения, а уже вторым этапом — отбеливать, применив перекись водорода. Пропорция такова:

на три литра воды — 0,5 стакана перекиси водорода, одну чайную ложку нашатырного спирта. Весь состав смешивают в удобной емкости, учитывая размер шляпы. Первоначально вода 18—20 градусов, затем раствор нагревают до 50—60. По истечении тридцати минут шляпу вынимают, ополаскивают прохладной чистой водой. Процесс отбеливания на этом не заканчивается, он продолжается во время просушивания, которое осуществляется на открытом воздухе в солнечном месте. Мы знаем, что белое белье при стирке слегка подсинивают. Так же можно поступить и с белой соломкой, подсинив ее ультрамариновой бельевой синькой перед просушиванием. Хорошо счищает грязь «Персоль». Для этого в таз высыпает пакетик «Персоли», заливают водой комнатной температуры (на ведро воды один пакетик). Тщательно размешивают деревянной палочкой или ложкой, крупинки быть не должно. В полученный раствор помещают для отбеливания уже заранее вымытую шляпу. Таз нагревают на медленном огне в течение получаса, затем шляпу вынимают, споласкивают прохладной чистой водой, после этого опускают в подсиненную воду, выжимают, подсушивают сначала сухим полотенцем, а затем — на солнце до полного высыхания.

Если соломенная шляпа очень старая, то ее можно обновить, подкрасив анилиновыми красителями для хлопчатобумажной ткани. Например, можно окрасить шляпу в темно-коричневый, синий, желтый, сиреневый, красный цвета. Для этого чистую (вымытую заранее) шляпу помещают в таз с заранее приготовленным составом (вода и раствор) красителя. После окрашивания шляпу помещают в воду с уксусом, вытирают и просушивают. Процесс окрашивания полностью совпадает с процессом окрашивания ткани, поэтому надо внимательно прочитать рекомендацию крашения на пакете с краской.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ИЗ МЕХА хорошо чистятся при помощи бензина. Бензин наливают в маленькую мисочку и смачивают в нем ватный тампон. мех протирают аккуратно несколько раз, проводя смоченным тампоном по ворсу. Эту процедуру лучше делать на воздухе.

КЕПИ ИЗ КОЖИ ИЛИ КОЖЗАМЕНТЕЛЯ можно чистить специальными препаратами «Сафьян» или «Жайбас». Раствор выливают в

блюде, смачивают тампон или кусок ткани и протирают загрязненную поверхность.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ИЗ ИСКУССТВЕННОГО МЕХА можно чистить порошком «Лоск», «Новость». Для этого разводят концентрированный раствор в мисочке, смачивают им тампон или губку, затем наносят образовавшуюся мыльную пену на поверхность, проводя несколько раз по ворсу. Чистой полотняной салфеткой или льняным чистым полотенцем снимают мыльную пену с поверхности головного убора. Его протирают сухой тканью, просушивают, затем расчесывают, используя карду-ленту или железную гребенку.

Если синтетический мех очень старый, то его сначала надо подготовить к чистке: снять декоративные элементы — ленту, украшения, расчесать синтетику частой гребенкой и только после этого подвергать очищению.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Вы задумывались, как лучше выбрать шляпу? Выбор головного убора, на первый взгляд, дело пустяковое. На самом деле это не так. Головной убор является очень заметной частью костюма!

Шляпа требует внимательного изучения формы головы и лица, так как головные уборы, имеющие округлые линии, вроде берета или шляпы с круглыми полями, будут еще больше подчеркивать круглую форму лица, полные щеки. Головной убор цилиндрической или вытянутой формы подчеркивает, напротив, продолговатое худое лицо.

Людям с мелкими чертами лица больше подойдут шляпы и головные уборы средней величины. Голова будет казаться меньше — в головном уборе с большими полями, а в плотно облегающем — больше. Людям высокого роста нужно выбирать низкие головные уборы, увеличивающие зрительно их рост. Высота головного убора зависит от костюма, его длины, характера воротника. При определении цвета головного убора следует учитывать характер макияжа.

Использованы рисунки Галины Лукашевич

ЗАТЯНИ ПОЯС, БРАТ

Обращение к братьям по отряду

Давно хотели мы, честные обезьяны Сухумского заповедника, поделиться всем, что наболело, с общечеловеческой, с нашими безволосыми братьями по отряду приматов. И вот, наконец, решились. Верный сторож наш Сосо сказал, что нужно написать письмо в какой-нибудь хороший журнал. И посоветовал «Столицу». Мы согласились не раздумывая. Мы уважаем Москву, потому что сами сухумские.

Наш питомник — старейший в мире, единственный в Восточной Европе и Азии. Правдивое описание ужасов, испытанных здесь несколькими поколениями обезьян, заставило бы дрожать даже крокодила. Наши добрые братья по отряду приматов прививали нам полиомиелит, оспу, желтую лихорадку, сыпной тиф и другие страшные болезни, а потом наблюдали за нашими мучениями.

Однако за вклад в медицину ни одна из выживших обезьян не только не получила степени доктора или хотя бы кандидата наук, но даже улучшенного питания. Только павиана Мурья, который за 30 лет жизни произвел 400 детей, скульптор запечатлел в чудовищной глыбе металла, исказив дорогой образ нашего вожака.

Годы идут, а жизнь лучше не становится. Теперь нам прививают СПИД. Кроме того, появилось новое мучение, которое и не снилось нашим дедам. Запирают в тесные камеры, сажают в грохочущие железные громадины размером с тысячу бабабобов и отправляют в такие ужасные места, где только черную пустоту видим мы в маленьких круглых окошках. Нашим братьям по отряду приматов хоть дают за это ордена и гордое звание «отряд космонавтов». А имена наших космонавтов остаются в забвении, газеты молчат об их подвигах. Обидно.

Теперь вы понимаете, что мы тут не сидим сложа хвост, а напряженно трудимся. Что же имеем за это?

Есть в наших вольерах место попрыгать, ползать. Так даже этим спокойно заняться не дают. Объясните, что это за существа такие — «посетители», где они живут и чем питаются. Приходя в питомник, эти странные создания дразнят нас, пытаются накормить какой-нибудь дря-

ню вроде фантиков от конфет, в общем, ведут себя дико. Мудрейшие из нас выдвинули гипотезу, что посетители — это, конечно, приматы, но древнейшие. То есть обезьяны и люди произошли от посетителей.

Прошлой зимой в Сухуми частенько отключали электричество. Тяжкие воспоминания! Наши розовые места позеленели от холода, жмемся друг к другу, но ртутный столбик от этого не поднимается. Старожилы говорят, что в джунглях такого не было. Пора, братья, вернуться к старому способу — по нынешним временам надежней греться углем.

Восхищает нас жизнь американских сородичей. У этих буржуев в вольерах есть не только пластмассовые игрушки, но даже цветные телевизоры, по которым они смотрят фильмы (в том числе любимого «Тарзана»), музыкальные шоу и ностальгические ролики о жизни джунглей.

Ладно, неволя и там неволя. Лучше всего жить в заказнике. У нас таких заказников два, там живут 600 наших родственников. Заказник — это почти джунгли, только нет бананов на деревьях, поэтому на обед ссылают отбивающими всякий аппетит звуками пионерского горна или избиваемого рельса.

Почему не создать еще пару заказников? Минздрав, Академия медицинских наук и местные власти говорят, что нет денег. У нас для вас все есть, а у вас для нас — ничего.

Говорили нам, что в вашей бедности виноваты бывшие вожаки вашего племени — Павло и Язо. Нам трудно в это поверить, потому что внешне добрые братья Язо и Павло очень похожи на нас. (Наш товарищ Мумба видел этих симпатичных людей по телевизору. В детстве он жил на квартире почтенной женщины, которая принимала его за макаку. С тревогой следила она за ростом Мумбы, а когда он превратился в красивую атлетичную гориллу, прибежала в питомник: «Пожалуйста, заберите! Страшно идти домой!»)

Мы со страхом, как в глаза удава, глядим на растущие цены. Еще недавно каждая обезьяна кушала на 35 копеек

в день. Сегодня та же порция стоит два рубля. Цены растут, но аппетит-то у нас не падает! Может, даже растет от страха.

Боимся, кончится это плохо. Кормят нас все меньше и хуже. Из-за недостаточного финансирования питомника редуют не только наши ряды, но и штат сотрудников. Мы понимаем, что нелегко и вам, нашим безволосым братьям. Похудевший сторож наш Сосо омрачает наши скудные трапезы своим голодным взглядом. Нам не жалко пары яблок для хорошего человека. Но мы боимся, что вы выберете другое решение проблемы. Поэтому хотим слезно попросить вас.

Братья по отряду! Пожалуйста, не съедайте нас! Мы вам еще пригодимся. Весь питомник готов заболеть СПИДом или навсегда улететь в космос. Будем счастливы трудиться на сложнейших участках народного хозяйства — в строительстве, на сборе яблок и груш, на верхолазных работах. Жизнь захочешь — и не тому научишься.

Худея, надеемся на вашу сознательность.

Обращение депутатов
обезьяньего коллектива записали
К.УБИЛАВА и Д.СЕМЕНИК

В американском фильме «Гостбастерз» («Охотники за привидениями») несколько смелых ребят объединились в специальную контору и успешно занимались отловом всякой нечисти. Фильм, сами понимаете, фантастический. У нас такая контора существует на самом деле, но занимается она не столько изгнанием из квартир разбушевавшегося полтергейста, сколько изучением всяких мистических случаев. Это никем не субсидированный Центр по исследованию аномальных контактных ситуаций. Им руководит Алексей Прийма, филолог и поэт. В свое время он заинтересовался фольклорным жанром, называемым «быличками», «бывальщинами», или устными рассказами о «том, что было». И понял, что это не что иное, как сообщения о контактах с аномальными явлениями. А когда начал подробно сравнивать их с современными рассказами очевидцев, увидел, что они ничем не отличаются.

— *Алексей Константинович, откуда берется всякая нечисть?*

— Из параллельных миров, которых множество. Мы занимаемся несколькими группами феноменов. Например, посмертными призраками или привидениями. Это, между прочим, разные вещи: призраки появляются где угодно, а привидения — в одном и том же месте. Скажем, в Англии есть очень известная Коричневая Леди — уже триста лет появляется в замке, хозяйкой которого когда-то была при жизни. Ее фотографировали, очень хорошо и четко получилось: в коричневом платье, прозрачная такая. Вообще в мире существует три тысячи фотографий привидений. В России тоже полно случаев появления привидений, но жители новостроек могут спать спокойно. Привидения любят старые крепкие дома с толстыми стенами, часто живут в бывших винных или продуктовых подвалах. Нередко людям является призрак, который называют Женщиной В Белом. Чаще всего это незнакомое, не-

НЕ БОЙТЕСЬ НАГЛЫХ БАРАБАШЕК!

(некоторые комментарии к рождественским и нерождественским историям)

известное лицо, но иногда Женщина В Белом — кто-нибудь из умерших родственников. Женщина В Белом — вестница смерти. И если она явится к кому-то из уважаемых читателей, пусть считает, что ему повезло: он будет ЗНАТЬ о том, что умрет через два-три дня, и успеет многое сделать и попроситься с близкими, прежде чем перейти в мир иной. Кстати, как говорят те, кто на «том свете» побывал (ими мы тоже занимаемся), там несравненно лучше, они очень сожалеют, что вернулись.

Мы изучаем и реликтовых гоминоидов — их еще называют снежными людьми. Они пугливы и неразумны. Умеют пользоваться «дверьми» между мирами, попадают к нам по дурости и быстро убегают обратно. Вот почему, когда за йети устраивают погоню, он как бы растворяется в воздухе, а его большие (но, кстати, очень неглубокие) следы обрываются. Причем появляются они не только в снегах. В одной ростовской квартире мы обнаружили ту самую «дверь» в параллельный мир. Эта дверь находилась в стене и совпала с портретом Высоцкого. Хозяева время от времени замечали перед портретом марево, дрожание воздуха. Мы сфотографировали этот кусок стены, а когда проявили и напечатали, очень удивились. Дело в том, что фотопленка «видит» то, чего не видит человеческий глаз. На фотографии в углу портрета на нас смотрела ужасная волосатая рожа с вывороченными ноздрями и толстыми губами. То есть гоминоид то ли побоялся выходить дальше «дверей», то ли ему что-то мешало.

— *А пришельцами и тарелками вы занимаетесь?*

— Не совсем ими, занимаемся контактерами и посредством регрессивного гипноза возвращаем человека в контактную ситуацию, а он выдает нам весьма интересную информацию. Кстати, вот что значит нечеловеческий разум: логику этих самых пришельцев постигнуть не-

возможно — в частности, по какому принципу они выбирают людей, к которым являются... Даже к алкоголикам приходят — но, правда, только во время перерыва между запоями. Они не приходят к пьяным. Так что лучший способ оградить себя от представителей других цивилизаций — беспробудно пить. А вообще-то «забирают» они человека только с его согласия.

— *Сейчас как раз время рождественских гаданий. Многие вызывают духов. Могут ли духи из-за ошибки вызывающих явиться и не уйти?*

— Все эти «вызывания» — крайне опасная штука. Недаром во все времена священнослужители всячески этому противились, а монархи издавали указы, преследующие гадание. Если вы не подготовлены, не знаете ритуалов контрамагии или знаете, но не отработали их и можете что-то напутать, ни в коем случае этим не занимайтесь! Вполне возможно, что вместо вашего духи или несчастного духа Есенина придет какая-нибудь черная сила.

— *А крестное знамение...*

— Не спасет! А даже если и придет родственник... Оставьте мертвых в мире мертвых. Они моментально и бурно реагируют на все эти «вызывания». Но этим нарушается ритм их существования, вы отрываете их от очень важных дел, которыми они заняты в своем мире. Это плохо. Никогда не занимайтесь никакими «вызываниями»!

— *У моих знакомых жил домовой...*

— Хороший или плохой?

— *Не знаю. Он ничего такого не делал, только побрякушки воровал и часы, если их на столе забывали. Потом возвращал.*

— Значит, хороший. Хороший домовой обычно селился во дворах, где была конюшня с лошадьми. Почему-то очень любил буланых коней, а каурых не любил. Каурым он

путал гривы, они бесились в стойлах. А буланных вычистит, обязательно заплетет гриву в косы, а часто и в самом доме уберет, все на место поставит, посуду вымоет. Если детишки чумазыми спать легли — просыпались чистыми.

— **А плохой домовый — это, надо полагать, то, что называют полтергейстом?**

— Некоторые называют так. В Архангельской губернии называют Хозяином, в Сибири — Акулькой-с-Дунькой. Злой домовый — создание, конечно, неприятное. Может сделать так, чтобы с потолка лилась вода или даже бензин, нефть. Причем потом делают анализ и определяют, тюменская это нефть или, скажем, бакинская. Может все поджечь: пирокинез. Но самое гадостное — это акустический феномен. Другими словами, это когда раздается чей-то голос.

— **И демонически хохочет?**

— Если бы! Начинает выдавать отборнейший мат. Обычно это густой мужской бас или препротивный визгливый детский голосок. Чем плох этот голос? Во-первых, он угрожает. Во-вторых, выдает всю информацию, снятую с вашего подсознания.

Вот, например, в дом на окраине Курска въехали молодожены, хотя хорошие люди советовали им этого не делать. Сначала голос, «обитающий» в доме, выдал мужу всю подноготную о жене, потом наоборот. Разумеется, они насмерть разругались. Но вызвали милицию. Явился отряд. Так голос рассказал всем присутствующим такие вещи про начальника отряда, что, когда решили по этим данным провести расследование, этому начальнику «намотали» 18 статей.

— **А вы подвергаетесь нападениям нечисти, когда ходите «на дело» в «нехорошие квартиры»?**

— Да что она делает! Ну по голове стукнет. Обычно она подстраивает так, что заклинивает фотоаппараты, а это уже обиднее. Так что наш фотограф берет по три аппарата сразу — и то удается сделать только несколько снимков.

— **Вот вы умеете вести себя с этими ужасными... явлениями. А как человеку, у которого поселилось такое «счастье», избавляться от него?**

— Существует шестнадцать методов «борьбы» с полтергейстом. Но поскольку, повторяю, логика во

всем, что касается аномальных явлений, отсутствует, то абсолютно непонятно, почему в каком-то случае срабатывает один метод, в другом — другой, а в третьем — никакой. Самое главное в этом деле — выявить носителя полтергейста в семье. Как правило, это ребенок. И немедленно вывести его за пределы квартиры и изолировать.

— **Ребенка — одного?!**

— Ему же будет лучше. Поставить ему палатку в степи где-нибудь и ждать, пока полтергейст от него отстанет. И очень важно его не бояться! Это лучшее средство. Задача полтергейста — посильнее вас испугать, ведь он — энергетический вампир, он живет за счет ваших эмоций. Если не боишься полтергейста — он «отваливается» моментально: ему не на что существовать.

Елена АВЕРИНА

P.S. К сожалению, пришлось обойтись без снимков, поскольку Центр по исследованию аномальных контактных ситуаций продает право на публикацию снимков полтергейста, Женщины В Белом, помертвых духов, а также реликтового гоминоида только за СКВ.

МОСПОРТТОРГ

**Арендное предприятие
«Мосспортторг»
приглашает
к взаимовыгодному
сотрудничеству
инофирмы.**

Широкие возможности «Мосспортторга» по приемке и размещению больших партий высококачественных товаров импортного производства, реализация их высококвалифицированными специалистами с учетом спроса населения обеспечат партнерам коммерческий успех.

С предложениями
обращаться по адресу:
Москва, ул. Богдана
Хмельницкого, дом 7/8,
телефоны: 921-66-32,
928-58-73.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ...

юридическим и физическим лицам, кто хочет выгодно разместить капитал, реализовать выпускаемую продукцию за рубли или СКВ!

Международный акционерный торгово-внедренческий дом «Экмаштранс» стимулирует приток товаров на биржи.

Необходимое звено между производителями товаров и покупателями — «Экмаштранс» производит подписку на акции.

Акционерам гарантируется:
реализация продукции;
финансовая и техническая помощь в поставке оборудования, расширении производственных мощностей и эффективном использовании отходов и сырья;
возможность долевого участия в производстве и продаже запчастей автомобилей, стройматериалов, ТНП,

оборудования для пивных, мясо-молочных, кожеперерабатывающих заводов, а также купли-продажи недвижимости.

«Ноу-хау» фондовых, товарных, лизинговых операций, позволяющие, не «замечая» инфляции, приобретать ТНП, автотранспорт, стройматериалы и др.

Заявленный Уставной фонд АО «Экмаштранс»

200 млн. руб.

Номинальная стоимость одной акции — 10 тыс. руб.

Пакет из 15 акций дает право на приобретение брокерского места.

Пакет из 100 и более акций дает право войти в состав учредителей.

Подписка на акции проводится до 30 декабря 1991 года.

Контактные телефоны в Москве:

285-37-41, 378-36-09, 167-82-69.

Адрес: 125190, Москва, а/я 130.

АО «ЭКМАШТРАНС» — ЭТО ДАЛЬНОВИДНОСТИ!

РУССКОЕ БОГАТСТВО

“Русское богатство” — это независимый частный журнал (литература, искусство, культура),

основанный в 876 г. Н.Ф. Савичем и возобновленный в 1991 г.

редактором-издателем А. П. Злобиным.

“Русское богатство” — книга-журнал одного автора:

Леонид ЛИХОДЕЕВ

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ

Варлам ШАЛАМОВ и другие авторы

Пусть “Русское богатство” войдет в каждый дом.

Редакция: 113095 Москва, Б. Полянка, д.51а, к.403. Тел. 231-7668. Реализация: 203-3125

Агентство «ИКФА» LTD

ИКФА producer

Принимает авторские цветные слайды, негативы и ч/б фотографии для последующего продвижения их на внутренний и внешний полиграфический рынок

ИКФА profi

Наши фотохудожники выполняют рекламную ф/съемку.

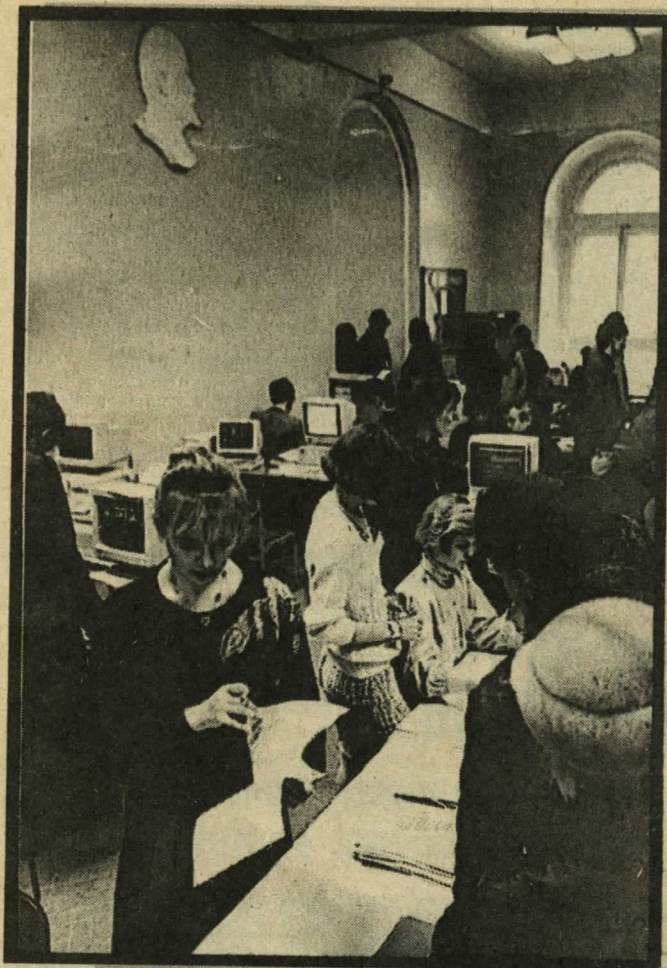
ИКФА kommi

Мы помогаем в приобретении и продаже импортной ф/аппаратуры, окажем посреднические услуги.

ИКФА service

Мы выполним по Вашим заказам фотоработы на импортных материалах.

МОСКВА ☎ 196-11-34, 269-27-24

РИНАКО

НА ШАГ ВПЕРЕДИ ДРУГИХ

РИНАКО — Российское инвестиционное акционерное общество. Создано АО "Российская товарно-сырьевая биржа", АО "Азиатская биржа", Российским национальным коммерческим банком, Технобанком, телекомпанией ВКТ и рядом других известных представителей нового делового мира. Каковы цели, задачи и перспективы РИНАКО?

Российское инвестиционное акционерное общество представляет член Совета директоров С.МЕЛКОНОВ.

— **А**кционерные общества стали, в конце концов, привычными для нарождающейся рыночной экономики. Инвестиционное же — первое...

— Действительно, РИНАКО стало первым подобным объединением капиталов. И в этом смысле мы идем на шаг впереди других. Как, впрочем, и во многих других случаях, когда рыночные структуры создавались при участии или под эгидой Российской товарно-сырьевой биржи. Факт появления на свет такого мощного финансового объединения, как РИНАКО, с Уставным фондом в 1 миллиард 200 миллионов рублей — своеобразный барометр для прогноза "погоды" в агонизирующей социалистической экономике. Ситуация, чему мы все свидетели, критическая. "Барометр" показывает "на бурю"...

— ...и тем не менее, акционерное общество инвестиционного направления создается ни раньше и ни позже, а именно в катастрофическом для разрываемого на части экономического пространства 1991 году? Почему?

— Представьте, что именно в этом и есть своя логика. Вчера организовывать структуру, подобную РИНАКО, было бы рано. Завтра, когда развал экономики перерастет в полный хаос, будет уже поздно. Все хорошо делать в свое время.

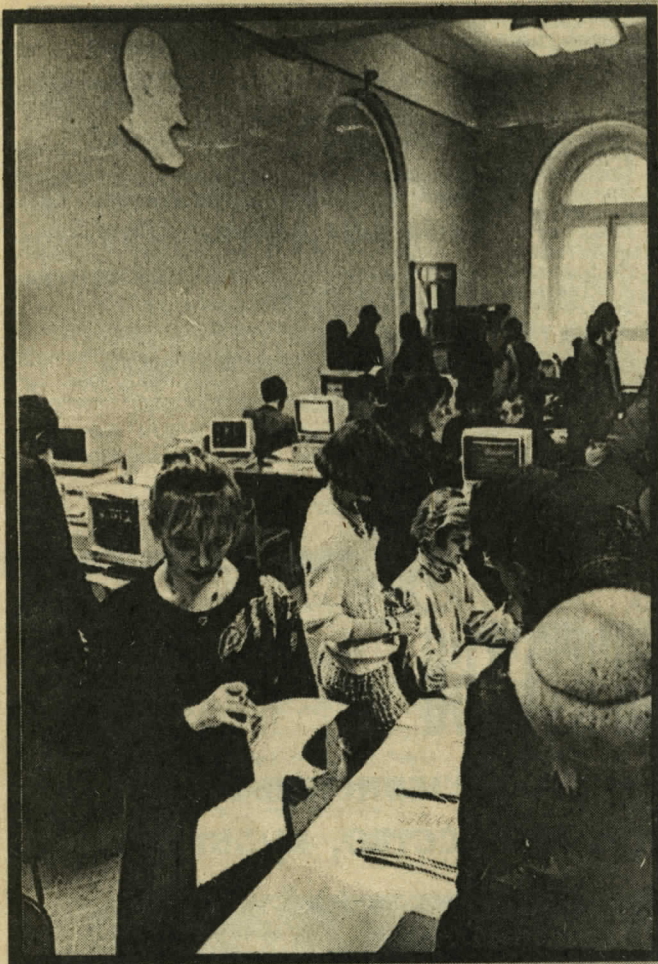
— И чем же сегодняшний безрадостный день оказался благоприятным для рождения РИНАКО?

— Потерпите немного, и такие лидеры бизнеса, как РИНАКО, выведут нашу экономику из кризиса, и жизненный уровень каждого из нас поднимется до высот, приличествующих богатому и

цивилизованному государству. Но начинать надо немедленно. И сегодня, когда мы барахтаемся в сетях серых буден, положение многим кажется безнадежным. Но это отнюдь не так. Завершая свое существование, бывший СССР (как бы эта громадная территория ни называлась в будущем) стоит на пороге поистине революционного переворота. Название ему — инвестиционный бум. Иначе, наверное, и быть не могло. Рухнула планово-распределительная экономика, а новая рыночная переживает трудный младенческий возраст. Спад производства, гиперинфляция. И при этом парадоксальнейшая ситуация. На одной чаше весов нашей многострадальной экономики находятся предприятия, которые не могут перейти с одного вида продукции на другой, так как нет средств. А на другой чаше — новые коммерческие структуры, банки, биржи, акционерные общества, и все мы, рядовые граждане, являющиеся обладателями многомиллиардных сумм и ломающие голову над большим вопросом: как защитить деньги от инфляции? То есть, возникает весьма опасная ситуация — разность потенциалов. Есть мощности, технологии — и нет денег. И с другой стороны — имеется колоссальная масса денег, находящаяся у миллионов держателей. И нет условий для того, чтобы эти миллиарды рублей не просто переходили из рук в руки, а совершали полезную для общества работу.

— Но почему акции? И почему именно РИНАКО?

— Вкладывайте деньги в золото, бриллианты, антиквариат, если и на Вас хватит этих ценностей. Или в недвижимость, но пока и в этой сфере конкуренция жесточайшая. Да и с приватизацией не все так просто. Согласитесь, оптимальный

РИНАКО НА ШАГ ВПЕРЕДИ ДРУГИХ

РИНАКО — Российское инвестиционное акционерное общество. Создано АО "Российская товарно-сырьевая биржа", АО "Азиатская биржа", Российским национальным коммерческим банком, Технобанком, телекомпанией ВКТ и рядом других известных представителей нового делового мира. Каковы цели, задачи и перспективы РИНАКО?

Российское инвестиционное акционерное общество представляет член Совета директоров С.МЕЛКОНОВ.

— Акционерные общества стали, в конце концов, привычными для нарождающейся рыночной экономики. Инвестиционное же — первое...

— Действительно, РИНАКО стало первым подобным объединением капиталов. И в этом смысле мы идем на шаг впереди других. Как, впрочем, и во многих других случаях, когда рыночные структуры создавались при участии или под эгидой Российской товарно-сырьевой биржи. Факт появления на свет такого мощного финансового объединения, как РИНАКО, с Уставным фондом в 1 миллиард 200 миллионов рублей — своеобразный барометр для прогноза "погоды" в агонизирующей социалистической экономике. Ситуация, чему мы все свидетели, критическая. "Барометр" показывает "на бурю"...

— ...и тем не менее, акционерное общество инвестиционного направления создается ни раньше и ни позже, а именно в катастрофическом для разрываемого на части экономического пространства 1991 году? Почему?

— Представьте, что именно в этом и есть своя логика. Вчера организовывать структуру, подобную РИНАКО, было бы рано. Завтра, когда развал экономики перерастет в полный хаос, будет уже поздно. Все хорошо делать в свое время.

— И чем же сегодняшний безрадостный день оказался благоприятным для рождения РИНАКО?

— Потерпите немного, и такие лидеры бизнеса, как РИНАКО, выведут нашу экономику из кризиса, и жизненный уровень каждого из нас поднимется до высот, приличествующих богатому и

цивилизованному государству. Но начинать надо немедленно. И сегодня, когда мы барахтаемся в сетях серых буден, положение многим кажется безнадежным. Но это отнюдь не так. Завершая свое существование, бывший СССР (как бы эта громадная территория ни называлась в будущем) стоит на пороге поистине революционного переворота. Название ему — инвестиционный бум. Иначе, наверное, и быть не могло. Рухнула планово-распределительная экономика, а новая рыночная переживает трудный младенческий возраст. Спад производства, гиперинфляция. И при этом парадоксальнейшая ситуация. На одной чаше весов нашей многострадальной экономики находятся предприятия, которые не могут перейти с одного вида продукции на другой, так как нет средств. А на другой чаше — новые коммерческие структуры, банки, биржи, акционерные общества, и все мы, рядовые граждане, являющиеся обладателями многомиллиардных сумм и ломающие голову над большим вопросом: как защитить деньги от инфляции? То есть, возникает весьма опасная ситуация — разность потенциалов. Есть мощности, технологии — и нет денег. И с другой стороны — имеется колоссальная масса денег, находящаяся у миллионов держателей. И нет условий для того, чтобы эти миллиарды рублей не просто переходили из рук в руки, а совершали полезную для общества работу.

— Но почему акции? И почему именно РИНАКО?

— Вкладывайте деньги в золото, бриллианты, антиквариат, если и на Вас хватит этих ценностей. Или в недвижимость, но пока и в этой сфере конкуренция жесточайшая. Да и с приватизацией не все так просто. Согласитесь, оптимальный

вариант для выгодного вложения денег при таких условиях Вам может выпасть в одном случае из ста. А обесценивание рубля происходит каждый день и с невероятной скоростью. Давайте освежим в памяти реалии, например пятилетней давности. 1000 рублей — это тогда... первоклассный цветной телевизор или мебельный гарнитур, или роскошная импортная дубленка. А сегодня? Это зарплата служащего, которой едва хватает семье в месяц на покупку продуктов питания. Однако если у вас имеются сбережения, то та же тысяча — это акция РИНАКО. 50 тысяч рублей — пакет акций. Приобретали который многие частные лица, кстате, вкладчину. Так вот, купив акции РИНАКО, вы можете сразу снять со своих плеч груз забот и тревог по поводу ваших денег. Дальше начнут работать специалисты РИНАКО. Они займутся вложением собранных капиталов в высокоэффективные производства и перспективные проекты. Зная рынок, точки приложения ресурсов, они разработают наиболее выгодные условия для размещения средств своих акционеров. Это одно преимущество. И другое. Мы первое инвестиционное акционерное общество, которое намерено сразу же начать вкладывать деньги в промышленность (в том числе и в конверсионные предприятия), в сельское хозяйство, в развитие технологий телекоммуникаций. Не в один проект, а сразу в несколько. Значит, по акциям РИНАКО можно ожидать не только гарантированный дивиденд, но и сами они, как мы прогнозируем, начнут расти в цене. Попутно замечу. РИНАКО опять же первым начало создавать сеть региональных представительств, оснащенных новейшей электронной технологией для работы с акциями. Это даст возможность РИНАКО стать одним из лидеров формирования рынка ценных бумаг. Пока он практически пуст. И мы планируем взять на себя экспертизу проектов будущих АО, их оценку с точки зрения существующего законодательства, первичное размещение (выпуск) ценных бумаг. Сделать все это можно будет с помощью компьютерной сети. И нашему партнеру из другого региона не придется даже приезжать за этим в Москву.

РИНАКО — это новый источник финансирования любых перспективных проектов!

— Следует ли Вас понимать так, что пока акции РИНАКО обеспечены лишь многообещающими будущими проектами?

— Все дело в том, что, завершив продажу своих акций, РИНАКО приступило у себя к размещению ценных бумаг других АО. В частности, телекомпания ВКТ. И те юридические и физические лица, которые покупают наши ценные бумаги, получают, а бы сказал, льготную возможность стать акционерами других обществ, куда мы планируем вложить свои средства. Таким образом, акционерам РИНАКО мы открываем дверь и к рынку капитала, и к бирже ценных бумаг.

— Пакет РИНАКО включает 50 акций. Как с ними можно обращаться?

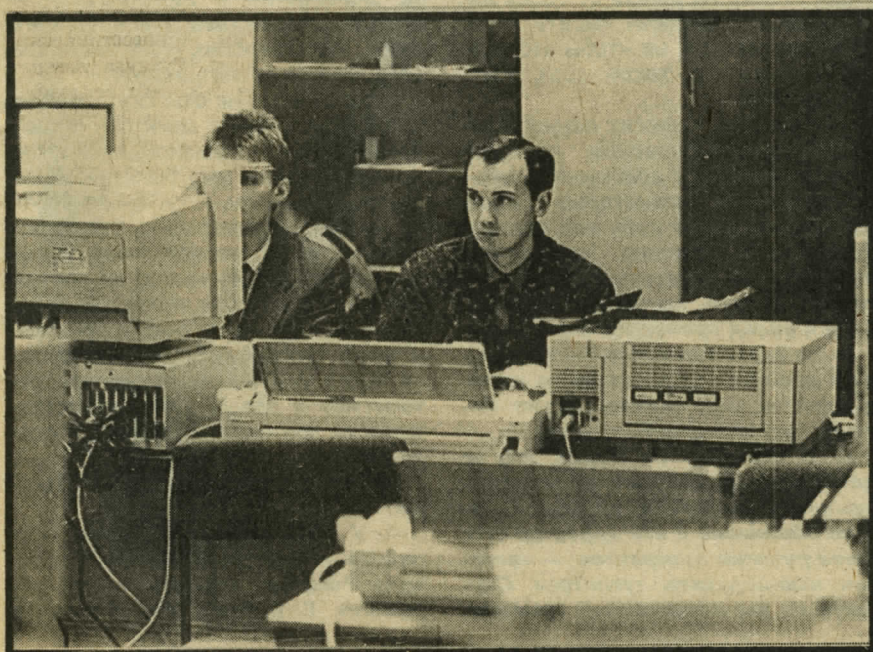
— Легко и свободно, как и подобает собственнику. Первый вариант: если вы просто купили акции и на этом успокоились, то часть их (после увеличения курсовой стоимости) можно затем продать (обеспечив себе безбедное будущее). Можно дарить, включать в завещание и т.д. Плюс дивиденд по итогам финансового года, который будет автоматически перечисляться на счет в банке. Те же, кто захочет делать

на купленных акциях, скажем так, свой маленький бизнес, — к их услугам наши брокеры. И в этом случае возможностей для того, чтобы деньги были не просто красивыми бумажками с водяными знаками, а мощным «двигателем» экономики, предостаточно.

— Насколько успешно прошло первое размещение ценных бумаг РИНАКО?

— Успех превзошел все ожидания. Мы планировали на первом этапе продать половину общего количества акций. Но интерес к нашей инвестиционной идее оказался настолько велик, что мы полностью собрали Уставный фонд.

Сергей ВАСИЛЬЧЕНКО

Адрес:

101000, Москва,
Новая площадь, д. 3/4,
подъезд N 6.

Телефон:

936-07-66

(круглосуточно);

Факс:

936-75-45 или 262-44-06.

Графиня Шапова де Карли: «ЛИМОНОВ ХОТЕЛ ПОБЫТЬ В МОЕМ ТЕЛЕ»

В кругу московско-ленинградской литературной богемы 60-70-х нынешняя графиня была известна под кличкой «Козлик». По первому мужу (московскому художнику-графику) она Шапова, по третьему (не графику, зато графу) — де Карли. Второй же муж — Эдуард Лимонов — не дал ей ни фамилии, ни титула, но обеспечил скандальную популярность, сделав героиней своего скандального романа «Это я — Эдичка». Недавно ее сиятельство после 17-летнего отсутствия побывала на родине с кратким визитом, оставившись в интуристовском номере стоимостью 270 долларов в день. Российское телевидение назвало ее одной из самых красивых женщин Европы, что было воспринято графиней с некоторой обидой: «Многие говорят — мира!..»

— То, как описал вас в своем романе Лимонов, шокировало многих. А вас? Вы — такая, какой предстали в этой книге?

— Когда я оставила Лимонова, он пообещал мне, что отомстит и напишет обо мне ужасную книгу. Давая мне прочитать эту «ужасную книгу», он сильно нервничал: ему нужно было мое письменное согласие на публикацию, так как без этого ни одно издательство не хотело ее печатать. Судьба романа была в моих руках. Но — я сама пишу, а потому читала роман, совершенно абстрагируясь от наших личных взаимоотношений с Лимоновым. Книга мне понравилась своей искренностью. Как литератор, на мой взгляд, он слишком часто повторяется, а ведь каждая страница литературного произведения должна быть ударной. Но это уже техническая сторона дела... Самая лучшая, по моему, книга Лимонова — это «Дневник неудачника». Она некоммерческая, ее написал поэт. К сожалению, сейчас он пошел по пути коммерции, и это его убивает как писателя. Пуш-

кин говорил, что надо писать для себя, а продавать для денег. Конечно, ни один писатель не хочет класть книгу «в стол», а Лимонов, к тому же, живет только на деньги от своей литературы. Он должен писать книгу за месяц-полтора, но чтобы это сделать хорошо за такой срок, надо быть гением.

— Я думаю, у многих людей, прочитавших лимоновские произведения, возникают сомнения в правдоподобности некоторых сцен, где он описывает себя как эталонного идеального мужчину, идеального партнера. Соответствовал ли он тем качествам, которыми наделил себя в своих произведениях?

— Не знаю, как у него было с другими дамами, но, что касается нашего альянса, могу сказать честно: Лимонов был хорошим партнером.

— В «Эдичке» он пишет, что «с детства был запутан в гомосексуальные связи», а наиболее частое обвинение в его адрес со стороны русских эмигрантов — «ветеран нью-йоркских туалетов». Считаете ли вы лимоновский гомосек-

суализм врожденным или это была своеобразная форма протеста, «пощечина общественному вкусу»?

— Не думаю, что он был «с детства запутан в гомосексуальные связи», но подсознательный гомосексуализм в нем сидел. Я не говорю, что это плохо, потому что все люди в той или иной степени бисексуальны, в какой-то ситуации тебе может понравиться женщина, в какой-то — мужчина, все зависит от обстоятельств. Лимонов стал гомосексуалистом после того, как я от него ушла, в качестве протеста мне...

— В отместку!

— Да. Он хотел почувствовать мое состояние, побыть в моем теле, когда я сплю с каким-нибудь мужчиной.

— Ну, судя по тому, как он это описал, в значительной мере это ему удалось.

А повлияло ли на вас как на поэта знакомство с Лимоновым? — Наталья Медведева, нынешняя его жена, как известно, тоже стала писать, выйдя за него замуж.

— Ко мне это не относится, потому что я пишу стихи с семи лет. К тому времени, как я познакомилась с Лимоновым, у меня уже было имя в литературном кругу, и он очень хотел со мной познакомиться, а Сапгир почему-то препятствовал этому. Когда это все-таки произошло, он прочел мне свои стихи. По стилю они были очень похожи на то, чем занималась и я. Но творчество Лимонова никак не могло уже на меня повлиять, потому что я всегда была самостоятельным поэтом — и до него, и после него.

— Что вы опубликовали на Западе?

— У меня вышли две книги. Последняя — «Nil nisi bene», что в переводе означает «Ничего, кроме хорошего». В первый раз, написав и

прочтя ее, я все 170 страниц сожгла, потому что она мне не понравилась. Сердце мое горело вместе с книгой, но, переписав ее, я поняла, что это был правильный поступок. Не думаю, что многие писатели способны на такое.

Более известна моя первая книга — «Это я, Елена». Меня такое название раздражало с самого начала, в оригинале оно было иным: «Интервью с самой собой». Но издатель Кузьминский, который, конечно, хотел сделать книгу более коммерческой, поставил условие, что она будет называться только так.

— *Это название предполагало некий диалог с романом вашего бывшего мужа...*

— К сожалению, да. Хотя сама книга вовсе не была ответом Лимонову: я не свожу с ним счеты, не отвечаю на его вопросы. Это книга о моих личных переживаниях. Считаю, что она была издана прекрасно, за исключением фотографий — они неудачны. Я говорю это не из каких-то ханжеских соображений, просто не люблю что-то делать плохо. Фотографии опубликованы без моего разрешения, потому что корректность, порядочность в эмигрантских кругах весьма условны. Когда книга вышла, мне даже предлагали подать в суд на Кузьминского и на Шемякина, в студии которого проходила съемка, но мне совершенно не нужна подобная реклама и скандалы, потому что у меня сейчас достаточно стабильное социальное положение.

— *Лимонов, в отличие от вас, скандалов по-прежнему не избегает. Как вы думаете, он сознательно их провоцирует?*

— Несомненно. По натуре он настоящий провокатор. Если ему сказать, что это белое, он вам сразу скажет, что это черное, и еще докажет — почему. Если бы у власти сейчас были коммунисты, он бы говорил, что нужны фашисты, а если бы фашисты — то наоборот. Он настоящий анархист, чего никогда не скрывал, но это качество у него приняло какие-то гипертрофированные масштабы, доходя до абсурда. Ко всему, что он говорит по поводу политики, я всерьез не отношусь — поэт, занимающийся политикой, вряд ли преуспеет. Мне это кажется смешным.

— *Стало быть, вы политикой не интересуетесь?*

— Нет, я совершенно аполитичный человек. Впрочем, вовсе игно-

рировать политику нельзя — в конце концов как-то она сказывается на жизни.

— *Уезжая, вы надеялись на возвращение?*

— Я не думала об этом.

— *Вы просто хотели уехать навсегда?*

— Не хотела, нас выгнали. Я здесь жила очень хорошо. Писала стихи, с шестнадцати лет была в кругу московской богемы 60-х: Сапгир, Холин, Сатуновский, Хвостенко, Кабаков, Бахчанян. Потом познакомилась с Лимоновым. Это были «мои университеты». Для заработка писала детские стихи — так делали многие, но и за них меня тоже обвиняли в формализме. Считаю, что, уезжая, я была уже сложившимся литератором, но тем не менее я даже не могла себе вообразить, что когда-нибудь у меня будет вечер в ЦДЛ. Ведь я принадлежала к андерграунду. Как-то раз я послала свои стихи в журнал, кажется, в «Юность», и мне ответили, что это стихи для «Плейбоя»...

— *Пророческие слова?*

— Безусловно. Но тот человек просто понятия не имел, что, как мне кажется, сделал комплимент моим эротическим стихам.

— *Вы уезжали с надеждой сделать на Западе литературную карьеру?*

— Я уезжала с целью начать наконец публиковать свои произведения. Но, приехав туда, увидела, что моя поэзия никому не нужна. Америка в первую очередь интересуется своими поэтами, из иностранных же — только теми, которым присвоила ярлык «интернациональных» — такими, как Евтушенко, Вознесенский. У меня тогда не было такого имени. Это было очень тяжелое время для нас с Лимоновым, поэтому пришлось попробовать свои силы в качестве фотомодели. Для себя же я все время продолжала писать и публиковалась в эмигрантских изданиях.

— *Вы согласны с Лимоновым, когда он говорит о тотальном разочаровании в Западе?*

— Абсолютно. Наше положение там было большим потрясением для всех выехавших отсюда элитарных художников и поэтов. Но художникам, естественно, было легче: их искусство не связано с языком. С литературой все иначе — надо было или сразу печататься на английском, которого я тогда почти не знала, или писать прозу, как это сделал Лимонов. Но так или иначе,

мы все вышли из этого тупика и продолжаем работать, писать.

— *Каковы ваши отношения с эмигрантской средой?*

— Сначала, в Нью-Йорке, мы часто собирались вместе. Русский человек остается русским в любых обстоятельствах и не может не общаться со своими. Кто-то пытается, конечно, от этого отойти, чтобы избежать ностальгии, влиться в американскую среду. Но в Америке мы все-таки были очень близки. В Париже все по-другому...

— *Но ведь «Парижск», как называл его Высоцкий, традиционно считается центром русской эмиграции...*

— Горбаневская в одном из интервью сказала: «Наша задача — не сказать, а понять». И это после двадцати лет в Париже. Многие так и не захотели научиться говорить по-французски, влиться в среду французских писателей, художников. Им это было не интересно. Да и французам они не интересны, хотя несут за собой очень большой пласт русской культуры.

— *В среде поэтического андерграунда литературу принято считать одним из игровых элементов жизни. Вы разделяете эту точку зрения?*

— Нет. Творчество всегда занимало главное место в моей жизни. Можно несерьезно относиться к себе — я довольно часто иронизирую над собой, — но к литературному труду отношусь серьезно. Несмотря на то, что по натуре я — хулиганка.

Ярослав МОГУТИН

За заслуги в области литературы и искусства Елена Шапова была удостоена престижной премии Медита Рона, которую получала вместе с Жоржи Амаду, и Креста от итальянского правительства (исключительно мужская награда, дающая звание комендаторре; Елена оказалась второй женщиной-лауреатом после Моники Витти, которой она была присуждена).

Права на публикацию всех ее произведений в нашей стране принадлежат независимому издательству «Глагол», которое предоставило «Столице» отрывки из романа Шаповой «Это я, Елена».

«Этто я, Елена»

(два фрагмента)

Графиня Щапова де Карли:
«По натуре я — хулиганка».
(из интервью)

Фото Н. Солдатенкова

Как-то раз родители отправили меня в пионерский лагерь. Это на их языке называлось «сжиться с коллективом». Я приехала в этот дурацкий лагерь с клетчатым американским чемоданом, в котором было невероятное количество кружевных ночных рубашек, пластинки с твистом и шейком, жевательная резинка и сигареты «Мальборо».

Ужинать я отказалась, так как была подана какая-то гадость в виде каши и синего цыпленка, умершего от рака. Я отправилась спать, а утром меня разбудила труба, или, как это у них называлось, горн. Все коклюшные стали вставать и с недоумением смотрели на меня, лежащую. Чтобы не слышать проклятого шума, я еще и подушку положила на голову.

— Ты что не встаешь? — спросила одна из коклюшных. — Вставай, мы должны идти на линейку и на зарядку.

Я посмотрела на каждую из них по отдельности и заявила, что я сюда приехала отдыхать. В семь часов утра я никогда не вставала и вставать не собираюсь. Это не похороны бабушки, ради которых однажды я пошла на жертву в столь ранний час. Я посоветовала и им лечь и поспать до десяти, как все нормальные люди. Они последовали моему совету.

Через пять минут влетел вожатый нашего отряда и приказал всем встать. Никто не шевелился. Не зная, как быть, он закричал, что придет старшего пионервожатого и что тогда нам придется отвечать.

Старший пионервожатый не заставил себя долго ждать. Это был плотный молодец с таким свирепым выражением на лице, что коклюшные стали высказывать из своих постелей без единого «ме» и «бе».

— Кто зачинщик подобного безобразия? — вопрошал он громко и четко.

Такая интонация не могла остаться без ответа, поэтому немедленно чья-то худая лапка показала в мою сторону. И еще кто-то добавил: «Это она».

— Встать! Когда старший пионервожатый с тобой разговаривает! Встать, я сказал!

Я взглянула на него из кружев моей ночной рубашки и с холодной уверенностью сказала:

— Не кричи, я сплю. Мне еще нужно самое маленькое поспать три часа, и после этого я смогу с тобой разговаривать.

— Да ты понимаешь, где ты находишься?!

Он начал меня злить.

— Послушай, — вдруг спросила я его — у тебя по ТОЭ что стоит?

От изумления его рот приоткрылся:

— Ты откуда такое слово знаешь?

— Слово я знаю. Обозначает оно «Теоретические основы электротехники», на нем засыпаются все студенты, и преподает его в твоём институте мой отец — профессор, чье имя выковырено у тебя в сердце. Поэтому, если ты сейчас же не уберешься и не дашь мне поспать, знай, что на следующем экзамене ты провалишься. Уж я для этого сделаю

все, еще и сама на экзамен приду, и там посмотрим, как ты будешь орать и махать кулаками.

Сквозь весь его здоровый загар я увидела мышиную бледность.

Он приказал всем коклюшным идти на линейку и остался со мной в комнате один. Его самоуверенность ушла с ними. Пушисто-наивные черты лица деревенского парня вдруг спокойно улеглись на его лице. Он присел на край моей постели и, посмотрев на меня взглядом теленка, приговоренного к электрическому стулу, спросил, сколько мне лет. Я ответила, что три дня тому назад исполнилось четырнадцать. Вдруг он заплакал. Я увидела его простые чистые слезы, которые, не стесняясь, побежали по его круглому лицу, и глаза, которым было все равно, что о них подумают. Мне стало жаль его. Я подняла мягкий кошелек его ладони и сказала, обращаясь скорее к его слезам, чем к нему самому:

— Хочешь быть моим другом?

Его «хочу» прозвучало торжественно и почти неслышно.

— Как тебя зовут?

— Леша.

— Леша — это почти, как лапша.

— Зови меня наедине как хочешь, только не в присутствии других. То, что может быть позволено тебе, не позволено остальным.

— Надеюсь, это не потому, что мой отец — профессор по самому трудному экзамену? Извини, я не хотела шантажировать тебя, ты сам меня вынудил своим офицерским поведением, к которому у меня идиосинкразия с детства. Ненавижу солдафонства.

Леша смотрел на меня, как на маковое поле, вдруг выросшее в столовой.

— Ты русская?

— Я? Конечно, русская. Русская, но не советская.

— Что ты имеешь в виду?

Его изумленный взгляд смешил. Мне хотелось подергать его за несуществующую косичку. Я дернула за красный колокольчик на его шее и сказала:

— Я думаю, что ты обрусевший китаец, который согласится вырыть для меня кровать и даст мне поспать еще час. Это не каприз, я не умею вставать рано и даже в школу хожу во вторую смену.

— Послушай, что зависит от меня, то спи, сколько хочешь. Но есть проблема: это — пионерский лагерь, ты подаешь плохой пример, и мне влетит из-за тебя от начальст-

ва. Я не могу делать исключения для тебя одной. Мы должны что-то придумать.

— Лешенька, я посплю только полчаса, а потом приду в твою комнату «старшего пионервожатого», и мы обсудим вопрос.

— А разговаривать так ты научилась у своего отца?

— Никогда не думала. Может быть. Впрочем, я с ним почти не разговариваю. Или он со мной почти не разговаривает. Думаю, мстит мне за то, что я родилась девочкой, а не мальчиком, как он ме-че-че-че-тал.

Через час я пришла в Лешину комнату «старшего пионервожатого». Леша занимался делом: ставил классические пластинки и по радио запускал на весь лагерь.

— Леша?

— Да.

Он старался на меня не смотреть.

— Леша, тебе самому нравится эта музыка?

— Конечно. Прокофьев, «Петя и Волк». Прекрасная музыка.

Он продолжал на меня не смотреть.

— Леша, у меня с собой пластинки. Джонни Холлидей и «Битлз». Из классики «твист эгейн» и «рок-н-ролл». Почему бы нам не запустить их?

— Ты что, хочешь, чтобы тебя выгнали и меня вместе с тобой?

— Ничего не известно. Разве начальник лагеря тебе когда-нибудь говорил, чтобы ты не ставил по радио твисты и рок-н-роллы?

— Нет, никогда. Это и в голову ему не могло прийти.

— Вот видишь, значит, все в порядке. И я протянула Леше только что распечатанную пачку сигарет «Мальборо» и довольно заезженную пластинку «Rock tonight».

Все остальное произошло с быстротой рождающегося кролика. Через десять минут на подмостках пионерского театра я показывала коклюшным, как танцевать твист и шейк. Через двадцать минут прибежала партийная начальница лагеря, сделала из Алешки лапшу и съела, выплевывая вместе с ним остатки праведных слов: «Подобное безобразию не должно никогда повториться...»

— Ну а тебя-то из лагеря выгнали или нет? — пробуя отковырнуть пуговицу на диване, спросил Сашка.

— Меня — нет, так как я срочно заболела и легла в лагерьный изолятор. Там началась нормальная жизнь: своя комната с ванной, в ле-

су, завтрак, обед и ужин подавались в постель. От меня требовалось лишь иметь температуру, которую я исправно набивала два раза в день. Лешка приносил мне книги, впрочем, там была и своя библиотека. Обо мне вспоминали лишь в случаях самодеятельных выступлений, когда, скажем, к нашему лагерю приезжал в гости другой. Тогда посылали за мной. Первым моим номером было что-то вроде адажио из «Лебединого озера». Вторым — Евтушенко: «Письмо к Франсуазе Саган». Иногда на «бис» я читала «Лорелею» Гейне. Думаю, больше всего им нравилось то, что они ничего не понимали. Я была кем-то вроде шамана, и мои физические и словесные заклипания приводили их в восторг.

Когда вам грустно, что вы делаете?

Я грущу.

Я иду гулять по городам и странам.

Я меняю знакомых и завожу новых друзей.

Я живу в Париже и почти каждый вечер встречаюсь со своим другом-художником.

— Юра, — спрашиваю я своего друга, — знаешь ли ты, кто такой Питер Брук? Он звонит мне постоянно, хочет встретиться. Мой телефон дала ему моя подруга из Нью-Йорка. Хамство давать телефон неизвестным людям.

— Питер Брук? — переспрашивает Юра и лениво почесывается. — Конечно, это известный американский шпион, которого поймали в России, а потом обменяли на русского. Он просидел пять лет в советском концлагере и в Америке написал об этом книгу. А зачем ты это спрашиваешь?

— Я же тебе только что сказала, что он мне постоянно звонит и хочет встретиться. Было Рождество, и я уезжала, как ты знаешь. А потом я была занята, но теперь, если позволит, я с ним обязательно встречу. Я еще никогда не была знакома с настоящим американским шпионом. Может быть, они хотят меня завербовать? Но у меня же плохая память. Потом, кто же сейчас работает на одну разведку? Минимум на три.

— Давай, — как всегда флегматично, сказал Юра, — может, заплатят аванс, тогда пойдем в Клозери де Лила или в ля Куполь. У меня в данный момент десять франков,

галерейщик лишнего не платит.

Вечером зашла я к Юрке. Он уныло бродил по своей маленькой мастерской. Немытые тарелки, полотна, краски, кое-как застеленная постель. В бутылке на донышке выматривалась виски. Стены затянуты коричневой мешковиной. И от всей этой тоски и бедности выть хочется. Да еще на улице, как полагается, моросит отвратительный дождь.

— Юра, так жить нельзя, пошли куда-нибудь.

— Куда?

— У тебя сколько денег?

— У меня — тридцать, а у тебя?

— У меня тоже тридцать.

— Ты же работаешь, снимаешься, куда деньги-то тратишь?

— Старик, живу не по средствам, покупаю дорогие тряпки и езжу на такси. Между прочим, иногда сама себя приглашаю в ресторан и преподношу себе цветы.

— А... Ну тогда конечно (он зевнул).

— Ну, что делать-то будем? На улице дождь?

— Дождь. Я еще сегодня никуда не выходил, не знаю, как там. Посмотри, сегодня нарисовал...

Юрка рисовал затуманенные, как во сне, двери и окна. Рисовал он их мастерски. От них веяло темными голландцами. Успех был ему обеспечен, но в искусстве, как и на военной службе, все дают за выслугу лет.

— Нравится?

— Очень.

— Нет, серьезно?

— Да.

— А здесь не темновато?

— Ну, если бы высветлил чуть-чуть, было бы лучше.

— Да? Я тоже так думал. Слишком темно, почти ничего не видно. Мы замолчали.

— Леня заходил, сказал, что в ля Куполе богатые бабы мужиков покупают. Может, попробуем?

Я эту мысль поддерживаю, и мы едем в ля Куполь. Мы садимся на террасе и заказываем кофе. Юрочка скучающе оглядывает террасу. Народу мало, а сексуально озабоченных дам не видно вообще.

За окном моросит дождь. Вышагивает хромая проститутка. Проститутка стара и некрасива, как эта погода. Над ней раскрыт старенький китайский зонтик.

— Юрка, твой коллега, — шучу я. Юрка хмыкает.

— Тебе понравилось то, что я сейчас делаю?

— Очень.

— Выставка в ноябре. Вишельман гарантирует успех.

— Знаешь, здорово! Так это еще никто никогда не делал. Красиво...

Проститутка теперь больше не маячила. Она встала.

— Юра, я думаю, она молодец, что решила стать проституткой. Бесплатно ее бы никто не... а так она сразу двух зайцев убивает.

— Ты что, на меня; что ли, намекаешь?

В этот момент на пороге появилась шикарно одетая дама с живым произведением искусства — юношей лет восемнадцати. Дама что-то рассказывала. Юноша улыбался по-майски. Юрка как-то крикнул и сказал, что Леня дурак, если не понимает разницы между тридцатью шестью и восемнадцатью. Мы расплатились за кофе и пошли к выходу. Юрка на ходу заворачивал шарф и слова вокруг шеи: куда же он меня, дурак, позвал? Не видно, что ли, я и этот мальчик...

Да, Юрка, мальчик был очень красив и молод. Я еще раз посмотрела на них, теперь уже через окно, им принесли шампанское. Хромая проститутка исчезла...

Вы часто отвечаете на телефонные звонки?

Всегда, если не в постели с любимым человеком.

С кем бы вам хотелось познакомиться?

Со шпионом.

Питер Брук звонил каждый вечер, но никакого желания видеть незнакомого человека не было. И вот однажды...

Я лежала в черной ванной и думала, что совсем неплохо ловить на себе взгляд чистых зеркал, совсем неплохо жить и являть собою некий фантазм. Сейчас же из мыльных пузырей и вздулась фраза, которую я приподняла большим пальцем ноги: замашки балетного романтика и рисунк австрийского императора привели его к болезненной чувствительности трех текущих свеч в ночном канделябре...

Фантазм сидел в двенадцать часов ночи в саду за столом, под деревом, которое в русской литературе называется размашистым и, кажется, орех. Впрочем, над названием он себе голову долго не ломал, а лишь вкушал эту дачную французскую романтику, где был совершен но один.

Как и полагается фантазму, он

был в белом, его ничто не раздражало, за исключением пьяных голосов, доносившихся иногда с соседской дачи. Хорошо ли ему было? Ох, хорошо. Стояла, лежала, сидела или, может, висела душная июльская ночь. Черная бабочка приятно раскрывала большие нешумные глаза и спрашивала: зачем?.. Мотыльки упорно обжигали себе крылья, пробуя обнюхать поплывшие свечи. Зеленобокья саранча проползла по садовому столу и, поняв, что в чужом пиру похмелье, поспешно скрылась в красноглазом будуаре смородины...

Его «ничто», как и «ничто», были прерваны телефонным звонком. Говорить о том, что это был Питер Брук, нет смысла. То ли из хулиганства, то ли вспоминая слова Юрки, но я спросила его на языке диких северных племен, как он поживает. Его ответ оказался горошиной, которая из меткой рогатки восьмилетнего негодяя попала мне в ногу. Он говорил по-русски с акцентом сгнившего персика.

На вопрос, когда я окажу ему честь быть принятым, я ответила, что моя благосклонность распространяется на него с сегодняшнего вечера.

— Тогда я буду сейчас же, — и он с расторопностью хозяйки, которая боится обвариться кипятком, поспешно бросил трубку.

Ха, испугался, что я могу передумать или назначить время.

Разочарованию моему не было границ: Питер Брук оказался известным английским режиссером и всего лишь однофамильцем американского шпиона. Когда я поняла, что он не собирается делать из меня Мата Хари, было поздно. Молния блеснула в моей маленькой студии. С громом, градом и дымом неумолимое чудовище хотело в жертву фантазм.

— Мария не ошиблась, когда рассказывала о тебе. Наконец-то, наконец я нашел то, что искал...

Ты веришь ли, веришь, что существуют вампиры?

Ты веришь в наслаждение жертвы и мучителя? Я верила во все, но не могла поверить, что этот маленький, крепкий, коротконогий садист и есть потомок маркиза де Сада, который напал на меня в моем собственном доме. Его образ никак не вязался с образом высоких, худых, широкоплечих садистов из «Истории О...»...

— Алексей, ваш журнал — издание, скажем так, непривычное. Вокруг его первого номера было много шума...

— Сама по себе акция открытия журнала «Андрей» не лишена налета некоторого безумства. Добротного и необходимого безумства. Это пример отчаянной коммерческой авантюры в духе времен дикого Запада. Это настоящий энтузиазм, это люди, которых сплотила идея и которые идут до конца.

Решить все вопросы с бумагой, типографией оказалось нечеловеческой задачей. Мы знаем многих людей, которые пытались создать очень интересные журналы, но споткнулись обо все эти неизбежные проблемы. Их идеи остались навсегда погребенными на наших бескрайних просторах. Сейчас они посылают проклятия этой стране и ждут первой возможности, чтобы уехать.

Мне же очень интересно жить в России. Потому что именно сейчас, именно здесь идет самый большой розыгрыш самых больших призов. На Западе мне было бы скучновато. Я по своей натуре игрок, я, можно сказать, сижу за рулеточным столом день и ночь, не вставая. Я устаю, но — азарт! Быть может, сказывается моя настоящая профессия — актер. Я ведь заканчивал Щукинское театральное училище. После этого в качестве хобби начал заниматься журналистикой и фотографией. Это меня увлекало. Я работал в молодежной прессе — в «Студенческом меридиане», «Ровеснике»... Но это не приносило мне ничего, кроме творческого удовлетворения. И я понял, что, видимо, пора прекращать работать на каких-то скучных, неблагодарных людей. А надо бы начинать работать на себя.

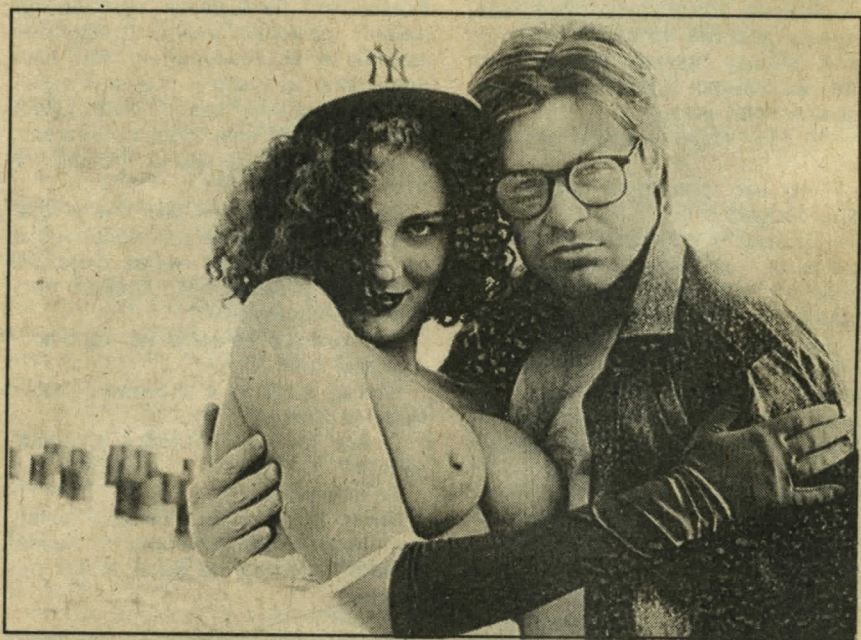
— Как же удалось на совершенно голом месте, без денег, у нас в стране создать частный журнал?

— Именно потому, что у нас в стране. Это парадокс именно нашей системы. Мы еще успели поймать тот момент, когда можно было построить нечто из ничего. Тот, кто вступает на эту дорогу сейчас, кто хочет конкурировать с нами, должен иметь много миллионов рублей. А еще лучше долларов. Мы же имели лишь идеи и решимость довести все до конца.

— Существует масса отечественных изданий схожей с «Андреем» направленности. Какая-нибудь там «Эротическая газета»...

Алексей ВЕЙЦЛЕР,
главный редактор журнала «Андрей»:

«ЖЕНЩИНА — ЭТО ИГРУШКА В РУКАХ МУЖЧИНЫ»

— Это распространенное заблуждение, типичное для русской сексуальной революции. Если в журнале публикуются фотографии красивых девушек в наряде Евы, то, значит, он эротический. Нет, мы именно современный журнал для мужчин. Разумеется, есть у нас и качественная эротика. В «Андрее» ее ровно столько, насколько она интересна нормальному мужчине наряду с его другими интересами: бизнесом, спортом, модой. Кстати, и отделы у нас сформированы соответствующим образом.

— Когда «Андрей» появился на свет, его очень назойливо принимали сравнивать с американским «Плейбоем»...

— И совершенно напрасно. «Плейбой» к нам никакого отношения не имеет. Однако после статьи в «Тайме», где нас назвали русским вариантом «Плейбоя», после выступления радио «Свобода» со схожим высказыванием мы получили письмо из адвокатской конторы «Бейкер и Маккензи». В этом письме я обнаружил требование: прекратить всякие ссылки на журнал «Андрей»

как русский вариант «Плейбоя»...
Забавно...

— По-моему, такое сравнение должно льстить вам.

— Да нет. С тех пор как сам Гуго Хеффнер — издатель «Плейбоя» — отошел от дел и журналом занялась его дочь, журнал стал превращаться в какое-то подобие «Вог». Это уже не великий «Плейбой» 60—70-х годов, он закончил свое развитие как журнал для мужчин. Другое дело «Пентхаус»: он гораздо ближе нам, и, я думаю, мы будем дружить.

шнему мужчине интересен именно русский журнал для него. Ведь такого еще не было.

— Кстати, а почему именно для мужчин?

— Потому, что мужчины сейчас более других нуждаются в снятии стрессовой агрессивности, которая накопилась за время выхода из искаженной эпохи. А от мужчин зависит климат в обществе вообще. Все-таки мужчина — ведущая сила общества. И если мы возьмем в расчет именно сильную половину, я ду-

нас и для нее это лишь работа. С костюмами, тщательно продуманным макияжем, освещением, композицией.

— А что говорит ваша жена?

— Я пока еще не женат, но вскоре это произойдет.

— Кто же счастливица?

— Одна из моих, с позволения сказать, моделей.

— Ну вот...

— Не улыбайтесь. Я прошел через свою маленькую сексреволюцию, и теперь мой идеал — крепкая семья. Думаю, что и «Андрей» поможет своим читателям пройти через всеобщую сексреволюцию, чтобы, в конце концов, осознать всю ценность семьи.

— Сколько зарабатывают у вас модели?

— Оплата за одну фотосерию будет побольше, чем среднегодовой доход рядового кооператора. Помимо этого в наших планах — в конце каждого года устраивать шоу, где девушки «Андрея» будут получать подарки от наших рекламодателей: автомобили, шубы, драгоценности.

— То есть для вас девушки — что-то вроде таких живых «Барби», которых нужно одевать (или раздевать), любоваться, но не более?

— Я вообще считаю, что женщина — это игрушка для мужчины. Однако, поверьте, это вовсе не унижительно для нее. Все мы в определенном смысле игрушки. Какой-нибудь там политик-говорун — разве не игрушка? Игрушка, только не очень красивая. А как приятно быть красивой игрушкой! Когда же женщина начинает бороться за эмансипацию, вставать в пикеты и прочее, это значит, что она просто нелюбимая игрушка. Мне жаль ее.

Алексей БЕЛЯКОВ

Фото Александра ШМИДА

— У западных журналов превосходная полиграфическая база. А что у вас?

— У нас абсолютно все отечественное: и бумага, и типография, и девушки. Это наш принцип. Мы будем расти вместе со страной.

— Но наш читатель теперь имеет возможность созерцать тот же «Плейбой». И рядом с ним в полиграфическом отношении «Андрей» явно проигрывает. Не бойтесь, что, пока «повзрослеете», журнал просто умрет?

— Нет, совершенно не боимся. На-

маю, не ошибемся, потому что тем самым мы поможем и женщинам.

— Где вы находите ваши фото-модели?

— Где угодно. Например, с Катей Волковой — девушкой второго номера — я познакомился в «Макдоналдсе». Познакомился — и предложил работать для нас. Она с радостью согласилась.

— Тут невольно в голову приходят всякие мысли...

— Не совсем понимаю, что вы имеете в виду. У Кати есть свой парень, которого она очень любит. Для

На снимках:

Алексей Вейцлер
за работой.

Фирма «ТОНИ»

ВЫ ЕЩЕ НОСИТЕ «BENETTON» И «LEVI'S»?

СРОЧНО МЕНЯЙТЕ СВОЙ СТИЛЬ: В МОДУ ВХОДИТ ФИРМА «ТОНИ»

Московская фирма «ТОНИ» — это модная и недорогая верхняя одежда для Вас и Вашей семьи.

«ТОНИ» — это фирменные сорочки, куртки, платья, детские комбинезоны самой модной цветовой гаммы, выполненные по лекалам модельеров-профессионалов.

«ТОНИ» — это цены ниже рыночных.

«ТОНИ» — это сеть брокерских контор на ведущих биржах столицы.

«ТОНИ» — это конкретная благотворительная программа.

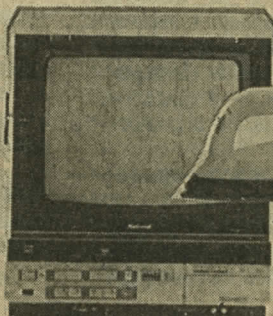
Наш ☎ 165-14-38

Контактные телефоны:
482-20-88,
489-57-74,
976-78-77,
976-78-78

1. НПК «Видеомед» при ассоциации «Интертренинг» осуществляет поставку **ИМПОРТНОЙ ТЕХНИКИ:**

— множительная техника формата А4 и А3 и заправка ее тонером;
— видеотехника (телевизоры, видеомагнитофоны, видеокамеры, видеокассеты);
— аудиотехника (музыкальный центр).

3. ПРОДАЕТ товары народного потребления, кожаную мебель для офиса.

4. КУПИТ:

— вышеперечисленную технику;
— товары народного потребления (одежда, обувь и т.д.);
— грузовые а/м КамАЗ 53212, 53213; РАФ (новый);
— радиокомплекты для ремонта импортной техники.
Оплата по безналичному расчету в советских рублях.

2. РЕМОНТ вышеперечисленной техники осуществляется высококвалифицированными специалистами в мастерских НПК «Видеомед».

Что - о - о - о?

Вы еще не видели фантастический триллер «ПРОЕКТ АФРОДИТА», ставший событием на международном видеорынке нынешнего года в Каннах? Только «Видеofilm» — постоянный участник самых авторитетных видеорынков мира поможет Вам в этом!

НАДЕЖНЫЙ ПАРТНЕР В КОММЕРЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРОДУКЦИИ НА СОВЕТСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ВИДЕОРЫНКАХ.

- * если Вы заинтересованы в быстром выходе новых фильмов к зрителю
- * если Вы стремитесь завоевать доверие собственных клиентов высококачественными видеопрограммами, не нарушая законы цивилизованного телевидеобизнеса
- * в конце концов, если Вы просто хотите заработать деньги

«ВИДЕОФИЛЬМ» — ВАШ ЛУЧШИЙ ВЫБОР!

- * покупает и продает теле- и видеоправа на фильмы советского и зарубежного производства
- * комплектует и продает телевидеопрограммы для эфира местных студий ТВ, кабельных сетей и видеотек
- * выдает разрешительные удостоверения на видеопрограммы

Вам захотелось взглянуть на декабрьский каталог новых программ «Видеofilm»?

У ВАС ПОЯВИЛОСЬ ЖЕЛАНИЕ СОТРУДНИЧАТЬ С КОРПОРАЦИЕЙ «ВИДЕОФИЛЬМ»

Ваших звонков ждут
телефоны: 229-80-32, 924-06-28 (временный),
229-95-71
факс: 973-20-39

«НЕДВИЖИМОСТЬ ВЫТАЩИТ РОССИЮ ИЗ ДОЛГОВОЙ ЯМЫ»

Всероссийская биржа недвижимости учреждена 14 января 1991 года. Уставной капитал — 300 миллионов рублей в виде 1200 именных акций достоинством 250 тысяч. Среди акционеров биржи крупные государственные, общественные и коммерческие структуры. Инвестируемый капитал коммерческих банков и страховых компаний позволяет успешно решать проблемы кредитования и организации страхования недвижимости. Биржа имеет представительства во многих городах нашей страны, а также в Нью-Йорке, Лондоне, Будапеште, где двери ее офисов для клиентов — как частных, так и юридических лиц — открыты ежедневно.

Сегодня на вопросы нашего корреспондента отвечает президент акционерного общества Всероссийская биржа недвижимости В.АВДЕЕВ.

— Вадим Борисович, из названия Вашей биржи следует, что Вы решаете практически весь спектр проблем, связанных с недвижимостью: ее оценка, продажа или покупка, выделение кредита на строительство, ремонт или приобретение, даете информацию о спросе и предложении на рынке недвижимости...

— Верно. Наш банк данных содержит достаточно разнообразную и исчерпывающую информацию. Там есть все необходимое для аналитической работы и принятия грамотных решений. Мы знаем, какой в России жилой фонд, сколько гектаров неиспользуемых земель и земель, неправильно используемых, какова, к примеру, рентабельность фабрик и заводов... Но главная наша забота — «замороженные» строительные объекты. Они должны бы стать основным товаром биржи. Ведь в ценах 89-го года — это 250 миллиардов рублей по России. Решение об их распродаже давно принято, но

никак не определяются с механизмом практической реализации.

Два месяца назад мы дали наш проект практических шагов по продаже «замороженных» объектов в прежнее правительство России, точнее, в Государственный комитет по управлению государственным имуществом, его председателю М.Малею. Мы обладаем всей необходимой информацией о «незавершенке», можем провести полную экспертизу этих объектов и подготовить их к конкурсной продаже. Кто будет покупателем: СП, иностранца или отечественный предприниматель — решать правительству. Наш доход тут — одна десятая процента от сделки, государство же вернет миллиарды. На наше предложение нет никакой реакции. В правительстве передвижения активные, Малея на прежнем посту сменил А.Чубайс, а дело по-прежнему стоит.

— Насколько актуален сегодня вопрос о распродаже «замороженного» строительства на территории России?

— В госбюджете страны огромная дыра, правительство лихорадочно ищет, чем ее залатать. А в земле зарыты миллиарды, и все делают вид, что их не замечают. По ценам нынешнего года это уже 800 миллиардов! Не говоря о сотнях миллионов, идущих на поддержание консервации ежегодно, которые, кстати, берутся все из того же дырявого бюджета, усугубляя и без того плачевное положение. А ведь заморожены не только производственные объекты, но и жилье, школы, больницы — то, чего нам не хватает. И в то же время многие значительные капиталы, не найдя применения, оседают в сейфах и на банковских счетах различных коммерческих организаций, лежат в бездействии и дают своей массой на потребительский рынок.

Наша биржа готова найти покупателя на «незавершенку». Такая сделка отвлечет от потребительского рынка значительные капиталы, которые готовы вложить в недвижимость бизнесмены. К тому же мы получим новые промышленные предприятия, жилье, социальные объекты. Практически разрешится проблема дефицита госбюджета, миллиардные поступления позволят

реализовать социальные программы защиты малоимущих в трудное переходное время к рынку и свободным ценам.

— Вадим Борисович, видимо, для Москвы проект продажи «замороженного» строительства не столь злостно. Хотя дефицит городского бюджета вполне сравним с российским. Какие меры, на Ваш взгляд, необходимы, чтобы экономика столицы вышла, наконец, на путь выздоровления?

— Приведу простой пример из деятельности нашей биржи. У нас на торгах московский киоск «Мороженое» уходит за 50—170 тысяч, в зависимости от географического места расположения. По городу таких киосков наберется около 10 тысяч. Простое арифметическое действие, умножение, покажет, что, реализовав их таким образом, бюджет города можно пополнить в среднем на миллиард рублей. На распродажу потребуется месяц-два. Однако такой очевидный механизм приватизации мэрия Москвы не предусматривает. Киоски за символическую плату, тысяча рублей за квадратный метр, отдают тем, кто там работает. Складывается впечатление, что в мэрии работают некомпетентные экономисты, склонные больше к теоретическим рассуждениям, нежели к практическим разумным поступкам. Уверен, все постановления по приватизации в Москве должны проходить экспертизу в коммерческих и биржевых структурах, там, где работают практики.

— Хочу возразить Вам: откуда у киоскеров или работников иных небольших торговых точек такие бешеные деньги на приватизацию своего рабочего места? И потом, кто же станет собственниками этих палаток и киосков?

— Наше предложение мэрии Москвы по приватизации сводится к следующему: сначала, в первый месяц, продавать только мелкие предприятия сферы обслуживания, к примеру, магазины площадью до 150 квадратных метров. Причем право купить семьдесят процентов основных и оборотных средств предоставить членам трудового коллектива. Остальное — поступает на

аукцион и продается любому жителю города. В этом случае в выигрыше остаются все. Трудовой коллектив сохраняет права хозяина, при минимальных затратах. Совладелец, вложив приличные деньги, заинтересован в улучшении работы приобретенного объекта и дальнейших капиталовложениях. В бюджет города отчисляется аукционная разница от продажи тридцатипроцентной доли от полной стоимости.

Что же касается приватизации более крупных магазинов, ее следует проводить не ранее лета наступающего года. И до тех пор реализовывать там продукцию по госценам. Это позволит снизить, а возможно, и предотвратить нарастающее социальное недовольство населения ростом цен на переходном этапе, когда приватизированные уже малые торговые точки из-за организационных трудностей не смогут работать в полную силу.

Не сомневаюсь, что эту схему приватизации можно распространить на территорию всей России. Она достаточно гибкая и конструктивная. Устраивает и бизнесменов, которые получают реальную возможность вложить свой капитал, и потребителей — у них остается еще некоторое время приобретать товар по жестким ценам до стабилизации рынка.

— Какую роль в процессе приватизации Вы отводите возглавляемой Вами бирже?

— В последнем примере мы будем участвовать в организации торгов той же тридцатипроцентной доли от общей стоимости приватизируемого объекта. Чем дороже продадим, тем больше денег государство получит в свой бюджет. А это поможет решать социальные программы, которые сейчас особенно важны. И тогда нам не придется приватизировать больницы, поликлиники, школы... что очень сильно ударит по карману и без того нищего населения.

Если правительство не залатает бюджет, нам не на что будет жить. Продавая недвижимость, мы поможем выкарабкаться из долговой ямы. Но надо, чтобы нам не мешали. А мешает прежде всего наш институт законотворчества. Цивилизованного Закона о земле — нет! О частной собственности — нет! Нет гарантий для западных инвестиций. Законодатели в нерешительности топчутся на месте. А инфляция не ждет — нарастает. Не удивлюсь, если через несколько дней курс доллара к рублю окажется 1:250. Только снятие всех законодательных препон, особенно для западных инвестиций, а также обеспечение исполнения указа Б.Ельцина о хождении на территории России одной валюты — рубля снизит инфляцию. Западным бизнесменам, желающим вложить доллары в недвижимость, придется менять их на рубли, а рублей потребуются очень много, значит, и господам следует готовить

немало зеленых купюр. Спустя год, может стать, курс рубля к доллару уже будет 8—10:1

— У некоторой части нашего общества бытует мнение, что негоже распродавать Россию иностранцам, тем более торговать землей, считающейся, в понимании некоторых соотечественников, священной. Как Вы относитесь к этому?

— Наивно рассчитывать на помощь Запада. В это я не верю. Что могли — они уже дали в виде гуманитарной помощи. Теперь зарабатывать надо самим. В продаже земли не вижу ничего зорного — это экономическая практика всего ци-

вильзованного мира. И тем не менее ни одна страна еще себя не распродала. Не ожидает такая участь и Россию. Торговля недвижимостью только поможет ей скорее предоставить возможность своим согражданам в конечном счете жить по-человечески.

Беседу вел В.СЕМЕНОВ

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

Страницы кинематографических и некинематографических изданий в последнее время переполнены размышлениями, стонами и истерическими всхлипами по поводу гибели отечественного кино и настоятельной необходимости это самое кино спасти. Все правильно. Советское кино, как, впрочем, и все советское, гибнет. И спасти его, несмотря на советскость, наверно, нужно. Удивляют рецепты спасения.

ОСТАВЬТЕ ЗРИТЕЛЯ В ПОКОЕ!

Недавно довелось присутствовать на записи телепередачи о кино. Ведущий спрашивал людей, чего они ждут от кинематографа. Вот как звучал первый же ответ: «Я иду в кинотеатр, чтобы обрести веру».

В любой нормальной стране подобные слова вызвали бы сомнения в том, что человек, их произнесший, адекватно воспринимает окружающий мир. Для нас же сия тирада — свидетельство высшей духовности. И бессмысленно в данном случае говорить о том, что задолго до изобретения кинематографа человечество знало место, где страждущие обретают веру. В нашем зазеркалье продукты питания выдаются на заводах, а духовная жажда утоляется там, где людям вообще-то положено отдыхать.

По крайней мере два поколения советских людей выросло с убеждением, что важнейшее из искусств, переняв эстафету великой русской литературы прошлого века, существует, чтобы воспитывать человека, наполнять его жизнь высоким содержанием, мобилизовывать на движение вперед, к светлому будущему. Об этом впрямую говорили коммунистические идеологи, подкрепляя свои тезисы бесчисленными «Вечными зовами», «Любовями земными» и «Фронтами» — «без флангов», «в тылу врага» и «за линией фронта». Народ любил эти произведения, от некоторых просто млел и — верил коммунистическим идеологам.

Любопытно, однако, что либеральная интеллигенция, более или

менее не любившая коммунизм, тоже имела свой кинематограф, воспитательные функции которого были точно такими же. Возносясь в космические выси «Соляриса», отправляясь за Сталкером в Зону, интеллигент испытывал генетическую ностальгию по некоммунистической жизни и готовил себя к жертвоприношению...

И вот — свершилось! Интеллигентно-оппозиционеры пришли к власти и, выведя свой кинематограф из полуподполья, провозгласили господствующим.

И все бы хорошо, только зритель отчего-то не захотел мириться с новым игром. Великодушно предоставленной возможности спокойно наслаждаться Сокуровым и Муратовой в тысячеместных кинозалах он, зритель, предпочел «Рабыню Изауру» по ТВ, Шварценеггера по пиратскому видео, супругов Голон и Пикуля на многочисленных книжных развалах.

Видя такое дело и осознав, наконец, что иногда люди ходят в кино и для развлечения, прокатчики распроясались и принялись наверстывать упущенное по части индийских слез и американского мордобоя. Высокое искусство, манящее, зовущее, воспитывающее и формирующее, окончательно исчезло с экранов.

И здесь-то произошло самое примечательное.

Наша свободолобивая киноинтеллигенция, объединенная в самый революционный в мире Союз кинематографистов, страшно обиделась. Стали собираться, бурно обсуждать свою обиду, проводить ак-

«Посвященный»

ции, давать интервью и писать многочисленные статьи.

У всех этих действий без труда просматриваются аналогии в прошлой жизни. Что такое, скажем, постановление о квотировании количества зарубежных фильмов? Как можно дозировать иностранные картины в государстве, граждане которого не видели ни одного фильма Олтмена, Линча, Гринуэя? Почему продвижение на экран фильма

В.Шиловского «Аферисты» надобно почитать более важным делом, чем покупку блистательной «Аферы» Джорджа Рохилла?

Можно, конечно, возразить — ограничение числа западных лент поставит-де заслон низкопробной продукции. Можно даже предположить, что авторы постановления действительно озабочены стремлением облагородить наш репертуар, но... Как говорят представители одного малого народа, расскажите это тете Розе. Не нужно быть крупным интеллектуалом, чтобы спрогнозировать поведение прокатчиков в случае если бы затея с квотированием осуществилась. Заставь их нужда работать с отечественными лентами, надо ли спрашивать, какие режиссеры станут «лучшими друзьями прокатчиков» — вышеназванные Сокуров с Муратовой или любимые народом Разумовский с Эйрамджаном? Так что куда ни кинь — всюду клин.

Известно, как в коммунистические времена режиссеры из «касты неприкасаемых» реагировали на появляющиеся по недосмотру недостаточно восторженные отклики на свои новые талантливые произведения. Они, режиссеры, ходили жаловаться в ЦК (или в КГБ, кому что ближе). Нынче — не то. Нынешние мастера, творящие высокое, трепетное, воспитывающее искусство, не могут, скажем, отправиться в Белый дом, зато страницы печатных изданий в их полном распоряжении.

В седьмом номере «Искусства кино» за 1991 год читаем большую статью замечательного сценариста Юрия Арабова «Виват новые времена!» Очень интересную в части размышлений на социально-криминальную тему и в высшей степени показательную в плане неадекватности восприятия этих самых новых времен.

«...привез в один чудный волжский город мою и О.Тепцова картину «Посвященный». Тогда уже было ясно, что прокат «Посвященного» не купит. Но его, болезного, не купила даже Ассоциация кино клубов... Картина в городе имела успех...»

Прочтя эти строки, я окончательно убедился в том, что, как всякий выдающийся художник, Арабов живет в башне из слоновой кости. Ведь если бы он хоть на секунду спустился на грешную землю и заглянул в расписание кинотеатров, висящее на всех столичных перекрес-

«Воры в законе»

тках, то, быть может, остерегся бы писать явную неправду. Его и О.Тепцова фильм «Посвященный» был не только куплен прокатом в Москве, но и до сих пор регулярно возникает то в одном, то в другом кинотеатре. Правда, лишь на неделю. Правда, лишь на одном сеансе. Но при всей любви к своему детищу Ю.Арабов не может не осознавать, что оно не является развлекательным, а значит, кассовым.

«Что же делать в таком случае поэтам?» — спрашивает Арабов, объясняя, что под словом «поэт» понимается любой творческий, не способный идти на компромисс человек. Между тем из первой цитаты ясно, что наш поэт предлагает пойти на компромисс прокатчикам и зрителям. Не смотреть и не показывать мусор из-за океана и с «Мосфильма», а стройными рядами отправиться на его и О.Тепцова фильм. Ведь смотрите — в чудном волжском городе «картина имела успех».

Здесь необходимо понять, что это значит — «имела успех». Конечно, визит в чудный волжский город проходил под эгидой местного кино клуба или чего-нибудь в этом роде. Безусловно, в чудном городе наличествуют несколько сотен киноманов, обожающих этакую кинематографическую «навороченность», представляющуюся им чистойшей прелестью чистойшим образом. На-

верное, после каждого из пяти—десяти сеансов в чудном городе к Ю.Арабову подходило десятки зрителей, уверявших его, что никогда ничего подобного на экране не было.

Конечно, все это приятно, но слова «картина имела успех» — это про другое. Про «Маленькую Веру», которую посещали целыми классами на специально организованных сеансах в 5 утра. Про «Легенду о Нарайяме», которую крутили безостановочно круглые сутки. Про «Воров в законе» наконец...

Я понимаю некорректность данных примеров. Все названные кассовые чемпионы содержат в своих художественных структурах элементы, привлекательные для самого широкого зрителя, «Посвященный» же — картина элитарная. Некорректен, однако же, и Арабов, корящий прокат за то, в сущности, что его и О.Тепцова фильм не идет повсеместно.

Может, я не прав, но не вижу особой разницы между обидой на то, что «Посвященный» не демонстрируется так же, как «Пляжные девочки», и указанием инстанций переписывать часть сбора от проката итальянского «Укрощения строптивого» на бондарчуковские «Красные колокола».

Юрия Арабова понять можно, но нельзя не отметить, что личной оби-

де наш поэт изо всех сил пытается придать характер всеобщей катастрофы, говоря о гибели едва ли не русской культуры, раздражается на Олега Газманова, на рекламу фильма «Бля!» на гомосексуализм и на «раздетое бабье»...

Читая все это, вспоминаю статьи о тлетворном западном масскульте, в обилии появлявшиеся в непродолжительную эпоху К.У.Черненко, и недоумеваю. Ну не нравится Газманов — так никто же не приковывает к телевизору, выключи и поставь пластинку с лютневой музыкой. Претит однополая любовь — развлекайся с красоткой. Тошнит от раздетого бабья — отправляйся во МХАТ к Татьяне Дорониной.

В чем драма-то? Зачем нервничать?

А в том драма, что у нас, в матушке Расее, все не как у людей. У людей, как уже говорилось, в кино отдыхают, у нас — ищут смысл жизни.

Во всем мире множество «поэтов» снимает элитарные картины. Но никому не приходит в голову заставлять прокатчиков отказываться от Спилберга в их пользу. Картины эти существуют в нескольких экземплярах, путешествуют вместе с авторами с фестиваля на фестиваль, получают призы и восторженные отзывы. В последние годы на эту орбиту вышли и отечественные «поэты», которые, похоже, всерьез воспринимают фестивальные восторги как свидетельство мирового признания. Так прямо и заявляют — триумфальное шествие по западным экранам.

Порой доходит до анекдотов. В интервью «Труду» режиссер А.Мкртчян, которого и «поэтом»-то счесть сложно, как доказательство признания Западом своей ленты «Казенный дом» приводит факт вручения ему главного приза фестиваля в Джиффоне (многие о таком слышали?), жюри которого состоит из пятнадцатилетних подростков.

Все это излагается абсолютно серьезно и, конечно же, с упреками прокату, «не купившему» картину (фильм шел в московском кинотеатре «Россия», столица приобрела три копии)...

На вопрос Ю.Арапова «Что же делать в таком случае поэтам?» можно ответить однозначно — успокоиться. Радоваться, что есть еще богачи, финансирующие производство элитарных картин. Не лезть с этими картинами в широкий прокат, а возить на западные кинотеатры. Понять, наконец, что искусство — это не только Муратова и Сокуров, и оставить массового зрителя в покое. Пусть смотрит, что хочет, вернее, что предлагают прокатчики, которые зрителя, право, знают лучше.

Пусть «поэты» живут своим узким кругом и не бросаются спасать отечественное кино. Оно спасется без их помощи. Спасется, когда осознает, что при капитализме люди работают и им недосуг медитировать в темном зале.

КИНОРЫНОК «А-ЛЯ ФУРШЕТ»

Реклама одной из фирм настаивает: «Бизнес — это искусство!». Может быть. Но не исключено, что справедливо и обратное. По крайней мере, произведения искусства — точно товар. Не хуже и не лучше любого другого, и те, кто им торгует, — плоть от плоти нашей...

В конце осени в сочинской интуристовской гостинице «Жемчужина» в рамках фестиваля «Кинотавр» проходил Первый независимый кинорынок отечественных фильмов. Организовал его Марк Рудинштейн — человек, имеющий в околокиношных кругах своеобразную репутацию. Он и «враг Таги-заде № 1», и «меценат с большой буквы», и, вообще, «спаситель Петрограда от яростного гада». В общем, этакий «добрый барин», который вот-вот приедет и всем нам поможет.

Вот и организовал Марк Григорьевич первый кинорынок, на котором торговали только отечественными фильмами.

Как и следовало ожидать, в

отсутствие американских боевиков наибольший успех имела культурная программа, особенно вечера «аля фуршет». Работа кинорынка была напряженной. Об этом свидетельствовали усталые, но счастливые глаза участников в дни разъезда. Больше, правда, ничего не свидетельствовало. И не ждите от меня цифр коммерческих итогов. Если в американской прессе появляется сообщение типа: «Права на прокат такого-то фильма проданы за 10 миллионов долларов», то всем понятно, что это тоже реклама. Раз кто-то купил — значит, вещь стоящая. У нас свой путь. И продавцы, и покупатели единодушно как воды в рот набрали. Почему? А Бог их зна-

ет. Некоторые говорят, что все дело в «грязных деньгах»: фильм продают за одну цену, а в документах отмечают другую. Разница кладется в карман. При таком раскладе совершенно нет необходимости заботиться о рекламе и т.п.: выгода уже получена. А «кассу» можно заработать и на дешевых импортных фильмах.

Кстати, о деньгах. В остальном мире кинорынки проводятся по несколько иной схеме. У нас участники заранее оплачивают свое присутствие и торгуют втихомолку. А там организаторы окупают расходы за счет процента от заключенных сделок. В кулуарах «Жемчужины» поговаривали о том, что и в Сочи хотели было применить «западную» систему. Но

передумали. Потому что наши люди стали бы все сделки заключать в обход организаторов, чтобы не отчислять процент, пусть и мизерный. Организаторы подстраховались, и кинорынок окупился, еще не начавшись.

Впрочем, Рудинштейн считает, что скоро все изменится. Он объявил о намерении создать кинобиржу, на которой бы брокеры открыто торговали правами на прокат кинолент. Бог в помощь, Марк Григорьевич!

Правда, есть и некоторые сомнения: торговать ведь можно и в обход биржи. Знающие люди говорят, что лучший друг всех прокатчиков Исмаил Таги-заде и вовсе собирается бойкотировать новую организацию. А без американской кинолабуды, которую он закупил, особого интереса прокатчиков вряд ли можно ожидать.

В общем, кинобизнес — суровое искусство. Как и любой другой бизнес в нашей стране. И иногда каже-

тся, что если кто-то вкладывает в наше кино «грязные» деньги, то, может, это не самое худшее для них применение?

А что касается собственно фильмов кинорынка... Были фильмы. Разные. «Семья вурдалаков», «Пьющие кровь», «Арифметика убийства», «Кровь за кровь», «Линия смерти», «Банда лесбиянок»... Были и хорошие картины. Но это уже другая тема.

Евгений ГОНЧАРОВ

ХОЖДЕНИЕ В ГОЛЛИВУД

Хотите стать кинозвездой и заработать деньги?

Могу порекомендовать один способ. Достаточно позвонить в специальный отдел при киностудии и узнать, где и когда снимается массовка. Вам отвечают, и, захватив с собой какой-либо документ (паспорт, военный билет, свидетельство о рождении, пенсионную книжку, студенческий или даже комсомольский билет), вы смело отправляетесь на съемку. Можно прихватить с собой паспорта своих друзей и знакомых. «Бригадир», не глядя, кинет их себе в авоську, чтобы потом составить ведомость на выдачу денег.

Я тоже решил приобщиться к миру кино и заработать 50 рублей. Именно столько обещали заплатить каждому «массовику» в одно из воскресений у «Белого дома», где американцы снимали художественный фильм «3 дня». Кто пришел сюда? Основной контингент — пенсионеры и студенты. Остальные — бомжи, безработные и почему-то офицеры нескольких военных академий с женами (жены участвовали в массовке наравне со всеми).

Были старики, которые еле-еле передвигались. Они несли с собой складные стульчики и ужин. К одной из таких пенсионерок и обратился я с вопросом: «Не замерзли, бабушка?» — «Нет, вот вчера было холодней». — «Часто ходите на массовки?» — «Когда здоровье позволяет. Было бы здоровье, каждый день ходила бы».

На этот раз, кстати, Марина Сергеевна (так звали старушку) так и не

показалась перед кинокамерой, просидев в теплом автобусе до 11 часов вечера. Потом встала в очередь, где выдавали паспорта с квиточками, и отправилась домой, благодаря Господа и киностудию имени Горького за легкий приработок.

Другую мою собеседницу звали Маша. Ей 21 год. Она нигде не работает и не учится.

— Я уже почти шесть лет хожу на массовки, — говорит она.

— Тянет в кино?

— Нет, просто никуда не хотят принимать на работу. Я тут к одному бизнесмену просилась. Он сказал: «Ну кем я тебя возьму? Языками ты не владеешь, печатать не умеешь, к компьютеру с какой стороны подойти — и то не знаешь». А вообще хожу нечестно, по настроению.

— И хорошо платят?

— До повышения — цена 3—5 рублей в день. После повышения стали платить где-то 10—15, а совсем недавно — 25—30.

— А сегодня почему 50 рублей?

— Американцы фильм снимают, они щедрые. Как-то раз даже бутерброды с кока-колой привозили для массовки. Не в этом фильме, в другом. Но бригадиры наши не разрешили подходить к столам с едой. Говорили: не позорьтесь, и вообще, кто подойдет к столам, деньги не получит. Моя подруга английский знает, подошла к американцам и спрашивает их, почему нельзя пить и есть. Те удивились, говорят: так мы же для вас все это привезли... А вообще бригадиры народ довольно ушлый. Наберут паспортов своих

знакомых и, когда массовка большая, вписывают в ведомость все фамилии подряд. Получают, знаешь, сколько?!

— А кто может стать бригадиром?

— Да кто угодно. Надо только ходить почаще. Ну и относиться добросовестно. А то мы ведь как иногда делаем: паспорт сдаем и уходим по делам или домой. Приходим к выдаче денег. А чаще просто сидим в машине здесь на площадке — все равно никто не проверяет.

Тут моя собеседница распрощалась и упорхнула куда-то в сторону автобусов. Наверное, греться.

Между тем началась съемка. О ней как раз рассказать почти нечего. Задача у нас была довольно простая: передвигаться малыми группами по площади и переговариваться между собой. При этом — всего два неудобства: нам не разрешали надевать шапки (снимали-то конец августа) и требовали, чтобы никто не улыбался (все-таки демократию защищаем). А через пять часов началась раздача денег...

Так что, как видите, массовка — дело не сложное. Смекалка нужна, и все. Не обязательно обладать фотогеничной внешностью. Важно, чтобы был какой-нибудь документ. А повезет — станете бригадиром и будете получать за съемочный день кучу денег, так что приходите на массовку — не пожалеете.

Кинозвездой не стал, но заработал 50 рублей и рассказал об этом Владимир ПОЛУПАНОВ

ДО ПОСЛЕДНЕГО ЕВРЕЯ

**«Рукописи не
возвращаются»
Моноспектакль
Н.Губенко**

Как известно, московский Дом актера открыл свой новый сезон на Арбате — в здании союзного Министерства культуры. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно здесь состоялась недавно премьера моноспектакля, подготовленного Николаем Губенко по хасидским рукописям.

...Строгие линии портала подчеркивали скромное убранство сцены: стол, стул, мягкий свет, падающий из-под зеленого абажура, стопы пожелтевших бумаг и старинных фолиантов.

Зрители сразу погрузились в сосредоточенную тишину как бы библиотечного зала, где каждый один на один с рукописями и все вместе — наедине с мировой культурой.

В знакомом костюме-тройке, порывистой походкой, привычным жестом заложив палец за пройму жилетки, артист вышел на сцену, прошел к столу, сел и углубился в чтение. Про себя, но явно на языке оригинала.

Класс любого артиста — в умении держать паузу. Время летело незаметно, и я не знаю час, два или вечность пролетели до того мгновения, когда Губенко поднял вдруг глаза на публику и с интонацией усталой, но твердой сказал: «Я буду читать ЭТО до тех пор, пока в зале остается хоть один еврей».

Упрямство представителей зловерной нации хорошо известно: какой-нибудь один обязательно застрянет-таки навсегда. И потому, если, бредя по ночному Арбату, вы увидите тускло светящееся окно в доме, что напротив Вахтанговского театра, знайте: там артист все еще держит паузу.

Мария СЕДЫХ

2 — БУЛГАКОВ — 2

**Две экранизации романа
«Мастер и Маргарита»**

**«Сказание о земле
Ершалаимской»
«Мосфильм»,
реж. И.Пырьев**

Этого фильма могло не быть, если бы не самоотверженная деятельность конфликтной комиссии Союза кинематографистов, которая вслед «Комиссару» отыскала его в анналах Госфильмофонда. На протяжении десятилетий заплесневевшая копия фильма не была доступна специалистам: по официальной версии считалось, что это «Кубанские самураи» Куросавы.

Но ничто явное не остается тайным, и политический узник эпохи тоталитаризма наконец-то выходит из вынужденной неволи на экраны кинотеатров. Зрители увидят Марину Ладынину в роли колхозной пастушки Маргариты и Бориса Андреева в роли Мастера (МТС), Михаила Геловани в роли секретаря райкома Миколы Понтия и Петра Алейникова в роли рядового партийца Га-Ноцри, который потерял партийный билет, дав тем самым возможность проникнуть в райком врагам народа из воландовско-корольевской оппозиции.

Разумеется, Пырьеву удалось перенести на экран не все реалии романа. Булгаков оказался мастерски очищенным от булгаковщины, что явилось вынужденной уступкой своему времени и что сегодня так не хотят понять иные кинокритиканы от кинокритики. Но как много — уже именами героев — сумел бы сказать современникам фильм, если бы ему удалось выйти на экраны в первоизданном, не изуродованном редактурой виде. Увы, случилось обратное: музыку Берлиоза заменили музыкой Крюкова,

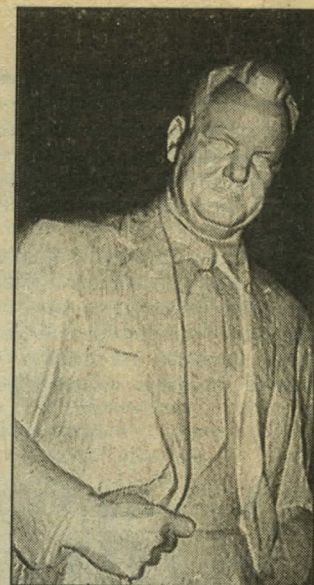
библейские имена персонажей — именами простолудинов, а сам фильм был переименован в «Сказание о земле Сибирской». Режиссер расплатился за это унижение получением Сталинской премии. И сколько таких унижений было в жизни замечательного мастера, художника-гражданина! Кажется, шесть или семь.

**«Скорбная элегия»
«Ленфильм»,
реж. А.Сокуров**

Этого фильма тоже могло не быть. Слишком многое мешало его осуществлению: роман Булгакова, сценарий Арабова, камера Юриздического, музыка Ханина, наконец, все предыдущее творчество А.Н.Сокурова. И все-таки фильм состоялся, став сенсацией для кинокритика Андрея Плахова, московского киноclubного движения и фестиваля эзотерического кино в Нонперноне, удостоившего сокуровскую версию булгаковского романа призом за лучшую работу монтировщика декораций.

Мастер в роли Маргариты, Маргарита в роли Мастера, а в роли библейского Ершалаима — августовская Москва, на фоне которой Понтий Пилат прямо из танка беседует с Иешуа — скромным защитником «Белого дома». «Больше света!» — скандируют зрители после просмотра картины (себе предусмотрительно оставляя приготовление к смерти очерченной партии человечества режиссеру удалось. Спаси и сохрани тех немногих из нас, за кого Сокуров еще не успел помолиться.

Вячеслав ШМЫРОВ

«СОТРИ СЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ...»

**Первый Президент
России
Работа неизвестного
скульптора**

Сегодня, когда наконец рухнули лживые памятники коммунистического прошлого, настала пора заняться претворением в жизнь плана демократической монументальной пропаганды. И первый шаг на этом пути уже сделан. Сбылось: скульптура, в которой увековечен образ Б.Н. Ельцина, готова занять место на площади перед «Белым домом» России. Безымянный автор с удивительной точностью отобразил решительный облик российского президента: знакомый наклон головы, энергичный жест руки, оваянное суровыми ветрами перемен лицо.

Пока же скульптура (бывш. Морис Торез) выставлена в зале перед ректоратом Лингвистического института (бывш. иняз), что на Остоженке (бывш. Метростровской).

Игорь ЦЫКУНОВ,
Игорь МОИСЕЕВ

ПОДАРОК МИЛЛИОНАМ

Дж.Чейз. Новая классика
Издательство «Интербрак», 1991

Повальное увлечение Чейзом в нашей стране — не секрет. Не секрет это и для его наследников. По данным международного Чейзовского фонда при ЮНЕСКО, недавно в СССР вышел 500-миллионный экземпляр его книг. В связи с этим именно советскому издательству «Интербрак» были переданы права на первое издание неизвестных романов Чейза, не так давно найденных в его архиве. Мало кто знает о крепких узах, связывавших Чейза с Россией. Его дед по материнской линии — прямой наследник Чингисхана, а бабушка по отцовской линии — выходец из Приднестровья. Родители, по свидетельству самого писателя, всегда следили за событиями в России с благоговейным ужасом. Чейз выучил русский язык в детстве только за то, что на нем говорила их кухарка, и даже перевел на английский полный свод нукусско-новгородских былин. Неудивительно поэтому, что Чейз написал несколько детективов, используя русские и советские реалии. По сюжетным линиям эти четыре небольших романа являются переработками самых любимых его произведений: «Битвы в пути», «Тайного советника вождя» и «Как нам реорганизовать Рабкрин».

Андрей ГАВРИЛОВ

ПОД РОССИЙСКИМ ФЛАГОМ

«Незабываемый 91-й»
«Пацифик-театр»,
реж. П.Штайн, Л.Хейфец,
А.Бурдонский

Премьера трилогии, посвященной августовским событиям, состоялась в бывшем Центральном театре Советской Армии, перешедшем под юрисдикцию России. Спектакли идут на большой сцене, переименованной теперь в «Пацифик-театр» (малая —

«Дембель» — передана молодежи). Русская тема всегда волновала тонкого немецкого режиссера-психолога Петера Штайна, наконец получившего возможность постановки в Москве: в спектакле «С разрешения журнала «Шпигель» те же чеховские полутона и та же горьковская суровость, что были присущи его интерпретациям нашей классики у себя на родине. С особой тщательностью проработаны диалоги с Дмитрием Язовым, на роль которого приглашен известный исполнитель ролей военачальников Михаил Ульянов. В его игре с особой полнотой ощущается гуманистическая направленность искусства Штайна, сумевшего подняться над извечной проблемой победителей и побежденных. В центральной части трилогии — сказании-плаче «Боже, храни «Белый дом»!» — Леониду Хейфецу удалось наконец собрать всю труппу театра. В который раз режиссер доказал, что только ему подвластно пространство самой большой в Европе сцены: в течение всего действия гэкачеписты на наших глазах разбирают баррикады. В финале, после зачтения оправдательного приговора, публика расходится не аплодируя. Заключительная часть трилогии — вечер культуры и отдыха. Театр показывает романтический триллер в постановке Александра Бурдонского «ГЛАВПУР с камелиями». Перед началом, в антрактах и по окончании спектаклей во всех буфетах и на площади работает военно-полевая кухня. Зрителям, зарегистрировавшимся на всех трех спектаклях, выдается гуманитарная помощь.

Мария СЕДЫХ

Как вы, вероятно, уже догадались, в этом «Дневнике И.» наши авторы отрецензировали пока еще не созданные произведения искусства. Но — кто знает — может, все это великолепие появится в новом году?

В МОСКВУ! В МОСКВУ!

«Три сестры»
ГАБТ,
реж. Ю.Григорович

Сбылась мечта чеховских героев, вновь оживших, в сенсационном оперно-балетном гала-представлении Большого театра на музыку Р.Щедрина. Когда после увертюры открывается занавес и зритель видит нежно обнявшихся Майю Плисецкую (Ольга), Наталью Бессмертнову (Маша) и Екатерину Максимову (Ирина), постановщик не спешит прервать эту немую, но ошеломляющую сцену. Однако часы бьют полдень, и один за другим из-за кулис появляются гости дома Прозоровых: Михаил Барышников, Рудольф Нуриев, Владимир Васильев, Александр Годунов, Михаил Габович, которые, исполнив коронные па, рассаживаются за именным столом. Множество и других сюрпризов ожидает зрителей этого необычного спектакля. Достаточно сказать, что вокальные партии — няни и Наташи — исполняют Галина Вишневская и Елена Образцова. В прочтении выдающихся певички эти образы неожиданно сближаются, обретая символические черты хранительниц очага национальной культуры. Но самое главное, что, опираясь на дирижерское искусство А.Жюрайтиса, Ю.Григорович преодолел наконец безысходный трагизм чеховской пьесы: полк во главе с Вершининым... возвращается из Польши. «В Москву! В Москву!» — речитативом скандируют хор, публика и все участники представления.

Мария СЕДЫХ

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей ГАВРИЛОВ

И СНОВА ФРЕДДИ!

«Фредди в Кремле»
(«Кошмар на улице Вязов — 8»)
США, реж. А.Михалков-Кончаловский

7-я серия заканчивалась тем, что маньяк-убийца Фредди Крюгер оказывался агентом КГБ, призванным подорвать мощь США демографически. 8-я серия начинается с кадров торжественного захоронения Фредди у Кремлевской стены. Но покой Фредди только снится. Ему предстоит встреча с Ниной Андреевой, которая ставит перед ним новые цели и задачи. Чемодан-трогательно сделана сцена проникновения Фредди в Мавзолей. Очень убедителен А.Шварценеггер в роли мумии Ленина. В целом получился очень добрый, хороший, человеческий фильм.

ЧЕЛЮСТИ В КОСМОСЕ

«Красная мутовотия»
(«Челюсти-5»)
США, реж. С.Спилберг

В продолжении знаменитого сериала дело происходит на Луне. С советской подводной лаборатории в море Дирака случайно попадают икринки протипомы и нототении, разводимых КГБ в военных целях. Американцы же выпускают в море мальков пираний и мурены, которых тренируют для спасения утопающих. Вскоре вода начинает кишеть страшными рыбами: простираньями и мутовотиями. В результате космической катастрофы море вскипает, и в невесомости рыбы-хищницы начинают парить над поверхностью Луны в гигантских водяных каплях. Кульминационная сцена фильма — бой советско-американского звезда ПВО им. М.Руста против зубастой армады. Необходимо отметить исполнение Руди Алленом непростой роли советского президента.

Дневник И.

МОЧАЛКИН БЛЮЗ

Жаль, нет у нас института мочалки, и роль ее в процессе очищения человечества не выяснена до конца. Между тем мы являемся, возможно, последней страной на земном шаре, где сохранилась реликтовая мочалка, та самая, что растет на дереве и, в отличие от синтетических мочалок, которыми широко пользуется вся цивилизация, является продуктом не химии, а природы.

Благодетельное действие натуральная мочалка оказывает не только на физические кондиции потребителя, но и на его умственные способности. Несомненно, что люди, пользующиеся натуральной мочалкой, интеллектуально богаче тех, кто моется синтетической губкой. Натуральной мочалкой мылись Менделеев и Лев Толстой, Петр I и князь Кропоткин. Пушкин делал это по утрам в ванне, набитой льдом, и, по словам Елизаветы Хитрово, наблюдавшей за купаниями, это придавало свежую бодрость его стихам.

Следует отметить, что массовый переход на синтетические мочалки и в нашей стране привел к тому, что таких гигантов, как Пушкин и Толстой, в русской литературе больше не было. Правда, недавно, по слухам, Нобелевский комитет высоко оценил заслуги русскоязычного поэта Иосифа Бродского. Из достоверных источников известно, что и здесь не обошлось без мочалки. Близкие, бывшие на аэродроме в момент депортации его из страны советов, обратили внимание на мочалку, торчавшую из портфеля поэта. За достоверность данного слуха автор ответственности не несет: стихов Бродского он никогда не читал, но, судя по присужденной премии, слух о мочалке не лишен оснований.

Автор был искренне убежден, что за прошедшие семьдесят лет большевики настолько вытравили мочалку из сознания советского народа, что память о ней утрачена навсегда. Тем более неожиданно и при-

ятно было для него однажды услышать «Мочалкин блюз» Бориса Гребенщикова. Он обрадовался тому, что, наконец, мочалка займет достойное место в русской культуре. Но Б.Г. разочаровал автора, признавшись, что «мочалки» — всего лишь прозвище симпатичных девчонок. Автор увидел в этом факте доказательство того, что мочалкин менталитет полностью разрушен. Это и побудило его написать данную заметку. Единственная ее цель — привлечь внимание сограждан к важной проблеме.

Итак, советские мочалки растут в Грузии в условиях субтропического климата, обогащаясь всеми фитонцидами, гербицидами и сульфодиметоксинами, которыми так богат этот климат. А продаются они в Москве, на Ленинградском рынке. Когда автор, желая повысить свой интеллектуальный потенциал, покупал на рынке мочалку, он забыл на прилавке продавца — скромного человека по имени Шамин Бабушович Квитиа — свой кошелек с гонораром, полученным за год работы. Потребовалось буквально две минуты, чтобы потерять то, что было заработано за год. Обнаружив пропажу, автор вернулся на рынок — без всяких надежд, с единственной целью убедиться, что прогноз астролога

Глобы, предупреждавший, что посещение рынка в этот день крайне нежелательно, справедлив и верен. Автор нашел Шамина Бабушовича на том же месте. Шамин Бабушович сиял: «А ты знаешь, что ты у меня кошелек оставил? — радостно спросил он. — Зачем волновался, дорогой? Ты ведь его у грузина оставил, а значит — все будет цело».

О чем полумал автор в этот момент? Нет, совсем не об астрологе Глобе подумал автор. Он подумал о напряженности в междусоветских международных отношениях, обо всех этих национальных конфликтах и всякой такой материи, которой мы сейчас живем. Он подумал о том, что, стоя на рынке, маленький грузин, быть может, делает очень большое дело, разряжая хотя бы небольшую часть накопленной в далекой Грузии агрессии. И еще он подумал, что все-таки мало мочалок покупают люди... «Сколько мочалок продал ты сегодня?» — спросил автор. «Один, — весело ответил Шамин Бабушович. — Один мочалка. Я тебе говорил, возьми две. Слушай, может, возьмешь сейчас еще один?»

Не могу сказать, что с интеллектом дела у меня улучшились, но я полюбил приходить на Ленинградский рынок.

С.М.

Рисовал А.Заяц

ЦЫПЛЕНОК ИЗ ВЫЕДЕННОГО ЯИЦА

Фото Э. Кудрявицкого

Саша Вуколов сбежал из школы-интерната. Ничего «жареного» в этой истории нет. Мальчика НЕ били, над ним НЕ издевались — ни директор, ни учителя, ни воспитатели, ни подростки. Никакого криминала нет. Обычная практика содержания в наших советских интернатах для детей, признанных умственно отсталыми, с диагнозом олигофрения в разной степени дебильности (простите за грубость), предполагающая соответствующее к ним отношение.

Все было просто. В редакцию пришел мальчик и сказал, что хочет продавать «Столицу». Естественно, никаких документов у беглого детдомовца не оказалось. Но он получил пачку «Столицы» под честное слово вернуться. И вернулся, и рассчитался, и заработал законное вознаграждение, и взял еще журналы. Парень что надо. Никто и не сомневался.

В том, что Саша славный парень, не сомневалась и администрация школы-интерната, которой мы поспешили сообщить о том, что мальчик нашелся, пристроен, сыт, одет и т.д. Она усомнилась в другом: стоит ли пригревать мальчика и не лучше ли будет сию же минуту вернуть его назад? Надо отдать должное сотрудникам интерната — слов на ветер они не бросали, и немного погодя раздался звонок из милиции, а на следующий день редакцию посетила представительная делегация. Про-

токол не велся. Ультиматум редакцией принят не был.

Первоначальная версия о том, что его избили, не подтвердилась. Саша сам же и сознался, что приврал малость. Сознался, когда понял, что ТАК подводить людей нельзя, даже если тебя сильно обидели. Даже если намекнули: будешь бегать — психушки не миновать. Даже если отняли одежду, чтобы не бегал.

Да он и не «склонен к бродяжничеству». Спокойный, вежливый, доброжелательный. Немного замкнут. В классе не лидер. Ну и оставался бы таким, и никаких забот. А тут вдруг ушел перед ноябрьскими, где-то пропал. Его вернули в интернат через детприемник, предварительного обрив. Появились откуда-то деньги. Не положено. ЧП!!!

ЧП в масштабе Москвы, не больше и не меньше, потому что разговор о переводе Саши в другую школу-интернат мы вели в департаменте образования столицы.

На систему «вспомогательных» учреждений и так навешали всех собак. Но они уже НЕ ТЕ, какими были раньше. А к этому интернату и вовсе подкопаться невозможно. Там детей не бьют, и дети ведут себя вполне прилично: вон в иных курят сто процентов мальчишек, а в этом — всего четверо из 149. Саша был сто пятидесятым. Приезжайте, посмотрите. Детей к вашему приезду никто готовить не будет, их даже к приезду иностранцев не готовят. А с ребя-

тами из Сашиного класса поговорить? Только в присутствии наших сотрудников. Так положено: олигофрены...

Все это я выслушал в те дни. Более того, узнал, что эти дети способны продать все и вся, примут ласку, а потом продадут.

Саша способен продать «Столицу». В этом я убедился. И заработать до двадцати рублей в день. И потратить их. На что? Вопрос серьезный. На жвачку. На картинки с машинами и паровозами. На книжки... И на обложку от паспорта. Жаль, паспорт купить нельзя.

Когда-нибудь дадут бесплатно, если к тому времени не отменят. И если дойдет очередь до таких вот учреждений. Ведь туда еще не ступала нога человека, ей-богу. Говорить со мной по-человечески стали лишь на третий день. А до того приходилось огорчать собеседников на том конце провода: мол, говорим мы на разных языках, — и класть трубку. Ну нет в моем словаре таких архаичных слов, как «инструкция», «режим», «диагноз», «принимать меры», «дать расписку», «послать наряд». Может, я сам дебильный, но никак не возьму в толк, что значит: если появились деньги — это начало психической болезни, если ребенок получает тепло на стороне — это негуманно, опять же удар по психике. Однако и здесь свои рецепты: все это можно приостановить, поправить...

Собственно, этого мы и боялись. Мы поступили настолько негуманно, что страшно подумать. Но не потому, что приласкали ребенка и дали ему, впервые в жизни, по-настоящему поработать, заработать и распорядиться своими деньгами, как ему захочется. А потому, что были вынуждены вернуть пусть не в этот образцово-показательный дом, но в эту СИСТЕМУ. Другой-то пока нет.

Честное слово, им, представителям этой системы, можно ставить памятник при жизни. Хотя бы потому, что ступили они на эту тернистую тропу, за редким исключением, не по зову сердца, а по направлению райкома партии. А тех, кто пришел по зову сердца, система поголовного оболванивания ломала или отторгала.

Саша не помнит, что с ним было до восьми лет, когда его определили в школу-интернат. И слава Богу, что не помнит. Потому что не было

ничего хорошего в той семье, где его породили. Есть еще бабушка, у которой свои проблемы и которой с лихвой хватает Сашиной сестры. И есть дедушка, который тоже иногда забирал парня из интерната.

Меня предупреждали: он вам такого наговорит — только слушайте, но учтите... Я учитываю: как то, что его показаниям все равно никто не поверит, так и то, что «устаи младенца»... Да и не только это. Я говорил с психологами, работавшими в таких же заведениях. В тот же интернат возвращать мальчика мне не советовали. Хотя и в другом никто не будет делать для него исключения: живи, как все.

Вот ведь какая штука — у этого цыпленка теперь другой окрас. Не общий для всех, желтенький — другой. И он теперь уже никак не потеряется в массе таких же стриженных. У него есть семья, которая приютила парня на время побега, — молодые

коммерсанты, очень симпатичные ребята. Наконец, у него есть «Столица», которая не упустит из виду дальнейшую судьбу «сына редакции». И еще: у него есть мечта — жить так, как живут воспитанники Димы Карпова, с которыми он познакомился (об авторском детском доме мы писали в «Столице» № 43). А мечты, как известно, когда-то сбываются. Дайте только срок.

Я не удивлюсь, если когда-нибудь он станет коммерсантом. Или как-то иначе, но по своему выбору распорядится своей судьбой. Для этого надо совсем немного: не мешать. И помочь снять диагноз. Может быть, кто-то знает, как это можно сделать? Может быть, этот человек купит номер журнала у Саши Вуколова?

Сергей МЕЛЬНИК

ШТАМПУЙТЕ СОЮЗ ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА ВАШ УСПЕХ! нпо «карина»

Генеральный директор Борисенко Леонид Николаевич представляет свое объединение: Время работает против бюрократы, но по-прежнему без штампа ни жениться, ни родиться, ни тем более организовать свое предприятие.

Выбор печати — дело серьезное.

Не советуем пускать его на самотек, а тем более связываться с жесткими полимерами.

Мы предлагаем Вам мягкие и эластичные мастичные печати и штампы.

Наше производство штучное, что позволяет нам творчески подойти к Вашему заказу, мы учтем все Ваши пожелания, причем сроки минимальные: от 2 часов до 5 дней.

Квалифицированные художники помогут разработать Вам эскиз товарного знака, учитывая профиль Вашего предприятия.

Одна из последних новинок:

Гравировка металлических печатей, необходимых для опечатывания дверей, сейфов и пакетов.

Заказывая у нас, Вы помогаете бывшим воинам-афганцам и семьям погибших!

НАШ АДРЕС: г. МОСКВА
УЛ. ПЯТНИЦКАЯ Д. 25
М. «НОВОКУЗНЕЦКАЯ»
ТЕЛ. 231 59 94

ПЛАНЕТА-CENTRE

Акционерная корпорация
«Планета-Центр» снимет квартиры
для своих сотрудников.
Телефоны: 292-69-27, 229-81-33.

ДВОЕ В КОМНАТЕ: Я И ЕЛЬЦИН

На обложке номера 20 вы напечатали портрет Б.Н.Ельцина. Мне эта фотография очень не нравится: губы у него сжаты, голова обрезана.

Просьба напечатать как следует, нормально, чтобы его можно было вложить в рамку и повесить на стенку.

Москва

М.А.Ш.

НЕОБХОДИМА НОВАЯ РУБРИКА

Наверное, нет в нашей стране человека, который не задумывался бы над своим будущим и будущим России. Поэтому все мы невольно становимся политиками и экономистами, а у каждого есть свой план спасения страны.

Многие решаются написать об этом в надежде, что их мнение учтут. Я тоже не исключение и рискну высказать то, что наболело.

Лично меня возмущает то, что, хотя КПСС запрещена, представляющие номенклатуру «народные» депутаты (к таковым я отношу и депутатов от действовавших в то время общественных организаций) действуют, как сорняки, в парламенте. Я не против оппозиции, но на это надо завоевать право в предвыборной кампании, а не изображать оппозицию, вставляя палки в колеса буквально во все, что проходит через парламент.

Уважаемая редакция, очень хотелось бы, чтобы вы ввели новую рубрику для предложений из народа, вплоть до реферирования отдельных публикаций, затрагивающих вопросы обустройства России. Может быть, наши руководители найдут в каком-нибудь совете рациональное зерно? Если, конечно, они будут читать ваш журнал.

Московская область,
пос.Новый Быт Г.ГЕОРГИЕВСКИЙ

«ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕДИ» ПРОТИВ «СОЮЗПЕЧАТИ»

На обложке 44-го номера была изображена популярная в нашей стране Маргарет Тэтчер. В руках она держит «Столицу» — исторический 28-й номер с «тремя богатырями» — Пуго, Язовым и Крючковым. Эффектная обложка, что и говорить.

Мне очень интересно, как в руки к экс-премьер-министру попал ваш журнал? Может быть, она на него подписалась? И, согласно вашей постоянной рекламе, будет получать его тогда же, когда и подписчики в нашей стране, то есть с опозданием на месяц-полтора?

В таком случае у нас появилась некоторая надежда. Маргарет — особа решительная. Вряд ли она долго будет терпеть это безобразие. Что ей стоит позвонить чиновникам, которые отвечают за доставку прессы, и мягко, всего лишь несколько минут поговорить с ними. Может быть, хоть это на них подействует?

Москва

П.ДАВЫДЕНКО

ДЕРЖИТЕ НА СТОЛЕ СЛОВАРЬ

Мне стало обидно за писателя Ю.Полякова, когда в «Столице» № 41-42 в его статье я прочла следующее: «Компрачикосам (я и себя считаю таковым) больно, когда им начинают вправлять изуродованные кости» и так далее.

Уважаемый Юрий Михайлович, а также сотрудники журнала, пропустившие эту ошибку! Я думаю, вы все читали «Человека, который смеется». Компрачикосы — это люди, которые покупали или крали детей и уродовали их. И вы, Юрий Михайлович, себя сравниваете с этими преступниками. Загляните в словарь иностранных слов (толстый): Comprachicos по-испански буквально — похитители детей.

Я вам пишу, потому что обидно, когда хороший писатель и переводчик человек допускает подобное.

Москва

С.ЧЕРНЯК

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ

Мои мужчины — муж и сын-одинадцатиклассник снарядили меня в круиз, посмотреть, как там они живут. Насобирали денег, немного подзаяли, и я поехала. С самого начала Уренгой, где я живу, не выпускал меня, была метель, и самолеты не летали. Когда после двух бессонных ночей добрались до Ленинграда, оказалось, что руководство круиза отсутствует. С большим трудом нас, двух из двухсот человек, разместили в гостинице. В круиз мы отправились на сутки позже, чем было запланировано, и практически без валюты. Говорили разное: валюты нет, кое-кто ее прикарманил... Во всяком случае, у меня на посещение Дании осталось пять пфеннигов. Представляете, как мы выглядели там, среди их изобилия и красоты?

На родину мы вернулись буквально больными. С отъездом опять проблема. В кассах билетов нет, а здоровые молодчики торгуют ими на улице. Сто рублей — и мы в Москве. А там в аэровокзале сажусь в автобус до Внукова. Оказывается, что мне одной не хватило места, пришлось доплатить еще 10 рублей. И тут в автобусе парень начал распространять ваш журнал за пять рублей. Прочитала за три часа полета до Нового Уренгоя. Только после этого я смогла, наконец, забыть все свои неприятности. Спасибо вам! С нового года буду вас выписывать!

Новый Уренгой

Н.ЛАНКИНА

Сергей ДРОГУШ

ИМИДЖ
РЕКЛАМА

Дайте нам свободу, и страна ПРЕОБРАЗИТСЯ

Доморощенные миллионеры не очень-то любят распространяться о своих миллионах. Начнешь любопытствовать — тут же обрежут: «Коммерческая тайна». Иначе говоря: не суй нос не в свои дела. А можно хоть раз без тайн? — попросил я генерального директора коммерческого объединения «МАЛС» Сергея Дрогуша. Тот усмехнулся и неопределенно пожал плечами: «Попробуем».

...В небольшом офисе фирмы «МАЛС» изысканно уютно. Трудно даже поверить, что это всего лишь подвал старой московской школы. Мой собеседник завидно молод — 27! Элегантный костюм, галстук, галантные манеры. Сергей закуривает, и я включаю диктофон.

— Так что вас интересует?

— Все. Что за люди наши бизнесмены? Как пробилась сквозь рогатки карательных законов и запретов к своим капиталам? Каким видят свое будущее?

— Я что же, по-вашему, типичный герой?

— В печати уже было упоминание о ваших миллионах. Кстати, Сергей, вы не боитесь их в одночасье потерять?

— Каким образом?

— Сейчас все чаще поговаривают о конфискационной денежной реформе. А если идея овладевает массами...

— Часть моих средств лежит на депозите в банке. Какой-то их доли в таком случае я действительно лишусь. Но основная масса — в обороте, вложена в производство. Эти никто не отнимет. А вообще такая реформа только загонит предпринимателей в подполье. Веры правительству уже не будет.

— А она есть, эта вера?

— Какие-то надежды на взаимопонимание появились. Особенно с созданием Конгресса российских деловых кругов после августовских событий. Вот и Горбачев отменил свой указ об экономическом саботаже. Хотя еще тогда,

когда он вышел, все понимали — глупость...

— «МАЛС» — это?..

— Международная ассоциация людей Севера.

— Почему вдруг Север?

— Так я сам с Чукотки. Вырос там. Насмотрелся на тамошнюю нищету. И очень хочу хоть чем-то этим людям помочь. Их ждет страшная зима. Продовольствия завезли на 30 процентов меньше обычного. Я буду отправлять им провиант.

— Вы и команду, насколько мне известно, подбираете по принципу землячества?

— Да, в основном в ней ребята с Чукотки. Они, по крайней мере, не задают вопросов: а зачем это надо?

— Сергей, давайте вспомним, как вы начинали. Какой суммой измерялся ваш стартовый капитал?

— Я был практически на нуле. И, естественно, не имел никаких спонсоров. Взял кредит в пять миллионов рублей и купил игральные автоматы...

— Кому попало такую сумму не одалживают. У вас был покровитель?

— Да, меня рекомендовали. Но я все равно неделю торчал в банке. С утра до вечера ходил по кабинетам, убеждал, унижался, напирал, корректировал экономическое обоснование... Иногда думаю: Боже, сколько людей так и не смогли заняться бизнесом и плюнули на все только потому, что оказались не способными пробить эту стену.

— Итак, вы купили автоматы...

— ...И рассчитывал поставить их в кино-

театрах, аэропортах. Штук двадцать пристроил, а потом заклинило. Помещений не дают. Администрация повсюду требует своей доли. А время поджимает. И тогда мне пришлось банк обмануть — остальное я просто продал. Выручил миллион двести тысяч. Расплатился за кредит. Третью отдал посредникам. Оставшиеся конвертировал через другой банк и снова закупил автоматы.

— Запретный плод оказался сладок. А как они попали к вам, эти доходные игрушки?

— Случай. Пришел человек из внешне-торговой фирмы, говорит: «У меня есть предложение...»

— Вам не кажется, что те же автоматы могли бы с успехом реализовать и «нормальные» некоммерческие структуры?

— И стояли бы они где-нибудь забытые, ржавели. А мы взяли на себя весь сервис — установку, обслуживание, ремонт. И владелец заинтересован в том, чтобы техника действовала круглые сутки — она приносит ему доход. Сейчас своим клиентам мы предлагаем: хотите — продадим вам товар со скидкой, но 3—5 процентов прибыли вы регулярно будете перечислять нам. Многие соглашаются. В итоге набегают очень неплохая сумма. За два года в Союз поступило более трех тысяч игровых автоматов. Почти все они прошли через Москву, через нас.

— Так вы классический монополист только на низе бизнеса?

— Так уж получилось. И потом — разве мы мешаем кому-нибудь делать то же самое? Напротив. Случается, кто-то приобретает автоматы по бартеру и просит: продайте. Нам-то проще: мы знаем рынок, цены, клиентуру.

Когда поднакопили жирок — стали закупать вместе с автоматами ширпотреб. Открыли свои первые коммерческие магазины — теперь в Москве их шесть. Цены в них на 15—20 процентов ниже, чем у конкурентов. Все равно выгодно. Ускоряется товарооборот.

— В деловой хватке вам не откажешь.

— Деньги должны работать. Сейчас мы строим кирпичные заводы в Шахтах, шерстепрядильные и кожевенные предприятия на Северном Кавказе. Покупаем парфюмерную фабрику в Париже. Половину ее продукции будем ввозить в Россию.

— На что, простите, не на рубли же?

— На франки. Сконвертируем их тем же способом и купим. Все детали сделки уже оговорены.

— Так вы скоро миллиардером станете.

Сергей, а сколько денег надо человеку, чтобы чувствовать себя обеспеченным?

— Вам, может, и миллиона хватит. А у меня нет такого, что мне хватит. Все время приходят какие-то люди, появляются новые идеи, очень хочется их осуществить.

— Это что — азарт, спорт?

— В какой-то мере. Хотя не только. Ну вот, положим, помогу я своим землякам с Чукотки пережить эту зиму. А дальше? Дальше все пойдет, как шло. Прогнившие государственные структуры по-прежнему

будут обдирать народ как липку, а он — мерзнуть, голодать и загибаться в расцвете лет. И никакая демократия ничего не изменит. Я хочу открыть в Магаданской области зону свободного предпринимательства. Создать там свою корпорацию, учредить банк, биржу. Все издержки беру на себя. Условие одно — 30 процентов сверхпланового золота остается на месте. Я знаю: люди готовы удвоить его добычу, лишь бы что-то реально иметь. И Россия зримо увеличит свой золотой запас, и край, уверяю вас, на глазах преобразится. Я уже вышел со своей программой в Совмин. Теперь надо пропустить ее через Верховный Совет. Дайте нам свободу, и страна преобразится.

— **А это часто случается, когда не понимают?**

— Случается. Недавно несколько часов не мог вылететь на своем Як-40 из Николаева. Намеренно не выпускали. В знак протеста.

— **За что же такая немилость?**

— Мы организовали там свою авиакомпанию на акционерных началах. Первую в стране. Опять же исходили из того, что для доставки грузов на Чукотку Николаев — идеальный вариант. Рядом морской порт. Покупаем три самолета. Один Ил-76 и два Ту-154. После приватизации ввели в аэропорту новый порядок. Входишь на его территорию — плати три рубля. Садится самолет или взлетает — тоже плати. На Западе все это в порядке вещей. Обычные коммерческие отношения. Но вот что важно. Службы порта, тридцать лет сидевшие на своих окладах, наконец-то получили возможность увеличить себе зарплату, не выпрашивая добавки у правительства. Кому от этого плохо? А они взбунтовались: не хотим капиталистов!

— **Постойте. Ведь аэропорт не кирпичный завод. Скорых дивидендов он не гарантирует.**

— В том-то и дело. Мы вложили туда тридцать миллионов. В лучшем случае затраты начнут окупаться через шесть лет. Но мы пошли на это ради общего замысла. Ради Чукотки.

— **Говорят, люди из госсектора тяжело адаптируются в коммерческой среде?**

— Все в конце концов зависит от человека. У меня три зама пришли из министерств. Страшно мобильные ребята. Но раньше он приехал, доложил — и гора с плеч. Информация ушла наверх, невеста куда. У меня не так. Он вернулся, и мы сразу думаем, что будем делать. Сообща вырабатываем какое-то решение и тут же начинаем его раскручивать. Совсем другой стиль, другая психология.

— **Ракет вас здорово щиплет?**

— Щипал. Пока не обзавелся связями и не научился себя защищать. А был мелкой рыбешкой — делали со мной, что хотели. Вы не забывайте, эти деньги ведь не просто надо отдать — их надо как-то писать, повесить себе на шею. Тяжелое было время.

— **А кто они, ракетеры?**

— Народ там разный. Я, между прочим,

следил за судьбой тех, кто меня когда-то обирал. Процентом семьдесят из них теперь сидят... А вообще тут не все так просто. Многие из ракетеров — бывшие спортсмены. Закончил карьеру — и все, стена. Ни образования, ни специальности. Вот они и начинают зарабатывать на жизнь вымогательством. Я таким неприкаемым стараюсь как-то помочь, предложить работу. Все же силы и сноровка у них есть. И желание что-то делать — тоже. Пока вроде ладим.

— **Сергей, что вы читаете?**

— «Коммерсантъ» просматриваю. Выжимки из деловой прессы регулярно готовит референт. На что-то другое попросту не хватает времени. Жену и дочь сутками не вижу. Часто возвращаюсь с работы — спят. С родителями по телефону общаюсь. Они у меня на Чукотке.

— **Еще работают?**

— Отец на пенсии. Мать работает. Директором школы. Приезжала недавно в Москву лечиться — Чукотка жутко съедает здоровье. Я говорю: мама, если хочешь работать, давай я открою для тебя колледж где-нибудь в Новосибирске. И слушать не хочет. Чукотка — ее вторая родина.

— **Кажется, теперь я вас понимаю. И все же, разве нельзя было без маскарада?**

— **Какого маскарада?**

— **Научно-производственное объединение «МАЛС» — так ведь значится у вас на вывеске?**

— А, вы об этом... Ну так проведите эксперимент, придите в банк и скажите: «Хочу построить завод. Дайте 20 миллионов на три года».

— **Не дадут?**

— Никогда. Банку выгодно предоставлять небольшие кредиты многим клиентам и на короткий срок. Так надежнее. Нас вот упрекают: спекулянты... А как я мог затеять что-то серьезное, не имея ни денег, ни материалов? Мне ведь никто не оставил наследства, и «Тихий Дон» написал не я... Теперь строю. После того, как заработал капитал на коммерции.

— **Пикантный вопрос — о взятках... В целом ситуация тут известна. Но сам механизм — кому, сколько...**

— Вы повесите на меня бесчисленные комиссии. «МАЛС» уже имеет имя. Я в эти игры давно не играю.

— **Но большинству предпринимателей приходится играть?**

— Приходится... Платят за все. Прежде всего — за помещения.

— **Называют кругленькие суммы: и сто, и двести тысяч.**

— **Порядок цифр такой.**

— **Советам? Исполкомам?**

— Чаше хозяевам помещений. А как быть? На всех перекрестках кричат: приватизация, приватизация!.. А купить ничего нельзя. Вот и оседают деньги в частных карманах. Уж лучше бы в городской бюджет после аукциона пошли.

— **Еще за что берут?**

— **За кредиты.**

— **Мзда достается банкирам?**

— **Если бы... Банковские служащие такие**

же коммерсанты, как и мы. Неплохо зарабатывают и дорожат своим местом. Ни управляющий, ни заместители обычно ни о чем не догадываются. Дают посреднику, который тебя привел и рекомендовал.

— **Какой же выход?**

— Не знаю. Возможно, нужен фонд поддержки предпринимательства. Пока коммерческие банки не окрепнут и не почувствуют себя готовыми к крупным операциям. Но, повторяю, у меня таких проблем нет. Банк, куда я обращаюсь за кредитом, меня знает и мне верит. Он даже стал одним из учредителей банка «МАЛС», для которого, правда, никак не удается найти в Москве подходящего помещения.

— **А вы говорите, нет проблем.**

— Не мучайте меня. Это большая тема для всех предпринимателей...

— **...которые, по излюбленному выражению Силаева, спасут Россию. Любопытно, вы ощущаете свою мессианскую роль?**

— Ничего я не ощущаю. Одни слова. Сегодня у меня встреча с министром сельского хозяйства (теперь уже бывшим) — С.И.). Я готов закупить и поставить на Чукотку карбамиды, которые там нужны позарез. У меня пачка телеграмм оттуда. Транспорт есть. Необходима лицензия. Может, и дадут. Но нельзя же всякий раз подобные вопросы решать на уровне министра. Или мне надоест, или ему.

— **Так что же вы хотите?**

— Чтобы нам доверяли. Сейчас все вокруг озабочено тем, как возродить малый бизнес. Ну а крупный — он перед глазами, почему его никто не замечает? Кто скажет, например, как используются валютные кредиты? Секрет. Удачно, неудачно — все покрыто тайной. А я уверен: не ахти как. Да государственные структуры и не стремятся к эффективности. Им дали вилку цен, они в нее укладываются — значит, все в порядке. А поручите эту работу нам, хотя бы половину централизованных заказов на конкурсной основе. И вы увидите: на ту же сумму можно приобрести товаров куда больше. Мы и государству миллиарды сэкономим, и сами внакладе не останемся.

— **Помню, год назад с такой же горячностью меня убеждал в том же Артем Тарасов. Где он теперь, наш легендарный негодник? Наслаждается красотами Монмартра?**

— История с Тарасовым — особая статья. Похоже, в ней больше политики, чем экономики. Впрочем, Тарасов сделал свое дело. Он первым разворошил этот муравейник, заставил нас поверить в себя. Заметьте: занимался Тарасов чистой коммерцией. А объединение типа «МАЛС» делает крупные каплевложения. Причем здесь, в России. Какой резон нам отсюда бежать? Но в одиночку выше себя не прыгнешь, верно? Надо как-то сомкнуть интересы государства и бизнеса. Ну проверьте нас. Поручите одно, другое, третье... Мы ведь не против. Мы уже чувствуем: выросли из коротких штанишек, многое можем.

Беседовал С.ИВАНОВ

РЕБРО ГОГОЛЯ В «ТАМИЗДАТЕ»

Листая как-то в парижской Тургеневской библиотеке одно из множества зарубежных русских изданий тридцатых годов (знаете ли вы, что их в одной только Западной Европе было у нашей эмиграции больше тысячи между войнами?), наткнулся я вдруг на историю о ребре Гоголя. Московский корреспондент еженедельника «Иллюстрированная жизнь» живописал в мартовском номере за 1934 год вельможные пиры в московском особняке Горького и мрачноватую сцену перезахоронения русских писателей, над чьими могилами на кладбище Данилова монастыря по плану великих преобразований должна была пройти

трамвайная линия. Кто был этот «Н.Н.», который взялся пропечатать московскую макабру в полуцирке парижском еженедельнике, и что здесь, в этой «повести», от тогдашнего московского фольклора, а что соответствовало мрачной действительности — это скажут историки литературы. Впрочем, живы, верно, еще люди, которые помнят то мифическое время: они и дополняют рассказ Н.Н., а пока я решил отправить его в любимый свой московский журнал...

Бор. НОСИК,
Париж

ПОВЕСТЬ О РЕБРЕ ГОГОЛЯ

Как советские писатели украли ребро автора «Мертвых душ»

(«Иллюстрированная жизнь», № 2, 1934 г., Париж)

Вспомните, может быть, вы знавали этот прекрасный московский особняк именитых купцов Рябушинских на углу Спиридоньевской и Малой Никитской под № 6. Всеми окнами своего фасада особняк смотрит прямо на церковь Большого Вознесения, в которой венчался Александр Сергеевич Пушкин. А старая церковь, в свою очередь, глядит узостью окон на особняк, принадлежавший купцам Рябушинским, но вот уже несколько лет как подаренный совнаркомом СССР Великому пролетарскому писателю Алексею Максимовичу Пешкову — в собственность!

Все в особняке № 6 достойно внимания. И роскошная отделка, и устилающие лестницу пушистые ковры, и дрессированная старая прислуга Рябушинских, прислуживающая Горькому, и секретарь великого писателя, сотрудник ГПУ П.П. Крючков, и вереница просителей, жаждающих приема.

Вечером к особняку подлетают автомобили кремлевских вельмож, сановников, маршалов. Кого тут нет: Литвинов, Ворошилов, Радек, Бубнов, Каганович, глава ОГПУ Ягода, которого радушный хозяин называет, ласкательно растягивая понижегородски «о», — «моя ягодка».

Пешедралом со всей Москвы в этот же особняк сходятся и представители российской литературы

на вечера единения писателей с правительством. И часто, шурша, останавливается у особняка бесшумная машина самого «неистового» Виссарионыча, «хозяина СССР» — Сталина. «Хозяин» пирует в особняке со своими писателями. Пируют тут на фоне русской голодухи не как-нибудь, а широко, хлебосольно, так, как пировать надлежит вельможам российского государства.

Конечно, трудно представить,

чтоб у знаменитого шефа жандармов, блаженной памяти Александра Христофоровича Бенкендорфа, рядом с Булгариным и Гречем пировала бы русская литература, окруженная жандармскими сотрудниками генерала. Невозможно представить Льва Толстого, Чехова, Андреева, Соллогуба, пирующих у царского цензора вместе с министрами. Но времена шатки — береги шапки. А московская действительность грозна и переплелась в ней дикость,

низость с самой жуткой фантастикой. Это почувствовали однажды даже гости особняка Максима Горького.

Дело было к рассвету. Уж давно ушел недугующий хозяин особняка в свою опочивальню. Отомчали машины кремлевских народных комиссаров. Отбыли и начальники ГПУ. И только разбрелась по залам никак не могущая закончить пир российской литература.

Скучно становилось на рассвете в особняке плотно поевшим, буйно отпировавшим гостям — ноги устали, головы отяжелели, шутки отшучены, анекдоты отговорены, настало тяжкое молчание. Как вдруг: «Братцы! — вскрикнул один писатель. — Да сегодня ведь на рассвете переносят гроб Гоголя!» — «Как, Гоголя?» — «Ну да, Гоголя!» — «Да что вы?» — «Да на кладбище в Даниловом монастыре! Поедем туда!»

Загудели, поднялись, вывалились гурьбой писатели из особняка Максима Горького. И на раннем московском рассвете повезли их извозчики к кладбищу Данилова монастыря, где действительно приступили уж к работе по выкапыванию гробов нескольких писателей и перенесению их в другое место, ибо как раз по их могилам московский совет проводил новую трамвайную линию.

Тем, кто не знал всего этого дела, знавшие писатели рассказывали всю историю. Моссовет стал проводить новую трамвайную линию, и для этого нужно было уничтожить часть кладбища. Никто, собственно, не обратил никакого внимания, где там проводит инженер эту линию. Но вдруг какой-то древний интеллигент со всех ног прибежал в «Дом Герцена» и стал требовать созыва экстренного собрания правления союза писателей и обсуждения экстренных мер для перенесения гробов знаменитых русских писателей, могилы которых уничтожают проведением трамвайной линии.

Поднялся шум, побежали туда, побежали сюда. К писателям присоединилось какое-то археологическое общество, но, как ни пытались писатели разъяснить в московском совете всю важность сохранения великих писательских могил, в совете и слушать не захотели: «Какой там Гоголь! Линия нужна, а вы с могилами лазите!» Так и уничтожил бы, вероятно, писательские могилы проворный инженер, если бы телефонные звонки не дошли до самого «хозяина» и «хозяин» приказал уладить дело миром.

Уладили. Проводивший трамвайную линию инженер сказал, что возиться ему с могилами нет времени, но вот если писатели принесут 500 рублей и заплатят рабочим, то пускай вырывают гробы и переносят куда хотят!

Вот и подъехала на раннем рассвете к кладбищу русская литература, пропировавшая ночь в особняке Максима Горького.

Над кладбищем уже рассвело бледное московское небо. Шли толпой, с разными думами, российские писатели. Вероятно, даже не с особенно уж такими веселыми, ведь все-таки, как-никак, покойники-то были близки по профессии. И пришли к могилам, предназначенным к разрытию.

Тут, дожевывая скудный завтрак, сидели уже с лопатами, с кирками рабочие. Поострились, конечно, немножко насчет разрывания могил, но потом, откинув решетки, плиты, принялись за работу. Зазвенели лопаты о камни, срывая заросшие могильные холмы.

Первой была могила поэта Веневитинова с надписью: «Как знал он жизнь, как мало жил!».

Чем ни глубже рыли рабочие, плотнее собирались к могиле писатели. И когда лопаты ударились уже в дерево гроба, обступили приехавшие могилу кольцом, заглядывая в ее глубину. Крышка гроба поэта Веневитинова полусгнила, откинула ее остатки, и собравшиеся увидели — необычайно белый и словно ощерившийся в странной улыбке большой череп поэта. Но не череп поразил собравшихся, на среднем пальце скелета было прекрасное золотое кольцо с большим играющим бриллиантом...

Вокруг бриллиантового кольца, рассматривая, столпились писатели. Знатки камней оценили кольцо в 10 тысяч золотых рублей, а историки литературы стали вспоминать, что кольцо это Веневитинову, должно быть, было подарено княгиней Зинаидой Волконской.

Перешли ко второй могиле — А.С.Хомякова. Рыли долго. Глубоко под землей лежал Хомяков. Когда разрыли, осторожно сняли покрывшуюся крышку гроба — и вдруг все ахнули: протянув по швам руки, Хомяков лежал в одежде франкмасона, длинные волосы боевого славянофила окаймляли желтый череп. Но как только, перенося

гроб, дотронулись рабочие до останков Хомякова, рассыпался весь в прах костюм и волосы, и остался лишь голый скелет, загремевший костями.

Перешли к третьей могиле — С.Т.Аксакова. Эту могилу было особенно трудно разрывать, ибо когда-то посаженная на могиле березка разрослась в белоствольное большое дерево и корни его перепутались в могиле.

Ошеломлены были столпившиеся у могилы писатели: корни березы сплошь проросли сквозь кости старого русского славянофила.

— Хорошо это... Сквозь Аксакова проросла русская береза! — проговорил писатель и смолк.

Уже стали было устывать от разрывания могил собравшиеся писатели. Но все ждали с интересом разрывания могилы Н.В.Гоголя. Вскрытие этой могилы особо волновало собравшихся. И когда начали разрывать могилу с надписью «Горьким словам моим посмеюся», возле нее столпились все, ожидая, что предстанет сейчас в могиле великого хохла, прожившего странную и волнующую жизнь?

Над Москвой стояло полное утро. Нелегко поддавалась почва могилы Н.В.Гоголя лопатам.

Наткнулись на какой-то слой камня, били кирками, рыли глубже, дальше, звенели лопаты. Но словно не хотел Н.В.Гоголь, чтоб разрывали его могилу: снова налетели рабочие на второй слой камня. Отбросив лопаты, взялись за кирки, разбивая каменный слой. И так в третий раз уже перед самым гробом попотели рабочие над третьим слоем камня. Но, наконец, все-таки дошли до гроба Николая Васильевича Гоголя.

Странная тут произошла история и странная представилась картина.

Желтый скелет Николая Васильевича лежал словно как бы на боку. И как только дотронулись до гроба разрывшие его люди, вдруг скелет захрустел и перевернулся с боку вниз лицом. Собравшиеся улыбнулись, переглянулись.

— Хорошо бы сделать кольцо с... зубом Гоголя!

Но уже подняли несколько писателей гроб Николая Васильевича с перевернувшимся скелетом и понесли легонький, полуистлевший от времени гроб на другое место.

Это была последняя интересная могила большого русского писате-

ля, и, проспавшись, вечером этого же дня снова собрались писатели продолжить ужином с «Грозным си-волдаем» вчерашний широкий пир у Максима Горького.

Было тут все, как обычно бывает у братьев-писателей: и анекдоты, и вкусные сплетни о «хозяине»; как всегда, выделялся особенно приезжий ленинградский поэт, известный не столько своими поэтическими произведениями, сколько острейшим нецензурным языком, злыми парадоксами и экспромтами на политические темы. Недаром сам Блок когда-то написал о нем несколько строк в одном своем стихотворении.

Этот поэт и был, собственно, «гвоздем» буйного вечера. Когда много было выпито и много съедено, присутствующие пристали к уже не раз сидевшему в ГПУ за свой язык поэту сказать какой-нибудь экспромт. Поэт не поспешил, сказал какой-то экспромт, но вдруг ошарашил всех собравшихся совершенно неожиданным фактом. Перед онемевшими друзьями в дым пьяной комнаты он вытащил из портфеля какой-то сверток, вроде как бы вешалки для пальто, завернутой в бумагу, развернул его без улыбки — и глазам всех представилась... желтая кость...

— Видали? — проговорил поэт. — Это — ребро Николая Васильевича Гоголя!

Нечто необъяснимое поднялось в комнате. Настоящее ребро Гоголя! Из рук в руки присутствующих стало переходить ребро. Все трогали, рассматривали желтую сухую кость — настоящее ребро автора «Мертвых душ», «Ревизора», «Невского проспекта», «Вия» — Николая Васильевича Гоголя. С завистью и восхищением глядели на парадоксально-го поэта — обладателя ребра. Тем и кончился этот вечер. Под утро ленинградский поэт уехал к себе в Ленинград.

Домой с вокзала осторожно нес он портфель, в котором бережно завернутое лежало ребро Гоголя. В Ленинграде тут же, конечно, узнали все приятели о похищении поэтом ребра, и на его вечеринку набилась уж такая уйма народа, что яблоку упасть было негде. Все ждали, когда вслед за рыковкой и скромной закуской будет, наконец, показано ребро... Н.В.Гоголя.

И, также теребя напряженное внимание собравшихся, поэт медленно вынул из портфеля сверток в

бумаге и медленно стал разворачивать, снимая газету за газетой. И вдруг... комната огласилась гомерическим хохотом... Развернув бумагу, пораженный хозяин вечеринки вместо ребра Н.В.Гоголя держал в руках простую неотесанную палку.

Гнев, остолбенение хозяина потонули во взрывах хохота. Что за черт? Ведь он же сам завертывал в эту бумагу ребро и завязывал его веревкой? Но уже через секунду все понял хозяин вечеринки.

— Х. украл! Х. украл! — кричал он бешено по адресу хозяина последней московской вечеринки. И не было конца каскадам угроз и ругательства. Тут же в Москву пошла угрожающая телеграмма — «Отдай немедленно!».

Неизвестно, как бы кончилось это дело с похищением ребра Н.В.Гоголя, если бы вдруг в спор двух друзей не вмешался третий. В дело о похищении ребра Н.В.Гоголя неожиданно вмешалось ГПУ.

Конечно, у ГПУ много других забот и Ягоде не было бы ни малейшего смысла вмешиваться в это странное дело, но по прошествии четырех дней со дня похищения ребра, когда между Х. и У. шел ожесточенный спор и У. под всяческими угрозами требовал у Х. возвращения ему ребра, а Х. уверял, что он ребра этого и в глаза не видал, — в одной из иностранных газет появилась в три строки петитная заметка, сообщающая, правда, неверно, о каком-то «пьяном дебоше» писателей на московском кладбище и каком-то связанном с этим недоразумении.

Вот этим-то уж заинтересовался

Ягода: «Как же это так? Это, стало быть, с заграницей из Москвы непосредственная связь? А кто же это такой, кто состоит в связи с буржуазной печатью? А подать сюда Тяпкина-Ляпкина?!» — И в ГПУ в мгновение ока возникла синяя папка с надписью: «Дело о похищении ребра Н.В.Гоголя».

Уже не раз побывавший в ГПУ поэт У., получив повестку о том, чтобы немедленно явиться в ГПУ, сразу понял, по какому делу его вызывают, и, только переступив порог комнаты, где сидели двое следователей, развернул руками и во всем повинулся:

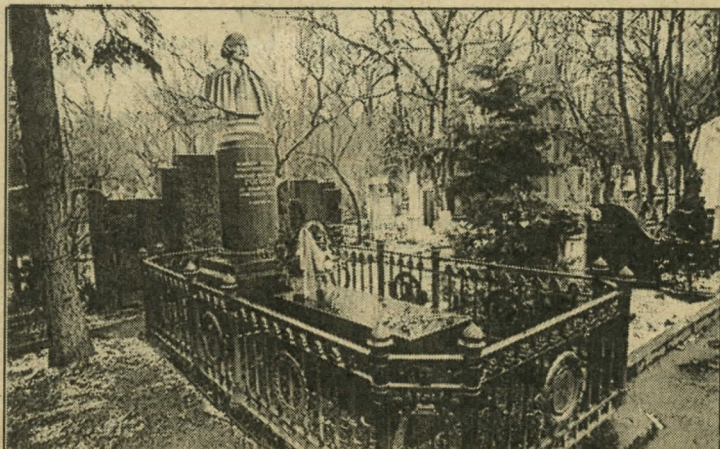
— Виноват... виноват... украл ребро Гоголя... только оно не у меня, у меня украл Х. ...вызывайте его, может, он скажет, где теперь ребро...

Но следователи не интересовало местонахождение ребра, а «замечточка», кто дал эту вот «замечточку» в иностранную газетину, представив в ней нравы советских писателей в столь диком и не соответствующем действительности виде?

В этом были невиновны ни Х., ни У., и следователи отпустили их с миром. ГПУ отделалось от «Дела о похищении ребра Н.В.Гоголя» тем, что поместило в «Правду» в свою очередь петитную заметочку, что до какой, мол, дурости может дойти буржуазная печать в своей бешеной ненависти и клевете на Советский Союз и в желании очернить его нравы.

Тем и кончилось «Дело о похищении ребра Н.В.Гоголя»: улыбками следователей ГПУ и петитной заметочкой. Само же ребро так до сей поры и неизвестно где: о нем спорят все еще прозаик с поэтом, а где в действительности находится ребро Николая Васильевича Гоголя — никому не известно.

ФОТО В.ШИШОВА

ИСТОРИЯ ОБ ОТРУБЛЕННОЙ ГОЛОВЕ

В записной книжке героя неоконченной пьесы Юрия Олеши «Смерть Занда» — писателя Занда — есть тема убийства, которая владеет им и, запретная, все равно выползает на бумагу. А ему тем временем велят писать о героях пятилетки. Но ни Занд, ни сам Олеша о героях пятилетки так и не написали. Занд сочинял психологическую драму об убийстве из-за ревности, а Олеша, написавший в 20-х годах лучшие свои книги, споткнулся в той же «Смерти Занда» на теме выживания художника в Стране Советов, замолчал на некоторое время, а затем начал писать «в стол» мемуары, обернувшиеся после его смерти книгой «Ни дня без строчки».

Олеша не стал ни автором детективов, ни фантастом, ни мастером остросюжетных, приключенческих вещей, хотя его черновики сохранили тяготение к литературе подобного рода. В них обитала, как и в записных книжках Занда, тема убийства, да не просто, а публичной казни. Причем в ранних его произведениях и черновиках она решалась романтически экстравагантным способом: персонажей в большинстве случаев приговаривали к отрубанию голов, и происходило это, как правило, при каких-то необычайных обстоятельствах.

Эта тема переходила у Олеши из сюжета в сюжет. В трагикомедии «Игра в плаху» (1920) народ так казнит

своего короля: актеры, проникнув во дворец, обманом вовлекают короля в игру, в конце которой по-настоящему отрубает ему голову. В незаконченном сюжете «Голова Карла Камерона» (1920-е годы) некто инженер Твист, поднявший в Нью-Йорке восстание против диктатора, схвачен и должен быть торжественно гильотинирован, но на этом месте рукопись обрывается. А в одном из вариантов «Зависти» (1924—1927), которая, кстати, начиналась как приключенческий роман с элементами фантастики, рассказывается про удивительного стрелка по имени Меткий Дуд, обезглавленного в Париже.

Не волнуйтесь, у Олеши не было склонности к сатире и некрофилии. Просто он, мечтая написать остросюжетный роман, который много раз начинал, но так никогда и не завершил, «разминал» тему в черновиках, готовя ее для крупного жанра. Так, по-видимому, в 20-е годы был написан и рассказ об отряде Карла Чидловского, который сохранился в черновиках без названия и публикуется впервые (рукопись хранится в ЦГАЛИ). В нем писатель, полностью сосредоточившись на фабуле, лишает повествование всегдашних своих метафорических красот. По непривычной для Олеши сжатости изложения рассказ похож, пожалуй, на сценарий с концовкой фильма ужасов.

Юрий ОЛЕША

Отряд Чидловского оперировал на Гродненской земле. Он налетал на имения, увозил оттуда добычу и помещичьих сыновей и дочек. За последних ему платили выкуп. Деньги и вещи он раздавал деревенской бедноте. На него молились, о нем рассказывали сказки. Имя Карла Чидловского сделалось святым и страшным.

Губернатор докладывал о нем правительству. Правительство распорядилось изловить его во что бы то ни стало. Паника росла. Каждую ночь горели усадьбы. Губернатор снарядил специальную часть для по-

имки Чидловского, который был назван разбойником, душегубом, врагом церкви и польского народа. Во главе карательной части поставили полковника Завистовича, кавалера немецких орденов, героя последней войны между Польшей и большевиками.

Квартирой своего отряда, состоявшего из кавалерии и пехоты с пулеметами, полковник Завистович избрал местечко Бжостовицу.

Чидловский был неуловим. Он перелетал с места на место с необычайной быстротой. Он появлялся со своими храбрецами на помещи-

чьих свадьбах в тот час, когда зажигали фейерверки и пьяные гости не могли различить искусственного огня от пожара. Чидловский выхватывал невесту из-за пиршественного стола и увозил ее вместе с собою. Он сидел в седле, а панна лежала поперек его колен в белых одеждах, лентах и цветах, как кукла. Конечно, жених не жалел никаких денег для выкупа.

Полковник Завистович был возмущен, узнав подробности о деятельности Чидловского. Он выражал это возмущение офицерам своего штаба, говоря, что наше вре-

мя — это не средневековье, что позор для цивилизованного государства, для польской республики — допускать насилия над лучшими своими сынами, над цветом нации со стороны какого-то бандита, рыцаря большой дороги. К полковнику приводили мужиков, получивших якобы драгоценности из рук Чидловского. Пленных подвергали допросу, секли шомполами, вешали. Мужики молчали. Полковник бил их кулаком сверху по русым густоволосым макушкам.

Он бил и отдергивал руку, как будто боялся, что его укусят. Он был бы доволен, если бы мужики назвали Чидловского колдуном, спасающим душу добрыми поступками. Полковник знал, что в этой местности у мужиков темное, забитое сознание, что оно окутано страхами, суевериями, тоской. Он знал, что до сих пор древние легенды, обычаи, языческие воспоминания тяготеют над их жизнью. Вера и суеверие рожают для них одни и те же образы страха, вечного ожидания, ответственности, какой-то кары в будущем. Страх господствует над их сознанием — все равно: ксендз ли поет над покойником или огни горят на болоте. Так думал полковник. Он не допускал мысли, что мужики ощущают социальную природу деятельности Чидловского.

— Что же это, колдун? — спрашивал он пленных. — Или, может быть, это ангел? Мужики молчали.

Между тем имелись точные данные о личности Чидловского. Это был солдат польской армии, бежавший в 1920 году из своей части на сторону советских войск. Потом он снова попал к полякам уже в качестве военнопленного. Его должны были расстрелять, он спасся. Затем через пять лет он появился на Гродненской земле.

Итак, полковник Завистович, облеченный широкими полномочиями, приступил к выполнению приказа о поимке Чидловского и его банды. Одному из офицеров Завистовича удалось напасть на следы поджигателя. Переодетый крестьянином, с двумя лошадьми и подводой, он рискнул присоединиться к отряду. Он побывал на хуторе, где Чидловский устроил временную стоянку. Вернувшись, офицер донес необыкновенные вещи. Он видел ксендза, повешенного на балке ворот. Труп висел в черной, аккуратно застегнутой сутане. Череп торчал из воротника, и на череп была надета черная шля-

па. Офицер пробыл три дня на хуторе. Он видел самого Чидловского. Это человек среднего роста, бритый, обыкновенной наружности. Его банду составляют самые разнообразные люди. Тут и дезертиры, и мужики, два сельских учителя, ремесленники, интеллигенты неопределенной профессии, актриса и, между прочим, какой-то таинственный человек, плохо владеющий польским языком, должно быть, чех, которого все называют «профессор».

— Это большевистская организация, — утверждал офицер, — они раскачивают крестьян.

Прошло две недели. Местность была объявлена на военном положении. Завистович смеялся, иронизировал, фыркал. Его покрывала боевая слава. Драться? С кем? С уголовным преступником? Он не представлял себе открытой схватки. Он полагал, что все закончится погоней, что Чидловский будет затравлен, как волк. Неужели полковник Завистович допустит, чтобы из-за бандита погиб хоть один его солдат, честный солдат польской армии? Пуля для бандита — слишком большая честь. Его нужно хватать арканом.

Но крестьяне волновались. В разных местах взрывались бунты. Завистович посылал конницу. И опять начинались допросы мужиков. Руки полковника пухли. Он писал домой, что звереет. Наконец было выпущено объявление за его подписью о том, что за голову Карла Чидловского объявляется награда в размере десяти тысяч злотых. Листок расклеили везде: в деревнях, на станциях, на телеграфных столбах, на деревьях в лесу, накололи на ветки кустарников.

Через два дня дозорные привели в Бжостовицу, в штаб Завистовича, некоего человека, трудно объяснявшегося по-польски, но сумевшего сообщить, что он перебежчик из лагеря Чидловского и хочет оказать службу господину полковнику. Это было ночью. Полковник созвал приближенных офицеров, в том числе и того, который в свое время побывал в лагере Чидловского. Этот офицер, по фамилии Скшиван, сразу же узнал перебежчика.

— Это тот, кого называли у них профессором, — шепнул он полковнику, — чех...

Перебежчик, оказалось, понимал по-немецки. Полковник допросил его. Этот человек не выглядел воином. Нельзя было сказать, что это

член шайки, отчаянная голова. Во-первых, он был в очках, которые, разговаривая, поднимал вместе с морщинами. Во-вторых, на нем была штатская одежда и даже вязаный серо-зеленый жилет. Все удивились, увидев аккуратную прическу, светленькие волосы, впасть висков. Он говорил очень тихо. Причем глаза его прищуривались, и все лицо, морщась, сбегалось к носу, как если бы он ожидал, что сейчас непременно-громко откупорится бутылка. Такое выражение лица бывает у умных людей, разговаривающих с профанами и ожидающих услышать явную глупость.

Он попросил полковника остаться с ним наедине. Его обыскали. Полковник удалил всех. Через полчаса чеха отпустили. Дозорные вывели его в поле.

Утром полковник рассказал офицерам следующее. Чеха фамилия Бузек. Он был студентом. Он интеллигент. Очень нервный, какое-то тяжелое поражение нервной системы. У него дергаются руки и рот. Даже неприятно с ним разговаривать. Несчастье сбilo его с пути. У него была невеста в Бреславле. Он так рассказывал о ней, что даже полковник курил чаще, чем следует. Чех плакал, почти бредил, полковник думал, что с несчастным сделается припадок. Она уехала к родным в Краков и там была соблазнена! Кем? Чидловским. Он служил тогда в польской армии. Он заразил ее сифилисом. Она лишила себя жизни, послав жениху предсмертное письмо. И вот Бузек решил отомстить Чидловскому. Он нашел пути для сближения с ним, поступил в армию, воевал, навязал себе революционные убеждения и, в конце концов, соединился с Чидловским в банде. Он стал правой рукой его. Но у него не было воли, чтобы привести в исполнение задуманное. Он трус, он болен, он сумасшедший, гнилушка. Сколько раз он намекал день, сколько раз он клялся себе, что вот сегодня он пустит пулю соблазнителью в лоб. Ради этого он стал вне закона. Тяжелая драма. Он сделался преступником, ему грозит виселица — а совершить то, для чего так страшно он изменил свою жизнь, он не может. Он хочет заслужить прощение власти. Он просит гарантий неприкосновенности, и, с этим условием, он обещает принести голову Чидловского. Пусть так, но он отомстит. Он может заверить господина полковника, что объявление о десяти тысячах злотых

взволновало многих соратников Чидловского. Многим мерещится этот куш. Он, Бузек, обещает организовать восстание, он обещает, что Чидловский будет убит. Ему лично не надо денег, он просит только пощады, ему довольно того, что подлец погибнет. Фактические убийцы потребуют денег и, вероятно, тех же гарантий...

Рассказ полковника вызвал у всех различное отношение.

— Плут! — сказал один.

Другой заметил, что вид у этого чеха действительно очень несчастный. — Все может быть, — сказал третий.

— Он не врал, — заявил полковник, — я не думаю, чтобы такие великопепные актеры были в шайке бандита. Во всяком случае, не все ли равно. Будем ждать. Все равно, не сегодня-завтра мы повесим всех: и Чидловского, и этого неврастеника.

Полковник, чувствительный, как все пьяницы и жестокие люди, написал жене письмо о студенте, который сошел от любви с ума и сделался бандитом.

На другой день разнесся ужасный слух. Слух о том, что гродненский епископ подвергся неожиданному нападению. Его преосвященство совершал поездку. После поезда ему пришлось пересечь в поданную ему коляску и направиться за двадцать одну версту от станции в имение Яскулки. Его преосвященство намеревался провести некоторое время в знаменитой библиотеке. Разве можно было ожидать какого бы то ни было нападения в той местности? Кто мог допустить, что Чидловский появится там, где даже слухи о нем казались невероятными? А между тем нападение совершилось. Что случилось с епископом — было неизвестно. Он исчез. Лошади с коляской были схвачены на железнодорожном полотне. В каких-то кустах нашли тело священнослужителя, сопровождавшего епископа, застреленного и выброшенного из несшейся коляски. Кучер и борейтор, оставшиеся в живых, но сильно избитые, рассказали о том, что нападавших было шестеро. У них была бричка. Туда швырнули епископа. Он кричал и громко молился.

Это событие показалось грозным. Губернатор приказал полковнику Завистовичу ликвидировать Чидловского в двадцать четыре часа. Двадцать четыре часа прошли без всякого результата. В начале следующих суток разъезды полковника

Завистовича узнали от крестьян долгожданную весть. Карл Чидловский убит собственными товарищами. Шайка распалась. Часть ушла к советской границе, часть разбежалась по лесам, а те, кому удалось прикончить Чидловского, несут его голову в штаб господина полковника. Была жаркая схватка. Каждому хотелось завладеть головой своего начальника. Десять тысяч злотых. Это хороший товар.

Вечером приехал в Бжостовицу на бричке перепуганный ксендз Маркевич. Он вывалился из брички почти без чувств. На сидении стоял небольшой зеленый сундучок. Ксендз упал на грудь полковника и, задыхаясь, рассказал о том, что час тому назад к нему в дом пришел неизвестный человек в очках, блондин, с этим вот сундучком и сказал следующее:

— Я — чех Бузек. В этом сундуке голова Карла Чидловского. Поезжайте немедленно в Бжостовицу к полковнику Завистовичу, вручите ему сундук и скажите, что люди ждут обусловленной награды: десять тысяч злотых. Эти деньги я возьму у вас тогда, когда это потребует. Если вы не выполните всего, что вам сказано, вас убьют.

Ксендзу дали водки. Он стучал зубами.

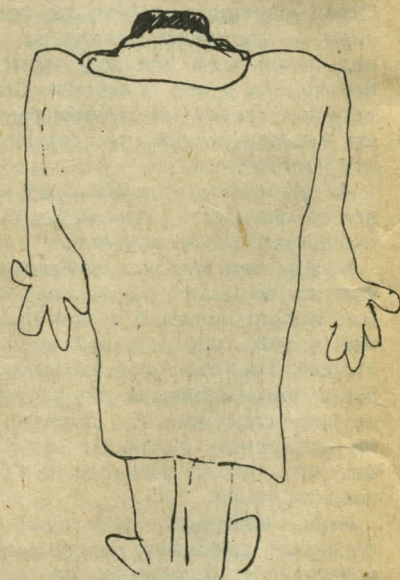
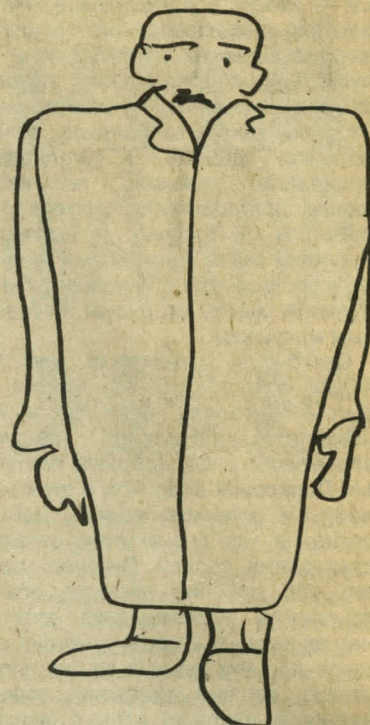
Почти весь отряд собрался к крыльцу. Сундучок поставили на лавку. На солнце ярко блестела железная обивка по его углам. Открыли крышку. Ксендз, зажимая со стороны ладонью глаза, успел увидеть страшную голову.

— Это он! — закричал офицер, увидевший Чидловского живым. — Это его голова.

Голова Карла Чидловского была поднята за щеки, потому что он оказался плешивым. Она была отрезана чисто, по самые уши. Кровь запеклась и засохла.

Ксендз получил пачку денег. Он умолял не делать никаких засад в его доме. Всю жизнь ему жить здесь. Он сойдет с ума от постоянной тревоги. Едва он вернулся, как тот же неизвестный посетил его вновь, получил деньги, пересчитал, поднимая морщинами очки, и сел к столу писать расписку. Он улыбался, почесывая карандашом где-то на животе сквозь вязаный зелено-серый жакет.

В расписке значилось следующее: «Я, Казимир Бузек, выпустил книгу об искусстве гримирования. Держите голову в холодном (месте. —

И.О.) Карл Чидловский пришел в ужас, когда увидел эту мою последнюю работу»*.

**Вступление и публикация
Ирины ОЗЕРНОЙ**

Автошаржи Юрия ОЛЕШИ

* Последний абзац был вычеркнут автором, но включен в текст публикатором, потому что другой концовки Олеша так и не написал.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

У читателей «Нового Сатирикона», ставшего после Февральской революции журналом политической сатиры, особой популярностью пользовался раздел «Волчьи ягоды» — ядовитые комментарии к какому-нибудь курьезному факту или событию. И хотя вполне возможно, что какие-то из этих фактов и событий были сочинены самими сатириковцами, «Волчьи ягоды» стали колоритной «летописью» революционных 1917 и 1918 годов.

УКРАШЕНИЕ

Оказывается, что декрет о национализации банков выработан неким Сокольниковым, студентом II курса, и настоящая фамилия его — Бриллиант.

Наконец-то в короне Ленина засверкал настоящий собственный бриллиант. А то все Крадеки да Воровские.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ БАЛАЕВЦЕВ

Балаевский хутор твердо решил: — Вы там себе как хотите, а мы волим под короля аглицкого:

«Современное слово» сообщает, что казаки Балаевского хутора на Кубани постановили объявить себя подданными английского короля, о чем станичный круг сделал формальное постановление.

Приятный подарок английскому королю ко дню рождения.

Отныне:

— Мы, король Великобритании, Индии и Балаевского хутора!

Из песни-то ведь слова не выкинешь...

ДУРАК НА ПОХОРОНАХ

Газета «Правда» напоминает того сказочного веселого молодого человека, который лихо отплясывал на похоронах:

Средь бурь мировой войны российский рабочий класс сверг царизм, отбросил от власти свою буржуазию и взял в свои руки кормило государственного корабля.

Кормило-то взял, да только странное это кормило: меньшинство кормится, большинство — пухнет с голоду.

РЕКОРД

До сих пор считалось самым трудным — украсть Александровскую колонну...

Но мы того мнения, что это легче, чем украсть из тюрьмы рояль:

2 июля в комиссариат поступило заявление об исчезновении из коридора женской тюрьмы рояля. Кто и при каких условиях увез инструмент, выяснить не удалось.

В хронике этот сочный эпизод должен фигурировать под заглавием:

«Наши карманники».

ВЕНОК НА МОГИЛУ ГУТТЕНБЕРГА

Книжная палата с душевным прискорбием сообщает, что

в настоящее время по всем отраслям знаний печатается в России книг не более чем в XVI веке.

Зато при Временном правительстве на весь мир прославилось одно издательство, выпускающее ежедневно до миллиона печатных произведений: Монетный двор.

ИДЕАЛ РАВНОПРАВИА

В г. Белополье председатель общественного комитета обнародовал такой кровожадный декрет:

«Ко мне неоднократно поступали жалобы, что по улицам гор. Белополья не только ночью, но и днем нельзя пройти от бродячих собак. Прошу граждан гор. Белополья держать собак на привязи, в противном случае собаки и их хозяева с 10-го сего месяца будут уничтожаться».

После этого декрета жители г. Белополья не имеют права говорить, что им живется хуже собак.

Им живется, как собакам.

САЛЬТО-МОРТАЛЕ

— Пийшли наши в гору, — как говорил цыган.

По протекции г-жи Коллонтай в фабричное село Вычуга Костромской губ. назначен чрезвычайным комиссаром бывший клоун.

Как известно, клоуны всегда выезжают на ослах.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БЛАГОНАДЕЖНОСТИ

Как сообщают газеты:

В Феодосии волнения и массовые обыски прекращены. Восстановилось спокойствие. На многих магазинах красуются ярлыки: «Обыскано».

Как легко простым и ласковым словом восстановить репутацию целого учреждения!

БУРЖУАЗНОЕ МОРЕ

Их не сеют, не жнут — сами вырастают. И стоят так они сплошной стеной по лицу земли русской:

На одном из митингов на юго-западном фронте (7-я армия, 74-я дивизия, 41-й корпус) один из сознательных «товарищей» при прениях о наказе большевистской мирной делегации предложил такой пункт:

«Балтийское море нам не нужно: оно нужно только буржуям, чтобы они могли ездить за границу».

Утверждая, что «Балтийское море нам не нужно», сознательный большевик немногo промахнулся: «Позвольте, товарищ, а где же «краса и гордость русской революции» будет морских офицеров топить, если Балтийское море утечет от нас?»

ВИКВОД, КОВОМАР И КЛАВОД

Радуйтесь, товарищи! Ко всем Викжелям, Совдепам и Наштаверхам прибавились новые звучные, но непонятные слова:

Виквод — ЦК Речн. и Водн. Транспорта

Ковомар — Упр. под фл. Волжско-Камск. Бас. и Мар. сист.

Клавод — это уже даже мы не знаем.

Так оно и говорится — Клавод.

— Клавод те забодай!

Публикацию подготовил
Р.СОКОЛОВСКИЙ

С.Липкин

Семен ЛИПКИН

БАГРИЦКИЙ

ПОРАЖЕНИЕ
ПОБЕДИТЕЛЯ

З.Багрицкий

Это было необыкновенное лицо!

Артист?

Художник?

Серо-голубые глаза, вдохновенные и насмешливые, птичий нос, спутанные, седеющие волосы. Он был высокого роста, слегка сутулился, одетый во что-то летнее, мятое, кажется, в парусиновые брюки и рубашку. Округлые, женственные плечи. Я подумал про него: одновременно Тиль Уленшпигель и Ламме Гудзак.

Явление это предстало моим глазам в ту самую минуту, когда я впервые в жизни переступил порог редакции.

«Одесские известия» — так называлась моя поэтическая Alma mater...

— Конечно, молодой человек, вы принесли стихи?

Я понял, что это и есть моя судьба, и вручил ему свою зеленую тетрадку.

Он сел за стол, скрипуче дыша. Хотя волосы его, как я уже заметил, начинали седеть, видно было, что ему лет тридцать, не больше. Почему же он так трудно дышит? Я тогда не знал, что у него мучительная астма.

Продолжая громко и трудно дышать, он довольно быстро перелистал тетрадку и вдруг вонзил в меня птичий недвижный взгляд.

— Вы тут заявляете: «Лишь в движенье мы жизнь постигаем и преобразаемся в нем». Испоганили Гумилева, обокрали его: «Ах, в одном божественном движенье, // Косным, нам дано преображенье».

— Я поэта Могилева никогда не читал.

— Могилева? Ой, поцайло! Вы вообще каких-нибудь поэтов читали?

Я обиделся:

— Я читал всех известных русских поэтов.

— Врете. Кого же именно?

Стыдиться мне было нечего. Уверенный в себе, я начал перечислять.

— Кто из них вам нравится больше других?

— Пушкин и Никитин.

— Никитин? Почему Никитин? Ей-Богу, это уже неплюхо. Более поздних, современных, вы знаете?

— Читал в газетах. Запомнил Демьяна Бедного и Эду-

арда Багрицкого.

— Вот как, запомнили? Кто из них лучше?

— Кажется, лучше Багрицкий. Он очень красиво пишет про море. Не сравнить с Пушкиным и Языковым, но красиво. Зато Демьян Бедный пишет смешнее.

— Да, смешнее. Между прочим, Эдуард Багрицкий буду я...

Я смутился. Мне уже в раннем детстве довелось близко видеть настоящих писателей: Семена Юшкевича и великого Бялика. Но Юшкевич был прозаик, Бялик писал не по-русски. А тут — предо мною русский поэт, чье имя часто мелькает в одесских изданиях...

— Неужели вы никогда не читали Бальмонта, Игоря Северянина, наконец, Есенина? Их обожают вся грамотная и полуграмотная Одесса.

— Я читал поэму Блока «Двенадцать».

— О, об этом стоит поговорить! Ну и что?

— Частушки какие-то. Но есть красивые места.

— Частушки? Биндюжник! Это великая поэзия. Какие же красивые места вы заметили?

— Например: «У тебя на шее, Катя, шрам не зажил от ножа».

— Почему это красиво?

— Представляешь себе. Шею видишь.

— Сколько вам лет?

— Скоро пятнадцать.

— Самое время поглядывать на женскую шею... Да, вы перечислили поэтов, которых знаете, от Державина до Аполлона Коринфского, а Тютчева не назвали. Не знаете?

— Еще как знаю. Забыл назвать.

— Можете прочесть что-нибудь наизусть?

Я прочел: «Не то, что мните вы, природа».

Опять недвижный птичий взгляд, но более внимательный:

— Вы читаете стихи, как пономарь. Имеете представление о Дальницкой улице?

— На Молдаванке. Туда идет трамвай от Тираспольской.

— Я хожу оттуда сюда, на Пушкинскую, пешком. Но

фраера добираются и в трамвае. Остановка у Джутовой фабрики. Приходите ко мне в воскресенье, часов в шесть, начнем учиться. В вашей тетрадке что-то щелкает, есть слух. Самое дерьмовое стихотворение «Весна». Нечетные строки длинные, четные короткие. Спасибо и за это. Совершенно пустое упражнение. Его и напечатать. И запомните: в газетах печатают только самые плохие стихи. Забыл спросить: Фофанова вы любите?

— Люблю.

— Клянусь жизнью Давида Бродского, я так и знал.

* * *

Я шел по Пушкинской улице, и сердце мое пело. Ноги сами привели меня к дому, где я родился. За окном девушка поливала цветы и, встретившись с моим пристальным и, наверно, тупым взглядом, высунула язык... Сейчас помещение, в котором я родился, соединено с соседним, и над дверью — небольшая вывеска: «Детская библиотека имени Э.Г.Багрицкого».

Не стану описывать волнение, охватившее нашу семью, когда все узнали, что мое стихотворение будет напечатано в газете, которую читает весь город, что меня, как взрослого, пригласил в гости поэт, чье имя было известно даже тем, кто стихов обычно не читает. На оценку «совершенно пустое упражнение» никто, даже я, не пожелал обратить внимание — до того ли нам было? Тетя Маня, портниха, работавшая в знаменитой у нас фирме Берзона, быстро сшила мне из старой портьеры бархатную блузу. Родители каждый день впивались в «Одесские известия». Нет и нет. Наступила суббота, газета вышла с литературной страницей, но и там нет. Другие вещи есть, а моей «Весны» нет. Поздно вечером прибежала ликующая Маня и, еще не войдя в квартиру, сунула через окно «Вечернюю газету». Опубликована «Весна!» Подпись: «Сема Липкин, учащийся Художественной профшколы». Папа с тросточкой с серебряным набалдашником двинулся на Дерибасовскую, в магазин Дубинского, нэпмана-старовера, купил полфунта чайной колбасы и четверть фунта ореховой халвы. Пировали за полночь. Мама сказала: «Он у нас будет академиком науки».

В воскресенье, в бордовой бархатной блузе — под горлом черный бант, — в черных новых брюках, перешитых из отцовских, я отправился на Дальницкую. Улица оправдывала свое название, ею заканчивалась северная окраина города. Мне дали двадцать копеек на трамвай, туда и обратно, но я решил пойти пешком, как это делал сам Багрицкий.

* * *

...Несколько лет назад, приехав в Одессу, я повторил этот путь. Он занял у меня два часа. Но тогда я дошел минут за сорок. Багрицкий хорошо растолковал мне свой адрес, объяснил, что живёт в доме сторожа футбольного поля, принадлежавшего команде Джутовой фабрики.

* * *

Мое знакомство с ним состоялось в самый тяжелый год его жизни. Его почти перестали печатать в местных изданиях. Он мне рассказал, как это произошло. Я потом понял, что верить следует не всем его рассказам. Он не чуждался вымысла. Например, в своих стихах он пишет, что во время первой мировой войны участвовал (возможно, в качестве вольноопределяющегося) в нашем удачном турецком походе, дошел до Персии, до Энзели. В действительности его победоносное шествие оборвалось в Полтаве: он заболел дизентерией и быстро вернулся в Одессу. Однажды он мне намекнул, что слу-

жил при Керенском в контрразведке. Правда ли это? Бог его знает — и простит...

Вот его рассказ о тогдашних трудностях — насколько я запомнил:

— Моей кормушкой был «Моряк», есть у нас такая газета. В прошлом году приехал в Одессу Маяковский. То ли Семка Корчик (Кирсанов) ему что-то наплел, то ли сам на меня рассердился, а выступил он на городском партактиве, сказал с издевкой, — он умел это делать: «Некий Джордж, или Эдуард, или еще какой-то Вильям вместо того, чтобы стихом помочь черноморцам в их нелегкой работе, печатает в боевом «Моряке» баллады о рыцарях, которые пьют сабли, а сам, наверно, настоящее сабли не пробовал, пил вино типа сабли. И стихи его — не стихи, а типа стихов». Клянусь жизнью Севки, никакого сабли в моих стихах не было. Я печатал переводы с английского о благородном разбойнике Робин Гуде. В редакции испугались и вышвырнули меня из «Моряка»...

Видимо, Багрицкий, если и фантазировал, то в пределах, близких к факту. Сергей Бондарин и Лев Славин каждый в отдельности рассказывали мне уже в Москве, что редактор «Одесских известий» Ольшевец, ставший заместителем главного редактора столичных «Известий», объяснил Маяковскому его ошибку, напомнил ему, что еще до революции, чуть ли не в 1915 году, Багрицкий опубликовал в Одессе стихотворение, в котором приветствовал молодого Маяковского, и Маяковский, пожалев безвестного собрата, дал как-то знать одесскому идеологическому начальству, что был неправ, когда напал на Багрицкого, и материальное положение Багрицкого улучшилось...

Так это было с Багрицким или не совсем так, но в тот памятный день я попал в дом нищего.

Под косым майским дождиком я прошел, как мне было указано, мимо мазанок, мимо начинающих цвести калачиков мальвы, мимо заборов, на колыях которых висели вверх дном глечики, и приблизился к строению вроде сарая, но довольно высокому. Я постучался, ответа не последовало. Я открыл дверь — и ничего не увидел: так было темно в этом сарае. Я сделал несколько неуверенных шагов и вдруг услышал:

— Болван, ви прете на корыто!

— Здравствуйте, — с облегчением, без обиды, сказал я, узнав этот певучий голос с хрипотцой, но еще никого и ничего не видя. Постепенно мои глаза привыкли к темноте. Посредине потолка был фонарь, которым освещалось помещение, он протекал, потому-то поставили под ним корыто. Обстановка: кухонный стол, он же и обеденный, несколько стульев разной формы и крепости, две железные узкие кровати в одном углу, а в другом — покрытый клетчатой шалью матрац на топчане, шкаф с выломанной дверью, прислоненной рядом к стене, кирпичная плита, обмазанная синей известкой, около которой возилась молодая женщина в очках — худенькая, не по-городскому румяная, как я потом заметил. Это была Лидия Густавовна, жена Багрицкого. Мальчик лет четырех-пяти, тот самый Севка, именем которого любил клясться Багрицкий, играл на кровати сам с собой в самодельные шашки. Около его кровати стояли у стены камышовые удочки и какой-то предмет в чехле, как оказалось — охотничье ружье. Мальчик на меня не взглянул, углубившись в игру. Он, видимо, тогда еще не был тем буянком, которого я через несколько лет застал в Кунцеве. Возле топчана возвышались, один на другом, два больших ящика, кажется, из-под папирос, в

них виднелись книги, а на верхнем лежали длинные обрывки — полосы газетной бумаги и огрызки карандашей.

Начался чудесный вечер. Багрицкий мне читал стихи. Не свои. Его голос до сих пор звучит во мне «Шагами Командора» Блока, «То было на Валлен-Коски» Анненского, «Коллежскими ассессорами» Случевского, описанием концерта из «Первого свидания» Белого, «В разногосице девического хора» Мандельштама. «Этими стихами, — сообщил Багрицкий, — я лечу свою астму. Помогает».

Он ничего не объяснял, ни к чему не приковывал мое внимание, он только читал, и его радость от прочитанного — думаю, единственная радость его жизни — стала для меня наилучшей наставницей. Серебро двадцатого века так ослепило меня в темном сарае на Молдаванке, что потускнело (на несколько лет!) в этот вечер чистое золото девятнадцатого.

— Мальчик, — неожиданно резко прервал себя Багрицкий, — сорвите с себя этот мешанский бант, вы же не актер без ангажемента, без гроша в кармане. Кстати, а есть гроши?

— Мама дала мне двадцать копеек на трамвай. Но я пошел пешком.

— Лида, у него есть двадцать копеек, и он любит шпроты. Вы же с ума сходите от шпрот! — это ко мне. — Лида, купи босяку шпроты.

Лида Густавовна посмотрела на меня с ненавистью.

— Эдя, двадцати копеек не хватит на банку шпротов. Ты отлично знаешь. Да и как я в дождь доберусь до Степовой?

Я залепетал:

— Я вовсе не люблю шпроты. Я не знаю, что это такое. Эдуард Георгиевич шутит. И назад я хочу поехать трамваем, уже поздно.

Багрицкий твердо стоял на своем:

— Он врет. Он с раннего детства обожает шпроты. Избалованный одесский ребенок. Кошмар! А дождь прошел, слышишь, Лида, корыто замолчало. Клянусь жизнью Севки, у тебя припрятаны два гривенника. Хватит на шпроты для этого гурмана.

Лида Густавовна, от гнева еще больше раздумываясь, глядя черными глазами, сердито и остро поблескивающими из-за очков, накинула на себя покрывавшую топчан клетчатую шаль, взяла у меня двадцать копеек и, злая, отправилась за шпротами. Кстати, до Степовой, главной улицы Молдаванки, было довольно далеко.

Багрицкий достал из нижнего ящика несколько тоненьких книжек:

— Теперь я вам прочту Гумилева, чтобы вы его больше не путали с городом из черты оседлости. Четыре года назад петроградская Чека его расстреляла.

— Как Андрея Шенье?

— Вот-вот! Бойтесь этого поэта. Гумилев так заворачивает, что вы теряете самого себя. Я сам только недавно вырвался из его колдовского плена. Помните «Страшную месть» Гоголя? Поверьте мне на честное слово, что Гумилев такой же колдун, какого описал великий хохол, равного которому я не знаю никого в мировой литературе. Гумилев сознавал, что в нем есть нечистая сила: «Милый мальчик...//На, владей волшебной скрипкой, //И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!».

Он начал чтение с «Капитанов». Господи, милый Бог, что со мной стало! Какие необыкновенные слова я услышал в этом нищем сарае на нищей, жалкой городской окраине! «Скитальцы-арабы, искатели веры//И первые лю-

ди на первом плоту!» А какие удивительные рифмы — «обнаружив — кружев», «области — доблести», «хартий — карте». Таких слов, таких рифм не было у тех поэтов, которых я знал. А «Заблудившийся трамвай»? «Остановите, вагоновожатый, //Остановите сейчас вагон!» Я даже такого слова не слышал — вагоновожатый, у прежних поэтов его не было, не могло быть, а в Одессе водителя трамвая почему-то называли «ватман».

Разумеется, Багрицкий понял, что со мной происходит. Он так и задумал. Воткнув свои толстые пальцы с длинными пушкинскими ногтями в мою густую шевелюру, он сказал:

— Я вам дарю «Жемчуга», «Колчан» и «Огненный столп» — последнюю, лучшую его книгу. Я не хочу их держать у себя. Хватит. Мне с ними душно. Я хочу дышать свежим, соленым ветром новой жизни!..

Вернулась Лида Густавовна, молча и гневно скинула с себя шаль, сделала второй бросок — и на кухонном столе появилась банка шпротов. Оказалось, что эти консервы продавались вместе со вскрывательным ножиком. Багрицкий с какой-то лихой жадностью присел к столу и быстро опустошил всю банку — без хлеба. Потом спросил у меня:

— Правда, вкусно?

Молчавший все время Севка, вдруг оторвавшись от шашек, сообщил:

— Все сам сожрал.

Что это было — детское озорство Багрицкого? Однажды, уже в Кунцеве, он мне сказал:

— Сейчас ко мне придет хлопчик из богатой московской семьи, сын адвоката. Пишет стишки. Обещал привезти альбом неслыханных марок.

Вскоре приехал золотоволосый подросток лет шестнадцати, будущий известный стихотворный писатель Долматовский. Он, действительно, привез альбом с марками. Я заметил: Багрицкий, рассматривая альбом, поддевал длинным ногтем понравившуюся ему марку, и та падала под стол. Что это — тоже озорство?

А шпроты? Но что мне эти шпроты, что мне земная пища, когда мне щедро подарена небесная. По совету Багрицкого я сорвал с себя бант и перевязал им три гумилевских книжечки. Я возвращался домой по безмолвным улицам полуночной майской Молдаванки, порой сверкали запоздалые, недоступные для меня трамваи, а в душе сиял другой, не электрический свет, сияли музыка и счастье...

Еще раз забегу далеко вперед. В 1949 году арестовали моего приятеля Рувима Морана, журналиста и переводчика. Ему дали восемь лет, но отсидел он только пять, благодаря зачетам: последние каторжные свои годы работал слесарем на строительстве Волго-Донского канала. Вернувшись, он мне рассказал, что на Лубянке ему предложили прочесть показания нашего сотоварища по одесскому литературному кружку, ныне члена Союза писателей. Вызванный по делу Морана как «свидетель» (чего?), он показал, что «Моран — друг Липкина, который в молодости, в Одессе, пропагандировал стихи белогвардейца Гумилева, расстрелянного советской властью». В каком-то смысле доносчик не соврал. Он и сам полюбил Гумилева, услышав от меня его стихи.

Сейчас в моих глазах Гумилев не высится в первом ряду поэтов двадцатого века, в том ряду богов, в котором я вижу Анненского, Ахматову, Блока, Бунину, Мандельштама, Пастернака и Ходасевича. Гумилев скорее принадлежит к полубогам. Но в те начальные мои годы, когда Багрицкий умно и увлекательно объяснял мне истин-

ность, красоту, значительность этих поэтов, да и других, мне незнакомых, — Бенедиктова, Случевского, Кузмина, Клюева, Нарбута, — долго еще Гумилев оставался для меня самым дорогим.

Багрицкий, открывший мне Гумилева, только и делал тогда, что его развешивал. До его окончательного отъезда в Москву у меня было с ним еще несколько встреч.

Один раз он пришел ко мне в школу на Новорыбную и, с разрешения директора, увел меня с уроков. Мы двинулись к Отраде, по ближайшему пути к морю. Шли молча, он только спросил: «Завтрак захватили?» Миновали Уютную — и из мира замкнутого перенеслись в беспредельный. Далеко внизу волшеббно-плотно синело, колдовало море. Я начал спускаться по узкой, покрытой древней пылью тропинке, но что-то заставило меня оглянуться. Багрицкий, задумавшись, стоял наверху, на смеси пыли и сухой травы. Он сказал:

— Спуститься просто, спуститься — мне цены нет. А вот как потом подняться?

Слова его меня удивили. Я забыл о его астме. Только через несколько лет, когда жестокой астмой заболел мой отец, утратил работоспособность, двигался с трудом, всегда согнувшись, я понял, как мучился Багрицкий.

Может быть, астма — одесская болезнь? Страдал же ею Бабель, но был разумен, регулярно лечился, а Багрицкий запустил свою болезнь и так рано умер — его свалило воспаление легких...

Все же мы спустились к морю: я уговорил Багрицкого, предложив назад вернуться через Ланжерон, там не такой крутой подъем.

На берегу было пустынно, как всегда в Одессе в мае. На террасе над берегом пограничники в трусах гоняли мяч. На песке зеленели их фуражки. Жирные чайки горланили, как греки в кофейне. От моря исходил тот странный, трудно обозначаемый запах, которым, наверно, пахла Вселенная, когда она создавалась. Багрицкий отбросил сандалии, снял рубаху, но остался в брюках. Тело его отличалось какой-то нездоровой белизной. Я поплыл. Вернувшись, я начал с моря обдавать Багрицкого солеными, еще холодными брызгами, как бы зазывая его к себе, к волнам. Багрицкий подрагивал рано полнеющими, болезненно-белыми плечами, сердился. Вскоре выяснилось, что певец моря не умеет плавать.

Я лег с ним рядом на теплый песок. Он неожиданно признался, что пишет поэму об украинце-хлеборобе, который дезертировал из красноармейского отряда и попал к Нестору Махно, как раз тогда, когда батько, после совместных действий с Красной Армией, внезапно повел свою орду против сил Котовского.

— Я пишу эту вещь в стиле Шевченко, — сказал Багрицкий. — Силлабический украинский стих не удастся русским переводчикам, даже такому, как Сологуб. Я докажу, что силлабика может отлично звучать по-русски. Послушайте.

Он прочел мне изумительные строки об Устинье, жене Опанаса. В прославленную «Думу про Опанаса» эти строки не вошли. Кажется, Устинья — действующее лицо в либретто оперы, написанном Багрицким впоследствии по мотивам «Думы». А в прочитанной мне главе Устинья собирается рожать, когда на Украине бушует гражданская война, мужа нет, он воюет где-то далеко, крестьянка не хочет, боится рожать в такое время, кричит, просит: «Рушником вяжите груди».

Теперь Багрицкого начинают забывать. Виноу тому — бег времени. Всем существом своим стремясь идти в ногу со временем, Багрицкий не понимал, к у д а идет вре-

мя. Он сочинил немало дурных стихов. Сначала в родовых муках он освобождался от эпигонского южного акмеизма, потом (повторю выражение из своих стихов) «впрыскивал в себя самообман». Но я уверен, что «Думе про Опанаса» и, может быть, десятку его стихотворений суждено жить в русской литературе. А это немало. Никто так, как Багрицкий, не описал в стихах трагедию украинского крестьянина, обманутого всеми режимами. Есть в «Думе» мелкие неточности, паникадило спутано с кадиллом, вряд ли пажить, т.е. пастбище, «свищет житом», т.е. рожью, но зато в этой поэме столько пленительных картин, столько музыки, столько строк, ставших крылатыми. В молодости я знал ее наизусть и умел читать ее, подражая хрипловатому, задыхающемуся и в то же время певучему голосу Багрицкого...

И еще один раз он взял меня с собой на прогулку. Мы отправились на «Охотничий рынок». Не помню, где он помещался, запомнил только, что мы прошли до самого конца Нежинской, пересекли Конную. Меня поразило, как он хорошо знает птиц. Он подводил меня к клетке и называл: «Вот щеглы, вот снегири, вот сизари, турманы, воркуны». Он долго стоял около голубей, хотел купить, но денег ему не хватало, а уйти от птиц не было у него сил.

Вскоре после нашего знакомства Багрицкий уехал в Москву. Через несколько лет он мне рассказывал:

— Приехал из Москвы Валька Катаев. Он пришел ко мне на Базарную, в дом моей матери, и сказал: «Эдя, едем в Москву. Там тебя ждут. Я купил тебе билет. Собирай вещи». А какие у меня вещи? Я взял клетку со щеглом.

Он поехал навстречу славе.

Между прочим, Катаев, чья память всегда отличалась точностью, как-то сказал мне, что сравнение цвета коня с рафинадом подарил Багрицкому он. В этом сравнении чувствуется склад крестьянского украинского ума — сахарных заводов на Украине было много, а сахар стоил дорого, был в хате редкостью:

*Жеребец под ним сверкает
Белым рафинадом...*

«Дума про Опанаса» была напечатана в сокращенном виде Иосифом Уткиным в «Комсомольской правде» и полностью в «Красной нови» Александром Воронским. Тут мне вспоминается такой эпизод. Багрицкий уже как-то пробовал, еще, кажется, в 1923 году, поехать в Москву за славой и, казалось бы, безуспешно. Воронский опубликовал стихотворение провинциального поэта в «Красной нови». Однажды, — пересказываю Багрицкого, — когда он сидел в кабинете редактора, вошел туда Есенин. Воронский представил ему Багрицкого, сказал: «Вот, собираем литературные силы, товарищ приехал из Одессы, мы его напечатали», и показал Есенину свежий номер журнала. Есенин прочел стихотворение, небрежно заметил: «Здесь нехорошо «земля рассолодела», нужно «рассолодела». Багрицкий возразил, мол, его ударение правильное. «Зачем спорить, — решил помирить поэтов Воронский, — заглянем в Даль». По словам Багрицкого, Даль подтвердил его правоту. «Что он понимает в русском языке, этот жид?» — сказал Есенин... о Дале...

Выслушав рассказ Багрицкого, я пошел в нашу Публичную библиотеку на Херсонской, взял четвертый том Даль — впервые в жизни.

Прав оказался Есенин. «Разсолодеть», — утверждает обрусевший датчанин.

Как я мог убедиться, Багрицкий в своих литературных

симпатиях или антипатиях никогда не исходил из соображений личного характера, но, может быть, после этого эпизода он невзлюбил поэзию Есенина? Он очень любил Клюева, но посмеивался над крестьянскими поэтами, называл их «Альманах «Анадьсь»».

Я говорю о Багрицком — Учитель. Но что же это значит?

Он научил меня видеть прекрасное и распознавать уродливое. Его наставничество сводилось к следующему. У скульптора есть нечто существенное — глина, мрамор, у живописца — краски, а у поэта нет ничего материального — только слово, звук, а ему, поэту, надо создавать живое — дерево, птицу, зверя, облако, человека, создавать из ничего, из слова. Между тем слово — это все. Вот почему, добавлял Багрицкий, мы должны поступать по совету Колриджа: расставить наилучшие слова в наилучшем порядке. Теперь я понимаю, что Багрицкий упрощал дело, приравнивая к пониманию подростка, но само дело было хорошим, полезным. Тогда я не знал, что сравнение поэта со скульптором и живописцем Багрицкому подсказали Баратынский, позднее — Брюсов.

Я пишу о Багрицком не только потому, что с ним связаны годы моего отрочества и юности.

Так же, как не случайно то, что его ценили знатоки и Государство, не случайно и то, что теперь от него отступили знатоки, а Государство толком не знает, как с ним быть. Во время борьбы с космополитизмом критик Тарасенков объявил «Думу про Опанаса», до этого блиставшую в «золотом фонде» советской поэзии, произведением сионистским. Нападают на Багрицкого и нынешние черносотенцы. Его характер я как-то попытался очертить в небольшой поэме «Литературное воспоминание». У меня впоследствии в Москве, в Кунцеве, были с ним жестокие споры, порою кончавшиеся, хотя и непродолжительными, разрывами. Я кричал (да, кричал!) на него, когда он решил вступить в зловонный гадюшник РАППа, а я не желал понять, что туда его толкали материальные трудности, надежда получить постоянное жилье в Москве вместо снимаемой им половины избы в Кунцеве, где не было самых необходимых удобств, особенно необходимых человеку больному.

Все дурное отошло, а хорошее живет во мне поныне. Две вещи я буду помнить всегда: то, что Багрицкий был поэт, и то, что он научил меня азбуке прекрасного. Главная черта этого блестяще-талантливого и безвольного до безнравственности человека — обожание поэзии. Именно — обожание. Мысль о том, что «поэзия есть Бог в святых мечтах земли», никогда не была для него крылатой фразой Камюэнса—Жуковского. Она была его вероисповеданием.

Может быть, он потому и не стал первостепенным поэтом, что любил поэзию, как Бога: робко и с трепетом грешника, часто впадавшего в государственное безбожие. А с Богом, видимо, надо попробовать бороться, как это сделал Иаков, чтобы победа борющегося стала победой Бога. Стихи Багрицкого вроде «ТВС», или «Смерти пионерки», или «Февраля» есть не борьба с Богом, а постыдная — тем более постыдная, что искренняя, — капитуляция перед диаволом.

А какие чудесные строки, даже в последние его годы, рождались из-под его карандашного тупого огрызка, упрямого в толстые пальцы. Например, эти:

*(Апрельского мира челядь,
Ящерицы, жуки,
Они нашу землю делят
На крохотные куски;*

*Ах, мальчики на качелях,
Как вздрагивают суки!)*

Мне запомнилось, как этими стихами восхищался Михаил Кузмин, сидя у Багрицкого в Кунцеве на крестьянском столе рядом с аквариумом, снимая очки и расширяя в восторге большие — два черных блюдца — креольские глаза и в то же время болтая ножками в каких-то (подумал я так) пронелевых сапожках. Он уже мало был похож на известный сомовский портрет... и только глаза — остались сомовскими...

Кажется, сырым мартом 1929 года Багрицкий приехал в Одессу — победителем, знаменитостью. Бывший жилец сараев на футбольном поле Джутовой фабрики был теперь одет романтически, как и полагается столичному поэту с громким именем. В узкой кожаной шапке с высокой тульей, в кожаном черном пальто, в неописуемых крагах, он приехал, чтобы ошеломить Одессу, в которой еще недавно знал унижение, бедность. Мне запомнилась веселая горечь одной его фразы:

— Я встретил Маркуса, своего соседа по Базарной. Роскошный парень, король железнодорожных спекулянтов. Увидев меня, он первым делом пощупал мое пальто: «Кожа — дешевка. Made in Марына Роща». Он и не слышал, что я автор «Думы про Опанаса». Вот вам и слава.

Был устроен вечер Багрицкого в Доме печати, в длинном, узком зале на Ланжероновской. То ли в зале было холодно, то ли форса ради, Багрицкий стоял на подмостках в своем кожаном пальто. Он прочел всю «Думу» целиком, «Контрабандистов» и другие эффектные вещи, читал он превосходно, поэты, как правило, читают свои стихи лучше, чем актеры, а Багрицкий владел этим искусством с особенным блеском, успех великий, его нищая молодость, хотя и с запозданием, торжествовала.

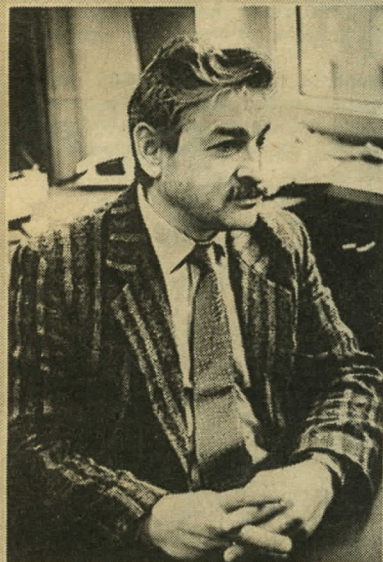
Он провел в Одессе всего несколько дней. Уже никого в городе не было из числа его литературных сверстников. Он скучал. Я был у него в доме на Базарной. Мне кажется, что отношения его с матерью были отчужденными. Мы каждый день гуляли с ним вдвоем под мокрым солнцем марта. Однажды, на Николаевском бульваре, у входа в бездействующий фуникулер, я спросил его, одобряет ли он мое намерение уехать в Москву.

— Надо ехать, — сказал он твердо. — Вам будет нелегко, хазу в Москве теперь найдешь не быстро — это главная трудность, но придумаем что-нибудь, например, около меня в Кунцеве, это близко от города, сезонный билет стоит пустяки. Мне бы самому надо было поехать в Москву раньше, пока астма была послабее, а я помоложе, но меня напугал Олеша, говорил, что в стихах теперь требуется сквозной лирический сюжет, а что это значит? Я подумал, что никому я в Москве не нужен, пропаду в холоде и в голоде. Мне кажется, что вы в Москве найдете свое место. У вас есть артистическая жилка, и очень возможно, что вы поэт. Вряд ли получится из вас большой поэт, но небольшой получится. Поверьте мне, я в этом деле съел свору собак, редко ошибаюсь. Я предсказал Гехту, что он станет писателем, — и вот, какой ни на есть, а писатель из него вышел, даже Бабель кое-что хвалит...

Провожали его в Москву всего несколько человек. Среди них мне был знаком только один газетчик. Никого не было из его близких. Мать на вокзал не пришла.

Он уезжал в плацкартном вагоне, в руках у него был продолговатый баул, обитый потрепанной кожей.

Культурный центр Союза композиторов России — это

Вадим КУЗНЕЦОВ, помощник президента:

— Когда был образован Центр и какова цель его деятельности?

— Центр функционирует больше года. Его президентом является заслуженный артист России, композитор Владимир Газарян. Сегодня наши офисы открыты в Москве, Зеленограде и Солнечногорске. Налажены связи с Санкт-Петербургом, Красноярском, Томском и другими регионами России. Есть зарубежные партнеры в Греции, Швеции, Германии. Цель деятельности Центра — объединение представителей творческих профессий (артистов, педагогов, ученых) и создание необходимых организационных и материальных условий для максимального раскрытия их творческих возможностей.

— Но ведь существует система государственных учреждений, решающих подобные задачи.

— Государственные структуры управления культурой сегодня размыты и практически парализованы. Мы же видим свое преимущество в коммерческих принципах деятельности Центра. Конкретное дело всегда предпочтительнее любому заверениям, и в этом мы видим залог успеха нашего предприятия.

- клуб творческих людей;
- банк оригинальных идей;
- центр коммерческих связей;
- перспектива организации бизнеса в области культуры, науки и образования.
- высококвалифицированные специалисты в различных областях знаний.

Адрес: Ленинградский пр., 59.
Телефон: 157-09-41
Факс: (095) 264-59-61
Телекс: 411614 Agnus SU

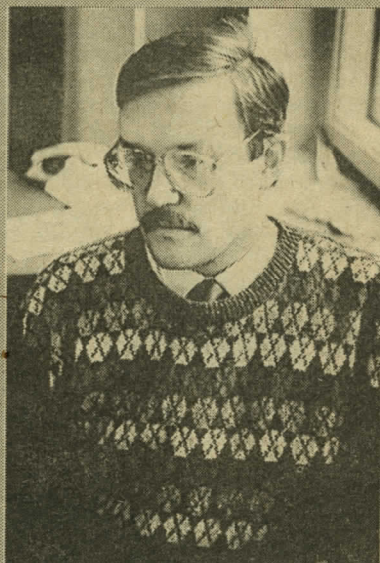
Алексея ШАЛАШОВ, директор-координатор, член Союза журналистов:

— Чем конкретно будет заниматься Культурный центр?

— Одним из направлений в нашей работе является концертно-гастрольная деятельность как на территории России, так и за ее пределами. Причем нас интересуют артисты самых различных жанров: мастера классической музыки, фольклора, балета, оперы и т.п. Центр начал разработку программы культурного сотрудничества со всеми заинтересованными организациями и учреждениями, с зарубежными фирмами и агентствами, а также с отдельными исполнителями и коллективами.

— Известно, что в нашем концертном бизнесе отсутствует система проверки надежности западных компаний, предлагающих партнерство отечественным исполнителям.

— Нам известна эта проблема. Мы разрабатываем на основе международного права свою систему юридических гарантий и практических мер по защите интересов артистов и коллективов, гастролирующих за рубежом.

Игорь ЧЕРНЯКОВ, директор-координатор, кандидат философских наук:

— Предусматривается ли работа Центра по другим направлениям?

— Безусловно. В поле нашего внимания находятся вопросы и образования, и культуры в целом. Мы предлагаем педагогам и ученым свободное сотрудничество с зарубежными научными и культурно-образовательными центрами, возможность реализации собственных творческих идей, оригинальных разработок искусствоведческой и общегуманитарной направленности. В наших планах — организация специализированных учебных заведений, учреждение научно-исследовательских центров («Славянская культура», «Общение через искусство»), а также другие интересные начинания.

— Не кажется ли Вам деятельность Центра в нынешних условиях несвоевременной?

— К сожалению, всезанятость политической отодвинула сегодня проблемы культуры на самый дальний план, а политики не учитывают реальной опасности растерять культурное богатство России в ближайшее время.

— Вас беспокоит перспектива массовой миграции за рубеж?

— Да, конечно. В этой ситуации Центр будет создавать благоприятные условия для самореализации ученых, педагогов и артистов как у нас в России, так и за ее пределами, совместно с аналогичными центрами за рубежом.

ЛЕТОПИСЬ-91

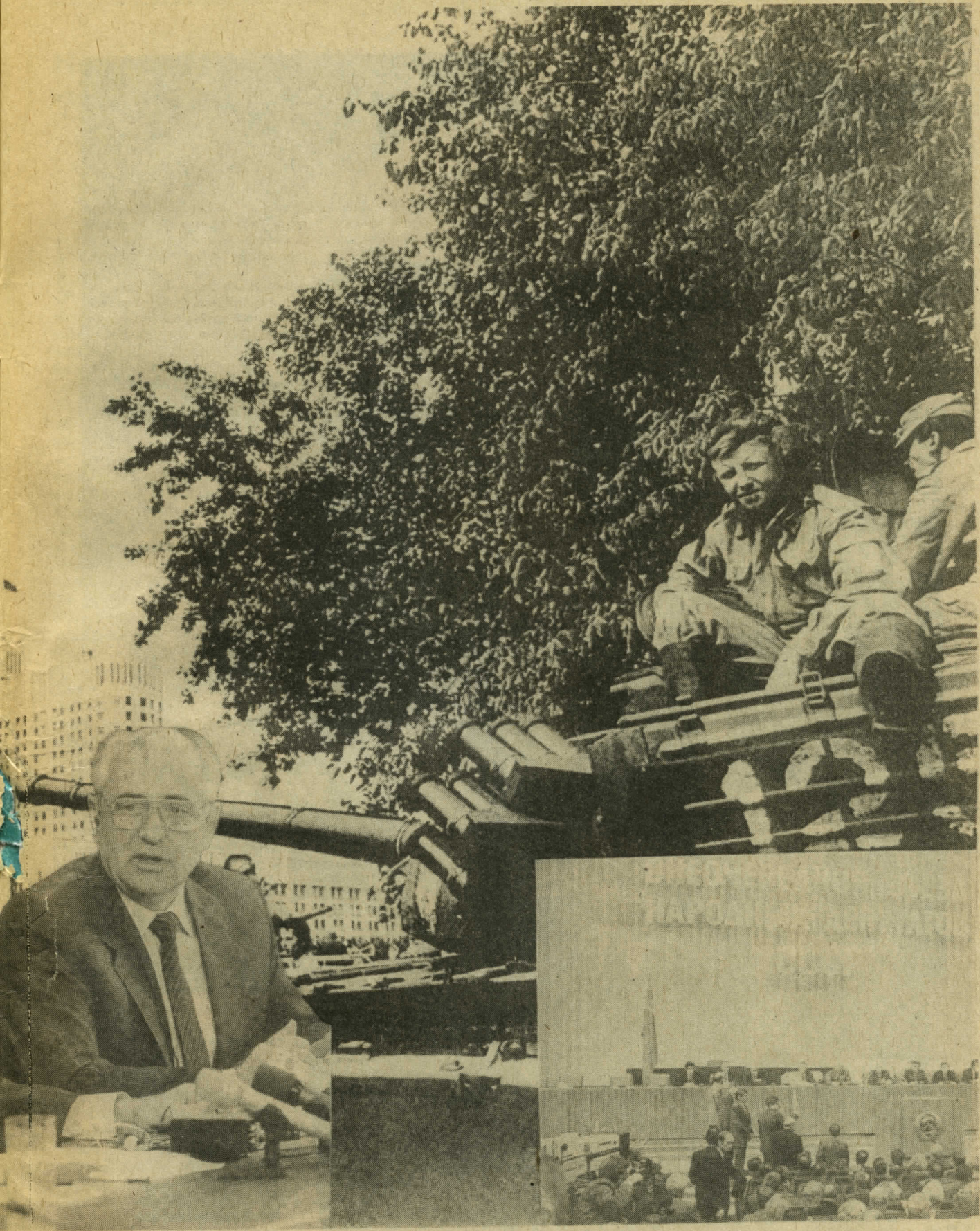
И опять — встреча на высшем уровне. Новые советско-американские договоренности о сокращении стратегических наступательных вооружений. Весь мир вздохнул свободнее. А мы?

Александр Яковлев предупреждает: это может случиться завтра. Напрасные страхи?

«Это» случилось. «Это» был «их» последний и решительный бой. Не получилось. И не могло получиться. Горбачев ошибался, когда сказал, что из Фороса вернулся в другую страну. Мы стали другими задолго до августовских событий. «Они» этого не поняли. И получили «детский мат».

Очередной «внеочередной» съезд народных депутатов СССР (которого нет) отличался «лица необщим выраженьем». Как и перспективы страны в посткоммунистический период. Фанфары отыграли. Страна разваливается. Народные депутаты окончательно потеряли право называть себя «народными»...

КОНЕЦ

«ЛЕТОПИСИ—91»?

Над
«Летописью—91»
работали:
О.Проханов,
В.Петров,
Н.Сахно.
Использованы ма-
териалы Фотох-
роники ТАСС

Никита ГЛАДИЛИН

Человек из страны КИЖЛИ

Исповедуя традицию японских мудрецов, пятидесятилетний москвич Александр Чучин прожил три жизни, каждый раз начиная все заново. В день смерти доктора химических наук, автора многих изобретений Александра Чучина родился писатель Александр Русов, написавший и издавший более десяти объемистых томов историко-фантастической прозы. Если в свое время профессор Чучин в одночасье уничтожил все свои научные труды, то два года назад преуспевающий писатель Русов забрал все свои рукописи из редакций и издательств. Он порвал с литературой, чтобы заняться... Кижлями.

Этого слова нет ни в одном словаре. Это слово придумал сам Чучин-Русов, ставший в третьей своей инкарнации Александром Кижли.

...Все началось с разочарования в традиционной продукции книгопечатания — стандартных томиков, где на первой странице — фамилия автора, на последней — цена, а на остальных — унылые шеренги однородных серых букв.

Словом, Кижли — новая форма книжного дизайна. Но сам автор считает: «Кижли — это страна со своим ландшафтом и своими законами, даже со своей валютой... В эту страну можно даже эмигрировать — не выходя из собственной квартиры».

Он действительно домосед. Не признает выходных и по четырнадцать часов в день проводит за письменным столом, колдует над книгами, художественными альбомами — что-то вырезает, подклеивает, надписывает... Сколько за это просит? Да... когда пять кижлей, когда десять. Призывает к сотрудничеству всех желающих, но желающих работать за кижли не очень много. Однако одиночества своего Русов не ощущает, как не ощущает себя ни чудачком, ни затворником. Ему так уютней, более того — он ставит Тереза куцую бородку, он взаллеб раскрасывает редким визитерам, в

какой чудной и веселой компании проводит дни напролет. Выясняется, что соратников по кижли-движению у него масса: Леонардо и Басё, Диоген и Гессе, Лао-цзы и Шёнберг... Разумеется, нет большего наслаждения, чем многочасовые беседы с такими приятелями.

А результат долгих бдений — пачки самодельных открыток, кипы искусно выполненных плакатов, акkuratные стопки тоненьких (4—5 листов) книжечек... Впрочем, пока это только макеты.

Кижли-продукция, на первый взгляд, чем-то напоминает стенд для афиш или наспех сделанную школьную стенгазету — какое-то хаотическое соседство разнородных аппликаций; пестрый конгломерат иероглифов, кратких афоризмов на разных языках, репродукций портретов, картин, гравюр, наскальных рисунков; встречаются даже нотные фрагменты... Винегрет...

Но искусство ли это? Ведь Русов строит из готовых кирпичиков, ничего своего не изобретая. Компонует давним-давно сказанное и написанное, не более того. С другой стороны, химики могут синтезировать сколько угодно новых веществ, но в таблице Менделеева по-прежнему чуть более ста простых элементов. Из таких же элементов состоит и культура — К.Г. Юнг называл их архетипами.

Русову кажутся смешными ультра-революционные затеи «авангардистов»: весь авангард XX века он отыскал аж до нашей эры. Древний Египет предвосхитил современное мультипликационное кино. И даже такой «писк» моды, как видеоклип, уходит корнями в пиктографическое письмо...

Александр Русов ставит перед собой сложную задачу — восстановить связь времен. Пример: почтовая открытка со штампом Кижлей содержит цитату из Сенеки. Дальше оставлено место, где каждый может продолжить мысль знаменитого древнеримского стоика, пожелав

адресату то, что сочтет необходимым. Но лапидарный емкий стиль Сенеки обязывает «соавтора» ответственной подойти к способу выражения собственных мыслей.

Внешний сезон в Кижлях посвящен единой теме — «Мужчина и женщина в веках» (предположительно, всего сезона будет семь, и у каждого своя тема). Любуй из нас имеет свои соображения об отношении полов, но — по большому счету — способен ли мы что-либо добавить к тому, что сказали по сему поводу царь Соломон, Сафо, Данте, Пушкин... Фрейд, наконец? При-

дется полистать странички кижли-сериалов. Каждая — словно компьютер, способный, по замыслу автора, вместить тысячи единиц информации, путеводитель по океану Традиции, своего рода учебное пособие по истории искусств и эстетике. Для кого? Для элиты, для массы, для взрослых, для детей?.. Для всех! Сухие параграфы академических учебников навевают на всех одинаковую тоску... А «методички» Русова предлагают игровой, «кижлевый» подход к предмету. Нет культуры «низкой» и «высокой», «дворянской» и «народной», «детской» и «взрослой» — есть Культура. Она универсальна и плюралистична: любой знак

таит в себе миллионы смыслов, и всякий может найти свой смысл для каждого знака. И Русов всякому пытается доказать, что Культура — «праздник, который всегда с тобой».

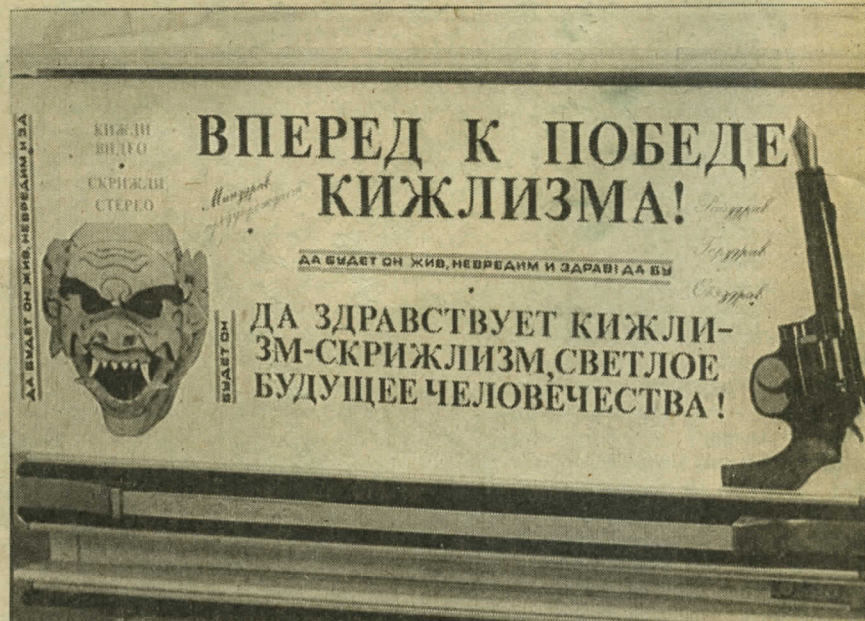
Мне кажется, пока еще для разорванного сознания современного человека культура (в лучшем случае) — неприступный воздушный замок. Перед ним можно благоговеть, но жить в нем — нельзя. А в большинстве своем мы даже благоговеть не способны. Елейно-патетические проповеди экранных и журнальных культуртрегеров, вкрапленные в мельтешно полуодетых девиц и бесплодную трескотню политиков, превращают воздушные замки в монструозные твердыни, от которых

нам, задавленным бытовухой, хочется шархануться подалеже.

Можно сколько угодно трубить о бездуховности новых поколений, о девальвации духовных ценностей — ситуация не изменится, пока мы поддаемся внушению, будто культура — воздушный замок, башня из слоновой кости или твердокаменный бастион духа. Ведь она не столько Храм, сколько родной дом.

Александр Русов нашел ключ от его ворот в собственном кармане. Не всем он согдится, но ворот у Дома может быть много, и ваш ключ где-нибудь недалеко.

На фото Д.Акатова и А.Неменова: Кижли-продукция

НА ВСЕХ НЕ ХВАТИТ!

Фирма "GUR" — эксклюзивный дистрибутор
шести российских бирж — начинает
открытую продажу акций
по номинальной стоимости.

Каждая биржа выпускает только 500 акций.

БИРЖА	Уставный фонд	Стоимость акции (руб.)
Российская биржа ценных бумаг	1 000 000 000	2 000 000
Российская промышленная биржа	1 000 000 000	2 000 000
Российская сельскохозяйственная биржа	1 000 000 000	2 000 000
Российская кино-видео биржа	1 000 000 000	2 000 000
Российская биржа энергоносителей	1 000 000 000	2 000 000
Российская биржа медицины и здравоохранения	1 000 000 000	2 000 000

Начало торгов — середина января 1992 года
Тел. в Москве: (095) 166 36 15
Факс: (095) 166 39 12

ДЕШЕВЛЕ НЕ БУДЕТ!

индекс 73746

21-3-198

№ 51-52
1991 г. 3руб.

НОВОГОДНИЙ
ВЫПУСК

иллюстрированный еженедельник

СТОЛИЦА